

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Серия

*ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ*

Тема номера:

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

2025 / №5

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 5

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 5

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. 190 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2025, no. 5. 190 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: «ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

*Бруз В. В., Жиряков И. Г., Ковригин В. В., Лескова И. В., Литвинов П. П.,
Реснянский С. И., Семченко А. А., Фукс А. Н., Яровой Е. В.* Вторая мировая война
и проблема формирования исторической памяти (круглый стол).....9

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Козлов М. Н., Бойцова Е. Е. К вопросу о существовании Добрыни Рязанича 25
Соловьёв Я. В. Проблемы преобразования местного финансового управления
Российской империи в пореформенный период 33
Иерусалимский Ю. Ю., Игутин И. В. Освещение студенческого движения
второй половины XIX века в «Московских ведомостях» 46
Шульц Э. Э. Военные потери как критерий эффективности воюющих сторон
в дискуссиях о Великой Отечественной войне 57
Колокольчикова Р. С. Тема товарного дефицита в письмах советских граждан
в редакцию газеты «Правда» в первой половине 1980-х гг. 70
Новиков И. С. Кадровая революция в годы перестройки:
новые лица, старые методы. 81
Воронин Н. С. Роль семьи в формировании будущих политических взглядов
В. В. Жириновского 97
Суханова Н. И., Литвинов В. П., Золотарёв В. А. Региональное массовое сознание
в условиях революционной России начала XX в. (на материалах Северного Кавказа) .. 105
Кряжева-Карцева Е. В. Историческое просвещение: основные направления
интерпретации феномена этнокультурного и языкового разнообразия в России. 117

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Бруз В. В. Сравнительно-исторический анализ взглядов англо-американских
и советских историков на цели, задачи и функции института
военных комиссаров РККА в предвоенные годы 129
Жиряков И. Г. К 100-летию Локарнской конференции и Первого панъевропейского
конгресса; некоторые размышления о «спорных» юбилеях в контексте
«русского/советского вопроса» 139

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Володихин Д. М. Малороссийское казачество XVII века в трудах М. О. Кояловича
(под углом зрения цивилизационного подхода) 152
Литвинов П. П. Нормативно-правовая база управления башкирами
в дореволюционный период: источниковедческий анализ. 159

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Безрученко М. П., Ткачёва Т. О. Цифровой суверенитет в глобальной политике:
сравнительный анализ стратегий США, России и Китая 173

CONTENT

ISSUE THEME: "WORLD WAR II AND THE PROBLEM OF FORMING HISTORICAL MEMORY"

<i>V. Bruz, I. Zhiryakov, V. Kovrigin, I. Leskova, P. Litvinov, S. Resnyansky, A. Semchenko, A. Fuks, E. Yarovoy.</i> World War II and the Problem of Historical Memory Formation (Roundtable)	9
--	---

DOMESTIC HISTORY

<i>M. Kozlov, E. Boytsova.</i> To the Question of the Existence of Dobrynia Ryazanich.	25
<i>Ya. Soloviev.</i> Problems of Transformation of Local Financial Management of the Russian Empire in the Post-Reform Period.	33
<i>Yu. Ierusalimskiy, I. Igutin.</i> Illustration of the Student Movement of the Second Half of the 19 TH Century in Mosovskie Vedomstva	46
<i>E. Shults.</i> Military Losses as a Criterion For the Effectiveness of Warring Parties in Discussions about the Great Patriotic War	57
<i>R. Kolokolchikova.</i> The Topic of Product Shortage in Letters from Soviet Citizens to the Pravda Newspaper in the First Half of the 1980s	70
<i>I. Novikov.</i> The Personnel Revolution in the Years of Perestroika: New People, Old Methods.	81
<i>N. Voronin.</i> The Role of Family in Shaping the Future Political Views of V. V. Zhirinovskiy	97
<i>N. Sukhanova, V. Litvinov, V. Zolotarev.</i> Regional Mass Consciousness in the Conditions of Revolutionary Russia at the Beginning of the 20th Century (Based on the Materials of the North Caucasus)	105
<i>E. Kriazheva-Kartseva.</i> Historical Education: Main Directions of Interpretation of the Phenomenon of Ethnocultural and Linguistic Diversity in Russia	117

WORLD HISTORY

<i>V. Bruz.</i> A Comparative Historical Analysis of the Views of Anglo-American and Soviet Historians on the Goals, Objectives and Functions of the Institute of Military Commissars of the Red Army in the Pre-War Years	129
<i>I. Zhiryakov.</i> On the 100th Anniversary of the Locarno Conference and the First Pan-European Congress; Some Reflections on "Controversial" Anniversaries in the Context of the "Russian/Soviet Question.	139

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>D. Volodikhin.</i> The Little Russian (Malorossia) Cossacks of the 17th Century in the Works of M. O. Koyalovich (From the Point of View of a Civilizational Approach). . .	152
<i>P. Litvinov.</i> The Legal Framework Governing Bashkirs in the Pre-Revolutionary Period: A Source Analysis.	159

POLITICAL SCIENCES

<i>M. Bezruchenko, T. Tkachoyva.</i> Digital Sovereignty In Global Politics: A Comparative Analysis Of The Strategies Of The Usa, Russia And China	173
--	-----

Тема номера:

«ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

2025 год стал годом 80-летия Великой Победы. Победы СССР в Великой Отечественной войне, победы над германским нацизмом и над фашизмом. Великая Отечественная война стала самой крупной и самой кровопролитной частью Второй мировой войны. Восточный фронт был местом сосредоточения основных сил Третьего рейха и основных его поражений. Именно на Восточном фронте, где шла Великая Отечественная война, был «сломан хребет германского нацизма и Третьего рейха».

Считается, что военные начинают разрабатывать новую войну, как только заканчивается прежняя. В 1946 г., когда мир ещё только осознавал, что самая страшная в истории человечества война завершилась, когда едва были осуждены нацистские преступники, США и Англия развязали новую войну – теперь против своего союзника, обеспечившего победу в этой войне – СССР. Новая война была не похожа на прежние и получила название «Холодная война». Эта война сразу сказала на переписывании истории и исторической памяти. СССР должен был из главного победителя, страны, вынесшей основную тяжесть войны, превратиться в страну, которая не имела права на победу, страну, которая виновна в развязывании Второй мировой войны, тоталитарный лагерь, который является новым мировым злом и должен быть разрушен.

Более 40 лет происходило формирование иной истории Второй мировой войны, а затем эти образы были навяза-

ны России, которая «проиграла в Холодной войне». Инструмент был оценён и стал использоваться достаточно широко, играя роль в формировании национальной идентичности во всех странах постсоветского пространства.

Понимание того, как через манипуляцию историческими понятиями ведётся борьба за настоящее и будущее, является сегодня одним из ключевых аспектов не только изучения Великой Отечественной войны, но и защиты национального исторического сознания. В конечном счёте, защита исторической правды в эпоху информационных войн – это и есть научная миссия и вклад в обеспечение устойчивости общества перед лицом современных вызовов. Информационная война, определяемая как противоборство в информационной сфере для достижения стратегических целей путём воздействия на общественное сознание и системы управления, стала одним из главных инструментов современной политики.

Здесь история Второй мировой войны и Великой Отечественной войны становится мостиком между прошлым и стремительно меняющимся современным миром.

В Европе большое внимание уделяется вопросам преподавания истории Второй мировой войны, в которой СССР либо нет места, либо его роль негативная. Как отметили участники круглого стола, с содержательной точки зрения предполагается фрагментарная, избирательная подача материала, в соответствии с определённой

концепцией освещения данной темы. У обучаемых возникает иллюзия самостоятельного получения истинности знаний.

Немецкие учебники традиционно уделяют значительно меньше внимания военным действиям на Восточном фронте – всего 5–6% учебного материала по истории XX века посвящено Второй мировой войне, причём значительная часть этого объёма отводится анализу внутренней политики Третьего рейха, Холокоста, жизни гражданского населения и моральных дилемм немецкого общества. Такие ключевые события, как блокада Ленинграда или Сталинградская битва, либо упоминаются вскользь, либо вовсе отсутствуют.

Учебники стран Золотого миллиарда рассказывают об успешных боевых действиях, среди которых осталось место только Сталинградской битве, которая была «сродни великой битве при Эль-Аламейне». Примечательно, что ещё 30 лет назад справочники и учебники, посвящённые Второй мировой войне на Западе, описывали 3 битвы Восточного фронта: Московскую, Сталинградскую и Курскую – т.е. в процессе между 1945 г. и концом XX в. из изложения (и осмысления) выпало огромное количество операций на Восточном фронте, каждая из которых была в разы больше по количеству составу и значению для поражения Третьего рейха, чем суммарно обе битвы при Эль-Аламейне.

За последние десятилетия Вторая мировая война стала более ожесточённым «полем битвы» по изменению исторической памяти. Особенно это касается формирования новой идентичности у новых стран и наций.

Особую роль в этом процессе сыграла концепция «двух тоталитарных режимов», согласно которой война 1941–1945 гг. предстаёт не как справедливая освободительная борьба, а лишь как столкновение двух тиранов – Гитлера и Сталина. Под маской «альтернативной точки зрения» или «пересмотра мифов»

ведётся систематическая работа по искажению правды: принижается вклад Советского Союза в разгром нацизма, героизм солдат и мирных жителей подаётся как «принудительный», а сама Победа – как «пиррова» или «кровавая». Такие нарративы не просто ошибочны – они опасны, ибо разрушают нравственные ориентиры, подрывают патриотическое сознание и лишают молодое поколение чувства гордости за своих предков.

Преподавание Второй мировой войны на Украине стало заложником политики противопоставления Украины и России, где Великая Отечественная война, ставшая одним из важнейших символов единства, подверглась максимальному воздействию на всех уровнях, доступных государству: от образования и культуры до введения уголовной ответственности за демонстрацию победной атрибутики. Постепенно в украинских учебниках истории начал появляться тезис о разности интересов Украины и России в Великой Отечественной войне. В целом же украинские учебники и учебные программы направлены на то, чтобы не просто выделить украинскую составляющую, но противопоставить её общесоветской и русской. Информационная среда, насыщенная «новым» прочтением истории, способствует формированию особой украинской идентичности.

Участники дискуссии согласны во мнении, что Великая Отечественная война остаётся центральным событием мировой истории XX в., не только определившим ход истории и судьбы народов, но и до сих пор вызывающим острые дискуссии в исторической науке и образовательной практике.

Школьные учебники истории, как особый историографический феномен, выступают важнейшим каналом передачи не только знаний, но и ценностных установок, формирующих у подрастающего поколения представления о прошлом, настоящем и будущем своей страны. Именно поэтому освещение войны

в учебниках становится предметом особого внимания со стороны государства, научного сообщества и общественности. Содержание школьной истории, её воспитательный потенциал, обеспечивающий формирование мировоззрения подрастающего поколения, становится ключевым направлением в идеологическом обеспечении национальной безопасности нашего государства. В идеологической войне, продиктованной внешними

вызовами и угрозами, жёсткая критика лжи о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны становится необходимым условием по решению задачи формирования у школьников любви к Отечеству и гордости за его героическую историю.

История – это не просто хроника прошлого. Это фундамент национальной памяти, морального выбора и гражданской идентичности.

Научная статья

УДК 93/94+930

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-9-24

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Бруз В. В.^{1*}, Жиряков И. Г.¹, Ковригин В. В.¹, Лескова И. В.¹, Литвинов П. П.²,
Реснянский С. И.¹, Семченко А. А.¹, Фукс А. Н.¹, Яровой Е. В.¹**

¹ Государственный университет просвещения
г. Москва, Российская Федерация

² Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
г. Елец, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: vvb54@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.11.2025

После доработки 10.11.2025

Принята к публикации 17.11.2025

Аннотация

Цель. Анализ современных тенденций в изучении и преподавании истории Второй мировой и Великой Отечественной войны в условиях информационно-политического противоборства и формирования коллективной памяти к 80-летию Победы.

Процедуры и методы. Использованы методы дискурс-анализа, сравнительного изучения образовательных практик и учебных материалов, историко-генетический анализ трансформации исторических нарративов в школьных учебниках России, стран Европы и Украины.

Результаты. Выявлены основные механизмы фальсификации и политизации истории войны: подмена понятий, внедрение англо-саксонской модели преподавания, игнорирующей роль СССР, и целенаправленное формирование антироссийской исторической идентичности на Украине. Показана эволюция отечественных учебников от критического пересмотра 1990-х гг. к патриотической парадигме, основанной на концепции «Россия – государство-цивилизация».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для разработки методологии противодействия фальсификации истории, совершенствования учебных программ и учебников, а также в целях укрепления исторической памяти и национальной идентичности в системе образования и информационной политики.

Ключевые слова: история Второй мировой войны, историография Второй мировой войны, Великая Отечественная война, Вторая мировая война

Для цитирования:

Вторая мировая война и проблема формирования исторической памяти (Круглый стол) / В. В. Бруз, И. Г. Жиряков, В. В. Ковригин, И. В. Лескова, П. П. Литвинов, С. И. Реснянский, А. А. Семченко, А. Н. Фукс, Е. В. Яровой // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 9–24.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-9-24

Original research article

WORLD WAR II AND THE PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY FORMATION (ROUNDTABLE)

**V. Bruz^{1*}, I. Zhiryakov¹, V. Kovrigin¹, I. Leskova¹, P. Litvinov², S. Resnyansky¹,
A. Semchenko¹, A. Fuks¹, E. Yarovoy¹**

¹ Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

² Yelets State University named after I. A. Bunin
Yelets, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: vvb54@yandex.ru

Received 05.11.2025

Revised 10.11.2025

Accepted 17.11.2025

Abstract

Aim. Analysis of current trends in the study and teaching of World War II history and the Great Patriotic War within the context of information and political confrontation and formation of collective memory on the occasion of the 80-year anniversary of Victory.

Methodology. Methods of discourse analysis, comparative analysis of educational practices, historical and genetic analysis of transformations of historical narratives in textbooks in Russia, Europe, and Ukraine.

Results. The main mechanisms of falsification and politicization of the history of the war are revealed: the substitution of concepts, the introduction of an Anglo-Saxon teaching model that ignores the role of the USSR, and the purposeful formation of an anti-Russian historical identity in Ukraine. The evolution of Russian textbooks from the critical revision of the 1990s to the patriotic paradigm based on the concept of "Russia - state-civilization" is shown.

Research implication. The results of the research can be used to develop a methodology to counteract the falsification of history, improve curricula and textbooks, as well as strengthen historical memory and national identity in the educational system and information policy.

Keywords: history of the World War II, historiography of the World War II, Great Patriotic War, World War II

For citation:

Bruz, V. V., Zhiryakov, I. G., Kovrigin, V. V., Leskova, I. V., Litvinov, P. P., Resnyansky, S. I., Semchenko, A. A., Fuks, A. N. & Yarovoy, E. V. (2025). World War II and the problem of historical memory formation (Round Table). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 9–24.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-9-24

Лескова И. В.

**ОТ «ВЫЖЕННОЙ ЗЕМЛИ»
К «ЭКОЦИДУ»: ТАКТИКА
ТОТАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ КАК
ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРОТИБОВОРСТВА**

В этом году мы отметили 80-летие Великой Победы – событие, которое продолжает определять не только нашу историческую память, но и контуры современных геополитических конфликтов. Однако сегодня эти конфликты всё чаще ведутся не на полях сражений в их классическом понимании, а в информационном пространстве. Информационная война, определяемая как противоборство в информационной сфере для достижения стратегических целей путём воздействия на общественное сознание и системы управления, стала одним из главных инструментов современной политики. Её цель – не физическое уничтожение противника, а захват информационного пространства через подмену смыслов, подрыв легитимности государственных институтов и целенаправленную перекодировку исторической памяти. Ярчайшим примером этой технологии является риторическая операция, построенная вокруг двух понятий: исторического – «тактика выжженной земли вермахта» и современного – «экоцид».

Позвольте напомнить общее понимание первого термина. «Тактика выжженной земли» – строгое научное понятие, закреплённое в документах Нюрнбергского трибунала. Оно описывает узаконенную, системную преступную доктрину нацистской Германии, направленную на тотальное уничтожение жизненной среды на оккупированных территориях СССР. Её цель – спланированное уничтожение самих основ существования народов: их демографического потенциала, физической среды обитания и культурного кода. Такой тотальный, идеологически мотивированный характер разрушения превращает термин «выжженная земля» из военного

понятия в символ абсолютного зла, закрепившийся в национальной памяти.

Обратимся ко второму понятию. «Экоцид» как термин, возникший в 1970-х гг., имеет сложный правовой статус и в международном праве чётко не регламентирован. Однако в контексте современного информационного противоборства он был извлечён из области академических дискуссий и превращён в мощное оружие. Сегодня нашу страну, Российскую Федерацию, системно и целенаправленно обвиняют в совершении «экоцида» в ходе специальной военной операции.

Данное обвинение, лишённое чёткой международно-правовой основы и доказательной базы, отвечающей строгим судебным стандартам, существует преимущественно в медийном поле. Его распространение осуществляется по канонам информационной кампании: через тиражирование в авторитетных западных СМИ, заявления политических деятелей и неправительственных организаций, активное использование социальных сетей для формирования эмоционального отклика. «Экоцид», таким образом, функционирует как медийный маркер, призванный мгновенно активировать в сознании мировой общественности образ несправедливой, бессмысленной и тотальной жестокости.

Важно проанализировать не столько юридическое содержание этого обвинения, сколько его функцию и механизм действия в рамках информационной войны. Мы наблюдаем здесь классический пример сложной семантической операции. В её основе лежит смысловая инверсия, т. е. принципиальная, качественная подмена исходного смысла и связанной с ним моральной оценки.

Всё начинается с подмены, которая использует нашу историческую память против нас. Берётся конкретное, юридически доказанное преступление – доктрина «выжженной земли», навсегда заклеянная миром как злодеяние нацизма. А затем в ход идёт современный,

нечёткий в праве, но намеренно раскрываемый термин «экоцид», своей созвучностью с «геноцидом» вызывающий готовые ассоциации в массовом сознании. Этот современный ярлык начинают сознательно нагружать старыми, страшными смыслами – теми же, что связаны с «выжженной землёй»: тотальное уничтожение, злой умысел, война против самой жизни. На этой основе и строится обман. Цель – выставить действия нашей армии в ходе специальной военной операции как продолжение той самой преступной идеологии, которую мы когда-то разгромили. Чудовищность этой подмены в том, что страну-победительницу, народ которой понёс неисчислимые жертвы от реальной политики «выжженной земли», пытаются поставить на место побеждённого ею преступника. Это больше, чем ложь. Это попытка перевернуть историю, чтобы лишить Россию морального права на память о Победе и её смысл.

Этот процесс можно рассматривать как форму символического насилия, осуществляемого через язык. Цель – не просто оклеветать, а перепрограммировать систему культурных кодов. В рамках этой логики любое военное действие России, вне зависимости от его конкретных целей и контекста, интерпретируется через призму изначально заданного деструктивного смысла. Подобная риторика игнорирует принципиальное различие между военной операцией, направленной на денацификацию и демилитаризацию, и преступной государственной идеологией, ставившей целью геноцид. Различие стирается, и на его месте конструируется удобный для пропаганды упрощённый миф.

Информационная война, частью которой является эта операция, носит тотальный и непрерывный характер. Она ведётся на разных уровнях: от прямых фейков и манипуляций в медиа до более сложных форм воздействия на когнитивные структуры, манипуляции самими механизмами познания и восприятия.

Инструментарий здесь включает в себя не только традиционную пропаганду, но и кибероперации, операции влияния, целенаправленную работу в социальных сетях с выделением конкретных аудиторных групп. При этом, в отличие от обычной войны, её воздействие часто неощутимо и может облекаться в доброжелательную форму, что деактивирует защитные механизмы общества.

В контексте анализируемых терминов важно отметить, что информационная война активно использует потенциал исторических наук, но делает это избирательно и тенденциозно: с одной стороны, игнорируется академический консенсус по поводу понятия «выжженная земля» как преступления конкретного исторического режима; с другой стороны, термин «экоцид», остающийся в профессиональной среде дискуссионным, наполняется заданным политическим содержанием и вырывается из контекста. Таким образом, историческая наука и её понятийный аппарат превращаются не в инструмент поиска истины, а в арсенал для информационного противоборства, откуда заимствуются наиболее эмоционально заряженные понятия для сиюминутных нужд пропаганды.

Анализ этой ситуации с научной точки зрения требует от нас чёткого разграничения методологических подходов. Изучение «выжженной земли» – это задача исторической науки, опирающейся на архивные документы, вещественные доказательства и критический анализ источников. Изучение современного обвинения в «экоциде» – это, прежде всего, задача политологии, дискурс-анализа и медиалогии, ориентированных на то, как, кем и с какой целью конструируется данный нарратив, какие каналы коммуникации задействуются и какую реакцию аудитории планируется получить. Смешение этих двух методологических плоскостей в публичном пространстве и является одним из тактических приёмов информационной войны.

В этой ситуации перед учёными-историками и политологами стоит задача, обретающая особое, гражданское и профессиональное значение. Необходимо проводить чёткую демаркационную линию между конкретным историческим преступлением («выжженная земля» вермахта), которое мы изучаем по документам и архивам и политизированным информационным конструктом («экоцид» в рамках текущей кампании), который создаётся по законам информационной войны для достижения сиюминутных политических целей.

Необходимо вскрывать и развяснять публично механизмы такой смысловой инверсии. Это предполагает не только критику, но и активную позицию по восстановлению и укреплению аутентичного исторического знания. Исследования должны быть направлены на то, чтобы ещё более детально документировать преступления нацизма, делая их непрерываемыми с научной точки зрения, а параллельно следует проводить экспертный анализ современных медийных потоков, выявляя логику подмен и манипуляций. Такой двусторонний подход позволит выработать эффективные методики противодействия смысловым манипуляциям и защиты исторического дискурса, основанные на академической строгости и фактологической точности. Понимание того, как через манипуляцию историческими понятиями ведётся борьба за настоящее и будущее, является сегодня одним из ключевых аспектов не только изучения Великой Отечественной войны, но и защиты национального исторического сознания. В конечном счёте, защита исторической правды в эпоху информационных войн – это и есть научная миссия и вклад в обеспечение устойчивости общества перед лицом современных вызовов.

Бруз В. В., Жиряков И. Г., Яровой Е. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Восемьдесят лет прошло после окончания Второй мировой войны, самой кровопролитной в истории человечества. Практически не осталось участников и свидетелей тех грандиозных событий. За эти десятилетия выросло несколько новых поколений. Мир стремительно изменяется. И сегодня, особенно в условиях информационной войны, уже история этой войны становится полем идеологической битвы. В странах запада извращается роль и значение СССР в войне и Великой Победе. Ставится под сомнение, искажается, фальсифицируется, отрицается подвиг советского народа. Однако, как справедливо подчеркнул президент В. В. Путин, Россия помнит уроки Второй мировой войны и никогда не согласится с попытками искажения истории¹.

Следует отметить, что в Европе большое внимание уделяется вопросам преподавания истории Второй мировой войны. Они исходят из того, что эта война была одним из важнейших событий в мировой истории и продолжает формировать мир, в котором мы живём сегодня.

С методологической точки зрения, учителям истории предлагается план от «Хитрого учителя истории», представляющий собой «увлекательный и всесторонний» способ изучения этой важной темы. План охватывает вопросы, связанные с причинами войны, основные сражения, ролью технологий и влиянием войны на общество.

Планы уроков соответствуют национальным и государственным стандартам. Так, например, в Германии Вторая мировая война изучается в рамках темы «Национал-социалистическая диктатура».

¹ Владимир Путин: Мы помним уроки Второй мировой войны... [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/VqDli> (дата обращения: 30.10.2025).

Основное внимание сосредоточено на вопросах расизма, антисемитизма, тоталитаризма и вины немцев перед мировым сообществом. В Польше внимание сосредоточено на стремлении вписать свою историю в европейский и мировой контекст. Акцент сделан на главных жертвах Второй мировой войны – поляках и евреях, а также гордости за тех, кто сражался с оккупантами¹. В Великобритании акцент делается на огромном, неоценимом вкладе Великобритании в войну². В Австрии главный посыл заключается в том, что страна стала жертвой нацизма с её «аншлюса» с Германией. Во Франции акцент делается на французском Сопротивлении, нацистском геноциде евреев и цыган и режиме Виши³.

Методологически план от «Хитрого учителя истории» включает материалы из первоисточников (письма, речи, фотографии и произведения искусства), позволяющие взглянуть на жизнь и людей, переживших войну, глазами участников тех событий. Эти материалы, по мнению разработчиков, важный способ оживить историю и сделать её более актуальной и интересной для учащихся.

В рамках реализуемой англо-саксонской моделью метода индукции – от частного к общему – предполагается использование интерактивных занятий и практических проектов. Обучаемым предлагается провести исследование и представить отчёт о конкретном сражении или событии, или создать хронологию ключевых событий войны⁴.

Таким образом, на основании научного подхода предполагается помочь об-

учаемым овладеть навыками критического мышления и анализа, сформировать собственное мнение и интерпретации прошлого. Однако применяемая в обучении англо-саксонская модель имеет существенные недостатки. В соответствии с ней обучаемый исследует бесконечное количество примеров, из которых, с некоторой степенью вероятности, может выстроиться единое знание. Именно эта стратегия порождает бесконечное количество проектов и кейсов, практических прецедентов, разбор которых в процессе обучения представляется как инновационные приёмы.

Наряду с методологией, весьма важной, основополагающей по сути является проблема содержания. Речь идёт о том, какие документы, материалы, факты, примеры, произведения предлагаются обучаемым для изучения и анализа. Их подбор и интерпретация имеют решающее значение, поскольку именно на этом фундаменте формируется не только творческое мышление, но и мировоззрение.

Поэтому на занятиях обучаемых знакомят с ключевыми моментами и стратегическими решениями, которые привели к победе союзников во Второй мировой войне в соответствии со сложившимися на западе подходами. Обращается внимание на вклад Великобритании во Вторую мировую войну⁵ и её ключевую роль в этой войне⁶. На планы Сталина начать агрессивную войну против Германии, но которого опередил Гитлер⁷.

¹ How WWII is Taught in Different European Countries – Part 2: [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/ALrdx> (дата обращения: 20.10.2025).

² Winkler Henry. Great Britain's 6 biggest contributions to World War II. [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/TrEpQ> (дата обращения: 23.10.2025).

³ How World War II is Taught in Different European Countries – Part 1: [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/Jovzo> (дата обращения: 25.10.2025).

⁴ Lessons on world war two in Europe: [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.ru/3RJN4m> (дата обращения: 25.10.2025).

⁵ Winkler Henry. Great Britain's 6 biggest contributions to World War II: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.co.uk/articles/great-britains-6-biggest-contributions-to-world-war-ii> (дата обращения: 23.10.2025).

⁶ Hanson Victor David. World War II: The United Kingdom: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.histclo.com/essay/war/ww2/cou/eng/ww2-eng.html> (дата обращения: 29.10.2025).

⁷ Ebeling Richard M. How Stalin used Hitler to start World War II: [Электронный ресурс]. URL: <https://capitalismmagazine.com/2016/05/how-stalin-used-hitler-to-start-world-war-ii/> (дата обращения: 29.10.2025).

Особое внимание уделяется таким событиям, как операция «Фарш», высадка в Нормандии и Арденнская операция. Также обучаемые узнают, как союзники перехитрили военную машину Гитлера с помощью разведки (операция «Ультра» по взлому немецкой шифровальной машины «Энигма», что, по мнению западных авторов, сократило войну на 2 года¹), о ведении боевых действий на нескольких фронтах и решительных военных операциях, которые в конечном итоге привели к падению Берлина и Дню Победы в Европе.

Как видно, о роли Советского Союза здесь речи вообще не идёт. Зато учащимся предоставляется возможность выбрать собственный метод изучения, в т. ч. чтение и исследовательскую деятельность, а также дополнительные занятия. И в завершение предлагается пройти тест с самооценкой, чтобы понять, насколько хорошо усвоен материал.

Вот такой «объективный» подход в преподавании истории Второй мировой войны реализуется в странах Европы. В методологии это англо-саксонская модель и индуктивный метод. С содержательной точки зрения предполагается фрагментарная, избирательная подача материала, в соответствии с определённой концепцией освещения данной темы. У обучаемых возникает иллюзия самостоятельного познания истинности знаний.

Семченко А. А., Литвинов П. П.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Великая Отечественная война является одним из важнейших символов, которые объединяли и продолжают объединять народы Советского Союза в спло-

щную общность, связанную совместной историей как единых поражений, так и побед. Разорвать эту общность, противопоставить составляющие её народы друг другу невозможно, не уничтожив символическую основу братского союза. Поэтому политика противопоставления Украины и России основывалась в т. ч. и на извращении преподавания исторических знаний о совместно преодоленных бедах и достигнутых успехах. Закономерно, что Великая Отечественная, ставшая одним из важнейших символов единства, подверглась максимальному воздействию на всех уровнях, доступных государству: от образования и культуры до введения уголовной ответственности за демонстрацию победной атрибутики.

Нарративы, противоречащие исторической правде, настойчиво внедрялись в общественное сознание даже до развала СССР. Вначале это происходило на общесоюзном уровне. Умался подвиг советского народа, вбрасывались тезисы о захватнических агрессивных планах руководства партии и правительства. В то же время украинский дискурс имел свои региональные особенности, связанные с деятельностью националистических и террористических организаций, в частности Организации украинских националистов (как бандеровского, так и мельниковского крыла), а также Украинской повстанческой армии (деятельность указанных организаций запрещения в РФ, впрочем, они были разгромлены ещё в начале 1950-х гг. силами МГБ СССР).

Постепенно в украинских учебниках истории начал появляться тезис о разности интересов Украины и России в Великой Отечественной войне. Так, уже в учебнике истории Украины для 10–11 классов, который вышел в 1991 г. в издательстве «Радянська школа» под редакцией академика АН Украины Ю. Кондувора (авторы: Н. Коваль, С. Кульчицкий, Ю. Курносков, В. Сарбей) содержится довольно объёмная апологетика украинского сепаратизма времён Гражданской

¹ Winkler Henry. Great Britain's 6 biggest contributions to World War II: [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RJNCb> (дата обращения: 23.10.2025).

войны (Центральная Рада, Украинская держава гетмана Скоропадского, Директория Петлюры), а на с. 168 прямо и недвусмысленно указано: «Национально-освободительное движение украинского народа после свержения царизма было направлено на построение своего суверенного государства».

В этом учебнике, который был подпечатан в печать ещё 30 июля 1991 г., т. е. до принятия Акта провозглашения независимости Украины (24 августа 1991 г.), содержатся обвинения в адрес общесоюзного руководства в организации голодомора 1932–1933 гг.¹ Сам термин «голодомор» вводится в оборот в сфере образования именно этим учебником, хотя в то время он ещё не определялся как геноцид украинского народа. Тогда же в оборот вводится термин «расстрелянное возрождение» для обозначения политики уничтожения украинской культуры, якобы проводимой руководством Советского Союза.

В учебнике² сообщается, что украинский разведчик Н. Глушенко (агентурный псевдоним Ярема) ещё в июне 1940 г. (за месяц до того, как Гитлер отдал распоряжение начать разработку плана «Барбаросса») «передал убедительные сведения» о планах Германии атаковать СССР. Но, по сведениям авторов учебника, Москва проигнорировала это предупреждение.

В последующих учебниках риторика по отношению к руководству СССР становится всё более враждебной, а среди победителей немецко-фашистских захватчиков появляются украинские националисты, которые в действительности тесно сотрудничали с гитлеровцами, составляли значительную часть подразделений вспомогательной полиции, а также участвовали в формировании 14-й добровольческой пехотной дивизии СС «Галичина». При этом СССР представ-

ляется ученикам уже одним из разжигателей Второй мировой войны: «Сталин был готов вести переговоры о наступательном союзе с обеими коалициями государств. Он выжидал, взвешивая, какой из вариантов даст ему большие преимущества». Эта цитата из учебника истории Украины для 10 класса 2018 г.³ авторства В. Власова и С. Кульчицкого ярчайшим образом характеризует изменение дискурса. Советский Союз из державы, которая стремилась к миру, пытаясь создать эффективные союзы, противостоящие гитлеровской экспансии, по воле авторов учебника превратился в одного из агрессоров. К тому же – в наиболее циничного и беспринципного агрессора. В упрек были поставлены усилия политического руководства СССР (1939–1940 гг.) по восстановлению территориальной целостности страны, нарушенной в период Гражданской войны из-за захватнической политики Германии, Румынии и Польши.

Тут же содержатся обвинения в адрес НКВД в проведении расстрелов польских офицеров в Катыни и Старобельске, массовых депортациях украинского населения с территории Западной Украины, которая вошла в состав УССР в 1939 и 1940 г. Советская власть напрямую называется «преступным режимом Сталина». На страницах учебника опубликован гитлеровский плакат⁴ с карикатурным изображением Сталина и подписью «Сталин проигрался» на украинском языке. Показательны вопросы, которыми авторы учебника снабдили изображение: «С какой целью создан плакат? Почему и зачем немецкие пропагандисты акцентируют на преступлениях режима Сталина?». Такой подход углубляет противопоставление русских украинцам. Это вкладывалось в общую логику политики властей Украины, стремящихся углубить проложенную ещё в начале 1990х гг. линию раскола.

Отметим, что с 2015 г. в Украине разворачивается широчайшая общенаци-

¹ История Украины: учеб. пособие для 10–11 классов / М. В. Коваль, С. В. Кульчицкий, Ю. А. Курносов, В. Г. Сарбей. Киев: Освита, 1991. С. 202–204.

² Там же. С. 240.

³ Там же. С. 242.

⁴ Там же. С. 266.

ональная информационная кампания, направленная на подмену термина «Великая Отечественная война» термином «Вторая Мировая война», а в законодательство вносятся изменения, предусматривающие административную и даже уголовную ответственность за использование атрибутики советского периода. В частности, за демонстрацию красного знамени Победы было предусмотрено наказание в виде лишения свободы с конфискацией имущества (ст. 436-1 УК Украины). Также в уголовном кодексе появилась статья, предусматривающая до 5 лет лишения свободы за отрицание голодомора как геноцида украинского народа. Одновременно с 9 на 8 мая смещается дата Дня празднования Победы над фашистской Германией. При этом меняется содержание праздника: вместо дня радости от того, что война завершилась нашей победой, отмечается день скорби и примирения. Сама Победа постепенно исчезла из общественно-политической жизни, культурного и образовательного пространства.

При этом в основной акцент в освещении Второй мировой войны делается на участие исключительно этнических украинцев либо крымских татар, преимущественно в составе армий союзников антигитлеровской коалиции, а также в составе националистических военизированных формирований. В учебниках пока ещё сохраняется упоминание, что националисты сотрудничали с гитлеровцами. Но подчёркивается, что делали они это вынуждено и лишь до тех пор, пока не «осознали колониальный характер планов Гитлера относительно Украины». Потом же они перешли к решительному вооружённому сопротивлению нацистам. Данная линия, видимо, до конца ещё не проработана, поскольку не устранены хронологические противоречия: прозрение националистов произошло после разгона немцами Украинской Державы 30 июня 1941 г., однако при этом до 1944 г. эти же националисты продолжали

нести службу в батальонах вспомогательной полиции, а в 1944 г. сформировали добровольческую дивизию СС. Вероятно, в дальнейшем эти противоречия будут устранены за счёт подлога или замалчивания тех или иных событий и фактов.

В целом, учебники и учебные программы направлены на то, чтобы не просто выделить украинскую составляющую, но противопоставить её общесоветской и русской. Информационная среда, насыщенная «новым» прочтением истории, способствует формированию особой украинской идентичности. История служит идеологической основой для создания на базе Украины проекта «Анти-Россия», имеющего своей единственной задачей ведение непрерывной войны на уничтожение. В целом, пропагандистская система современной Украины с этой задачей справляется, формируя новую версию украинского народа, оторванную от собственных корней.

Фукс А. Н., Ковригин В. В., Реснянский С. И.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Великая Отечественная война остаётся центральным событием мировой истории XX в., не только определившим ход истории и судьбы народов, но и до сих пор вызывающим острые дискуссии в исторической науке и образовательной практике. Особенно актуальной эта тема становится в условиях роста международной напряжённости и усиления информационно-идеологического противостояния, в котором историческая память превращается в один из ключевых инструментов борьбы за национальную идентичность. Школьные учебники истории как особый историографический феномен выступают важнейшим каналом передачи не только знаний, но и ценностных установок, формирующих у подрастающего поколения представления о

прошлом, настоящем и будущем своей страны. Именно поэтому освещение войны в учебниках становится предметом особого внимания со стороны государства, научного сообщества и общественности.

Ещё в 1990-е гг., в период острого кризиса советской идеологии и системного пересмотра исторических оценок, в российском образовательном пространстве утвердилась тенденция к безоглядной критике советского исторического нарратива. При этом, как отмечали исследователи, «начав с вскрытия ошибок Сталина, критики перешли к разному всему и вся, что касалось войны как Отечественной, армии, доказавшей способность оправиться от тяжких ударов, народа, поднявшегося в патриотическом порыве, проявившего стойкость и мужество» [1, с. 136]. Подобная критика нередко переходила грань научной объективности и приобретала черты намеренной фальсификации. На фоне резкого сокращения государственного финансирования исторической науки значительную поддержку получили издания, представлявшие радикальное крыло отечественной историографии – такие как работы В. Суворова (Резуна), Б. Соколова, В. Бешанова, Ж. Медведева и Ю. Афанасьева. Особенно популярной стала концепция «превентивной войны» Сталина, согласно которой СССР якобы готовился к агрессивному нападению на Германию, а пакт Молотова–Риббентропа рассматривался не как вынужденная мера, а как акт соучастия в развязывании войны [2, с. 175–176].

Эти идеи нашли отражение и в школьных учебниках, издававшихся в первые годы постсоветской России. Так, например, учебник А. А. Кредера, активно использовавшийся в школах в первой половине 1990-х гг. и изданный при поддержке фонда Дж. Сороса «Открытая Россия», прямо утверждал, что «Сталин превратил СССР в соучастника очередной перекройки карты Восточной Евро-

пы. Непосредственным итогом подписания этих документов стало принятие Гитлером окончательного решения напасть на Польшу» [3, с. 156–157]. Такой подход, по сути, уравнивал СССР и нацистскую Германию в ответственности за начало Второй мировой войны. Ряд авторов также активно занимались «развенчанием мифов» советской эпохи – подвергая сомнению подвиги Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло и панфиловцев, а также оспаривая роль Г. К. Жукова, представляя его жестоким и самовластным деятелем [2, с. 176].

Особую роль в этом процессе сыграла концепция «двух тоталитарных режимов», согласно которой война 1941–1945 гг. предстаёт не как справедливая освободительная борьба, а лишь как столкновение двух тиранов – Гитлера и Сталина. Ю. Н. Афанасьев писал: «Отечественная война – всего лишь сталинская версия, на самом деле это была схватка двух тиранов... Сталин готовился к войне наступательной, агрессивной...» [4, с. 28]. Подобные взгляды, несмотря на отсутствие научной объективности и откровенную враждебность по отношению к Советскому и Российскому государству, получили достаточно широкое распространение благодаря поддержке западных фондов и новому тренду на «деидеологизацию» школьного образования. Эта «деидеологизация», по сути, сама становилась новой идеологией – антипатриотической, направленной на разрыв преемственности культурно-исторического процесса и формирование у молодёжи чувства исторического стыда и отчуждения от собственной истории [2, с. 176–177].

Однако уже с начала 2000-х гг. в России началось постепенное изменение вектора исторического образования. Государство всё более активно включилось в процессы определения содержания школьного курса истории. В 2009 г. была создана Комиссия при президенте РФ по противодействию фальсификации

истории, а позже – утверждён Историко-культурный стандарт, направленный на формирование единого культурно-исторического пространства страны [5, с. 34].

Эти меры способствовали постепенному отказу авторов учебников от концепций радикальной критики роли СССР в войне. Если в 1990-е гг. пакт Молотова–Риббентропа часто трактовался как преступный союз, то в учебниках 2000–2010-х гг. подчёркивается его вынужденный характер: «подписание пакта и секретных приложений стало для СССР неизбежным шагом и дало возможность Советскому Союзу выиграть время, а также избежать войны на два фронта» [6, с. 177; 7, с. 185; 8, с. 146]. В современных учебниках также отсутствует тезис о прямой связи между заключением пакта и началом Второй мировой войны, что свидетельствует о научной и идеологической коррекции содержания образования [2, с. 177].

Резко изменилась и трактовка ленд-лиза. Если в учебниках 1990-х гг. подчёркивалась его решающая роль в победе, то в последующие десятилетия акцент сместился на его ограниченный и нерегулярный характер. Так, в учебнике под редакцией Л. Н. Алексашкиной поставки по ленд-лизу оцениваются как «средство политического давления на союзные страны» со стороны США [6, с. 188]. При этом большинство авторов современных учебников продолжают подчёркивать главенствующую роль советско-германского фронта в общей победе над фашизмом, локализуя коренной перелом войны именно в событиях конца 1942–1943 гг. – Сталинградской и Курской битвах [2, с. 178].

Количественный анализ учебного материала подтверждает эту тенденцию. В советский период Великой Отечественной войне в учебниках истории Отечества уделялось около 18% общего объёма текста по XX в. В начале 1990-х гг. этот показатель вырос до 22%, что было связано с открытием архивов и появлением

новых исследований, затрагивающих ранее табуированные темы – оккупацию, коллаборационизм, репрессии. Однако уже к концу десятилетия интерес к теме в рамках всеобщей истории заметно снизился (до 4,9% от общего объёма), а к середине 2000-х гг. – до 14,3% в курсе отечественной истории. В то же время в 2010–2020-х гг. интерес к Великой Отечественной войне вновь усиливается – до 19–22% [5, с. 36–37]. При этом доля материала, посвящённого именно советско-германскому фронту в разделе о Второй мировой войне, в учебниках 1990-х гг. составляла 63%, а в более поздних – возрастает до 71% [2, с. 179]. Это свидетельствует о возвращении приоритета национального исторического нарратива.

Сравнительный анализ российских и зарубежных (в первую очередь немецких) учебников выявляет фундаментальные различия в подходах к освещению войны. Немецкие учебники традиционно уделяют значительно меньше внимания военным действиям на Восточном фронте – всего 5–6% учебного материала по истории XX в. посвящено Второй мировой войне, причём значительная часть этого объёма отводится анализу внутренней политики Третьего рейха, Холокоста, жизни гражданского населения и моральных дилемм немецкого общества. Такие ключевые события, как блокада Ленинграда или Сталинградская битва, либо упоминаются вскользь, либо вообще отсутствуют. Вместо карт сражений и описания военных операций в немецких учебниках преобладают выдержки из воспоминаний солдат, документы нацистского режима и темы социальной истории [5, с. 37–38].

При этом немецкие авторы признают решающую роль советско-германского фронта в исходе войны. Большинство учебников называют Сталинградскую битву «поворотным пунктом» конфликта, что совпадает с российской традицией. Однако поражение под Москвой объясняется преимущественно суровыми

зимними условиями, а не стратегическими ошибками немецкого командования или стойкостью Красной армии [5, с. 38]. Что касается пакта Молотова–Риббентропа, то в немецких учебниках он не подвергается резкой критике, но часто подчёркивается его связь с решением Гитлера вторгнуться в Польшу. Ввод советских войск в восточные районы Польши 17 сентября 1939 г. в большинстве случаев трактуется как «вторжение», аналогичное германскому [5, с. 38].

Государственная политика в сфере исторического образования в России последних лет направлена на формирование у учащихся «любви к Отечеству и гордости за её героическую историю» [2, с. 179]. Президент В. В. Путин неоднократно подчёркивал, что «ложь о Великой Отечественной войне и фальсификация её истории приняли беспрецедентный характер» [2, с. 179]. Эти заявления нашли отражение в содержании современных учебников, которые в большей степени направлены на реализацию воспитательной функции исторической науки [9–11]. Благодаря активизации роли государства в определении содержания школьного исторического образования удалось преодолеть многие негативные тенденции 1990-х гг.: восстановить баланс между научной объективностью и патриотическим воспитанием, вернуть в школьное пространство образы национальных героев и подчеркнуть значимость Победы как основы национальной идентичности.

Таким образом, анализ российских и зарубежных школьных учебников показывает, что трактовка Второй мировой и Великой Отечественной войны остаётся полем идеологического и научного противоборства. В России акцент смещается от критического пересмотра к воспитательной и патриотической направленности, тогда как в Европе сохраняется фокус попытки фальсификации истории. Учебники истории должны быть не только источником знаний, но и инструментом укрепления доверия, предотвра-

щения новых конфликтов и защиты исторической памяти от фальсификаций, направленных на подрыв национальной безопасности и исторического самосознания.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что содержание школьной истории, её воспитательный потенциал, обеспечивающий формирование мировоззрения подрастающего поколения, становится ключевым направлением в идеологическом обеспечении национальной безопасности нашего государства. В идеологической войне, продиктованной внешними вызовами и угрозами, жёсткая критика лжи о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны становится необходимым условием по решению задачи формирования у школьников любви к Отечеству и гордости за её героическую историю.

Благодаря активизации роли государства в определении содержания школьного исторического образования многие негативные тенденции 90-х гг. прошлого столетия удалось преодолеть. Освещение истории Великой Отечественной войны в российских школьных учебниках последних лет больше направлено на реализацию воспитательной функции исторической науки.

История – это не просто хроника прошлого. Это фундамент национальной памяти, морального выбора и гражданской идентичности. Особенно священна для нас история Великой Отечественной войны – трагического, но и героического периода, когда судьба Родины решалась на полях сражений, в тылу и в сердцах миллионов советских людей. Именно эта война стала испытанием на прочность не только для государства, но и для духа нации, объединившейся ради общей победы над смертельной угрозой.

Сегодня, спустя восемь десятилетий после Победы, мы сталкиваемся с новой, коварной угрозой – фальсификацией истории Великой Отечественной войны.

Под маской «альтернативной точки зрения» или «пересмотра мифов» ведётся систематическая работа по искажению правды: принижается вклад Советского Союза в разгром нацизма, героизм солдат и мирных жителей подаётся как «принудительный», а сама Победа – как «пиррова» или «кровавая». Такие нарративы не просто ошибочны – они опасны, ибо разрушают нравственные ориентиры, подрывают патриотическое сознание и лишают молодое поколение чувства гордости за своих предков.

Фальсификация истории – это не академическая дискуссия, а информационная война, направленная на ослабление исторической памяти, на разобщение общества и подрыв доверия к государству. Когда стираются границы между жертвой и палачом, между освободителем и захватчиком, человечество теряет способность отличать добро от зла. А без этого – нет будущего.

Мы обязаны противостоять этой лжи. Не из чувства обиды, а из глубокого уважения к правде. Каждое искажение – это удар по памяти тех, кто отдал жизнь за нашу свободу. Каждая попытка переписать историю – это оскорбление подвига, который не имеет срока давности.

Современный единый школьный учебник под редакцией В. Р. Мединского основывается на концепции «Россия – государство-цивилизация». Эта концепция представлена как целостный и системный подход к осмыслению отечественной истории. Одним из авторов концепции «Россия – государство-цивилизация» является декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения, доктор исторических наук, профессор В. Э. Багдасарян [12]. Центральное место в этом нарративе занимает идея непрерывности российской государственности, согласно

которой Московское государство, Российская империя, СССР и современная Российская Федерация рассматриваются не как разрозненные эпохи, а как этапы единого цивилизационного развития. Подчёркивается преемственность государственной власти, начиная с процесса «собирания земель» в Московской Руси и вплоть до современных дней. Также в учебниках подчёркивается синтез культуры, религии и власти: история России предстаёт как совместное подвижничество государства и народа, где православие и другие традиционные религии играют ключевую роль в консолидации многоэтничного и многоконфессионального общества. Все религии рассматриваются как оплот государственности и важнейший элемент цивилизационного единства российского пространства. Таким образом, современные учебники не только передают исторические знания, но и формируют у учащихся понимание России как уникальной цивилизации с собственной миссией, культурным кодом и ценностной основой.

Великая Отечественная война в новом школьном учебнике под редакцией В. Р. Мединского занимает, безусловно, ключевое место. Ярко показан подвиг всего советского народа и примеры личного подвига многих известных героев. Безусловно, воспитательный потенциал таких примеров трудно переоценить.

Патриотизм начинается с уважения к прошлому. Сохранение исторической правды – наш долг перед поколением Победителей и перед будущими поколениями. Только опираясь на достоверные факты, на неприукрашенную, но великую правду о Великой войне, мы сможем воспитать в молодёжи чувство ответственности, любви к Родине и решимости защищать её – не только от внешнего врага, но и от внутренней лжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. Книга 2. М.: РОССПЭН, 2004. 350 с.
2. Фукс А. Н., Ковригин В. В. Проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны в школьных учебниках истории Отечества // Образование в XXI веке: традиции и новации / под ред. А. Н. Фукса и др. М.: МГОУ, 2018. С. 175–180.
3. Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997: учебник для 9 класса. М.: ЦГО, 2000. 431 с.
4. Афанасьев Ю. Н. Другая война 1939–1945 гг. М.: РГГУ, 1996. 490 с.
5. Фукс А. Н., Ковригин В. В. Трансформация подходов к освещению Второй мировой войны в российских и зарубежных школьных учебниках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 33–41. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-33-41
6. Алексашкина Л. Н., Данилов А. А., Косулина Л. Г. Россия и мир в XX веке: учеб. М.: Просвещение, 2006. 431 с.
7. Волобуев О. В. и др. История России. XX век: учеб. для 9 кл. М.: Дрофа, 2001. 350 с.
8. Загладин Н. В. Всемирная история: XX век: 11 класс. М.: Русское слово, 2002. 126 с.
9. Волобуев О. В. История России XX – начала XXI вв. для учащихся 9 класса. М.: Русское слово, 2015. 319 с.
10. Данилов А. А., Арсентьев Н. М. История России XX – начала XXI вв. М.: АСТ, 2016. 175 с.
11. Ляшенко Л. М., Волобуев О. В. История России и мира XX – начала XXI вв. М.: Русское слово, 2015. 352 с.
12. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., арх. Сильвестр (Лукашенко С. П.). Традиционные ценности российского государства-цивилизации: учебное пособие. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 144 с.

REFERENCES

1. Polyakov, Yu. A. (2004). *Historical science: people and problems. Book 2*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
2. Fuchs, A. N. & Kovrigin, V. V. (2018). Problems of falsification of the history of the Great Patriotic War in school textbooks of the history of the Fatherland. In: Fuchs, A. N., et al., eds. *Education in the 21st century: traditions and innovations*. Moscow: MGOU Publ., 175–180 (in Russ.).
3. Kreder, A. A. (2000). *Recent history of foreign countries. 1914–1997: 9th grade textbook*. Moscow: TSGO Publ. (in Russ.).
4. Afanasyev, Yu. N. (1996). *Another war 1939–1945*. Moscow: RSUH Publ. (in Russ.).
5. Fuchs, A. N. & Kovrigin, V. V. (2020). Transformation of approaches to covering World War II in Russian and foreign school textbooks. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 3, 33–41. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-33-41 (in Russ.).
6. Aleksashkina, L. N., Danilov, A. A. & Kosulina, L. G. (2006). *Russia and the world in the twentieth century*. Moscow: Prosvestiyeniye Publ. (in Russ.).
7. Volobuev, O. V., et al. (2001). *History of Russia. 20th century*. Moscow: Drofa Publ. (in Russ.).
8. Zagladin, N. V. (2002). *World History: 20th Century*. Moscow: Russkoe slovo Publ. (in Russ.).
9. Volobuev, O. V. (2015). *History of Russia 20th – beginning of 21st centuries*. Moscow: Russkoe slovo Publ. (in Russ.).
10. Danilov, A. A. & Arsentiev, N. M. (2016). *History of Russia 20th – beginning of 21st centuries*. M: AST Publ. (in Russ.).
11. Lyashenko, L. M. & Volobuev, O. V. (2015). *History of Russia and the world of the 20th – beginning of the 21st centuries*. Moscow: Russkor slovo Publ. (in Russ.).
12. Baghdasaryan, V. E., Jerusalem, Yu. Yu. & Arch. Sylvester (Lukashenko, S. P.) (2024). *Traditional values of the Russian state-civilization*. Yaroslavl: Shukaeva and family Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бруз Владимир Виленович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры государственной и муниципальной службы Государственного университета просвещения;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Жирыков Иван Георгиевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: 79168497010@yandex.ru; ORCID:

Ковригин Вадим Валерьевич (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;
e-mail: letter@vkovrigin.ru; ORCID:

Лескова Ирина Валерьевна (г. Москва) – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID:

Литвинов Пётр Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru; ORCID:

Реснянский Сергей Иванович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: resnyanskiy_si@rudn.ru; ORCID:

Семченко Александр Анатольевич (г. Москва) – доктор политических наук, профессор кафедры развития просветительской деятельности всероссийского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: Cfifc@ya.ru; ORCID:

Фукс Александр Николаевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru; ORCID:

Яровой Евгений Васильевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru; ORCID:

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Bruz (Moscow) – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Prof., Department of State and Municipal Management, Federal State University of Education;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Ivan G. Zhiryakov (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: 79168497010@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Political Science, Federal State University of Education;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

Irina V. Leskova (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Departmentally Head, Department of the Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: leskova.i@yandex.ru

Petr P. Litvinov (Yelets) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Sergey I. Resnyansky (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Alexander A. Semchenko (Moscow) – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of the Development of Educational Activities of the All-Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education;
e-mail: Cfifc@ya.ru

Alexander N. Fuks (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Evgeny V. Yarovoy (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Научная статья

УДК 009+94(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-25-32

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ДОБРЫНИ РЯЗАНИЧА

Козлов М. Н., Бойцова Е. Е.*

Севастопольский государственный университет

г. Севастополь, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: kmn_75@mail.ru*

Поступила в редакцию 06.09.2025

После доработки 27.09.2025

Принята к публикации 12.10.2025

Аннотация

Цель. Установить, существовал ли исторический прототип фольклорного героя Добрыни Злата Пояса, а также историческая реконструкция его возможной биографии.

Процедуры и методы. В процессе исследования применялись специальные методы познания – историко-аналитический и проблемно-хронологический. Материалы, которые составляют основу исследования, изучены и подвергнуты анализу с учётом хронологии событий и необходимости получения исторической информации из прорабатываемых научных источников.

Результаты. На основе анализа свидетельств поздних летописей, данных топонимики и фольклорных источников проведён анализ нескольких эпизодов биографии Добрыни Рязанича. Сделан вывод, что за фольклорным образом Добрыни Рязанича Злата Пояса вполне мог стоять рязанский служивый боярин из рода Добрыничей, служивший долгое время князю Константину Всеволодовичу и погибший в битве с монголами на р. Калке.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при реконструкции древнерусской истории конца XII – начала XIII вв.

Ключевые слова: Битва на Калке, Добрыня Рязанич Злат Пояс, Липицкая битва, Сражение под Угодичами

Для цитирования:

Козлов М. Н., Бойцова Е. Е. К вопросу о существовании Добрыни Рязанича // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 25–32.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-25-32

Original research article

TO THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF DOBRYNIA RYAZANICH

M. Kozlov, E. Boytsova*

Sevastopol State University

Sevastopol, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: kmn_75@mail.ru

Received 06.09.2025

Revised 27.09.2025

Accepted 12.10.2025

Abstract

Aim. The study is to establish whether there was a historical prototype of the folklore hero Dobrynya Zlata Poyas, as well as a historical reconstruction of his possible biography.

Methodology. Special methods of cognition (historical-analytical and problem-chronological) were used in the study. The materials that form the basis of the study were studied and analyzed taking into account the chronology of events and the need to obtain historical information from the scientific sources being processed.

Results. Based on the analysis of evidence from late chronicles, toponymic data and folklore sources, an analysis of several episodes in the biography of Dobrynya Ryazanich was carried out. It was concluded that the folklore image of Dobrynya Ryazanich Zlata Poyas could well have been a Ryazan service boyar from the Dobrynich family, who served Prince Konstantin Vsevolodovich for a long time and died in the battle with the Mongols on the Kalka River.

Research implications. The results of the study can be used in the reconstruction of ancient Russian history of the late 12th – early 13th centuries.

Keywords: Battle of Kalka, Dobrynya Ryazanich Golden Belt, Battle of Lipitskaya, Battle of Ugodichi

For citation:

Kozlov, M. N. & Boytsova, E. E. (2025). To the question of the existence of Dobrynia Ryazanich. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 25–32. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-25-32

Введение

В восточнославянских летописях в основном можно найти описание деяний древнерусских князей. Лишь отдельные герои не княжеского происхождения, оставившие свой след в древнерусской истории, изредка вскользь упоминаются в письменных источниках.

Особое место в русской истории занимает боярский род Добрыничей, представители которого оказали влияние на многие события X–XIII вв. Добрыничи активно участвовали в христианизации Руси, борьбе с внешними врагами и междоусобных конфликтах. Отраже-

нием коллективного образа боярского рода Добрыничей в народной памяти стал былинный герой Добрыня Никитич, сочетавший в себе черты как минимум 5 исторических личностей, живших в разное время в разных регионах Руси.

Существование большей части из них у современных исследователей сомнений не вызывает, т. к. их имена упоминаются во многих дошедших до нашего времени письменных источниках. Исключение составляет лишь самый поздний из всех прототипов былинного богатыря – Добрыня Рязанич Злат Пояс, имя которого можно найти лишь в нескольких летопи-

сях XV–XVII вв. а также в многочисленных рязанских преданиях и легендах.

Детальный анализ ключевых моментов биографии Добрыни Рязанича позволит современным учёным более глубоко исследовать исторические процессы, происходившие в древнерусском обществе домонгольской эпохи.

В настоящее время в научной среде нет однозначного мнения относительно того, был ли Добрыня Рязанич реальной исторической личностью или представлял собой одно из олицетворений идеального воина, стихийно сложившееся в народной среде.

Так, ещё Ф. И. Буслаев считал Добрыню Рязанича фольклорным персонажем, образ которого сложился в рязанской земле на основе местных легенд [1, с. 170–171]. Схожего мнения придерживались Н. Дашкевич, Ю. И. Смирнов и В.Г. Смолицкий [2, с. 24–25; 3, с. 335].

Д. С. Лихачёв допускал, что за фольклорным образом Добрыни Рязанича скрывался реальный служивый боярин рязанского происхождения [4, с. 26]. С ним вполне согласны современные исследователи рязанского фольклора, по мнению которых Добрыня Злат Пояс был исторической личностью, подвиги которой нашли отражение в народных легендах и преданиях рязанского края [5, с. 24–27; 6, с. 57–61].

Таким образом, в современной отечественной науке на данный момент не существует однозначного мнения относительно факта существования исторического прототипа фольклорного Добрыни Злата Пояса.

Установить существовал ли исторический прототип Добрыни Злата Пояса, а также историческая реконструкция его возможной биографии – главная цель данной статьи.

В процессе исследования применялись специальные методы познания (историко-аналитический и проблемно-хронологический). Материалы, которые составляют основу исследования, изуче-

ны и подвергнуты анализу с учётом хронологии событий и необходимости получения исторической информации из обрабатываемых научных источников. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам использован метод сравнительного и ретроспективного анализа.

Самым ранним источником, в котором упоминается Добрыня Злат Пояс, является Летописный свод 1493 г. Согласно данному источнику, богатырь принимал участие в Липицкой битве между братьями Константином и Юрием Всеволодовичами 1216 г.¹

В качестве участника битвы под Липицами Добрыня упоминается также в тексте Сокращённого летописного свода 1497 г. и Хронографа 1512 г.² Тверская летопись сообщает об участии Добрыни также в междоусобных битвах между князьями Константином и Юрием Всеволодовичами под Угодичами и на р. Ишне³

В Никоновской летописи можно найти строки с упоминанием участия Добрыни Рязанича в Липицкой битве (в целом идентичные тем, что можно найти в Сокращённом летописном своде 1493 г. и Тверской летописи), а также содержится сообщение о гибели Добрыни Рязанича в битве на Калке 1223 г.⁴

Ещё Ф. И. Буслаев заметил, что авторы поздних летописей даже толком не знают имени Злата Пояса, называя его то Добрыней, то Тимоней, и предположил, что его образ сложился из народных легенд и преданий [1, с. 170–171].

¹ ПСРЛ. Т. 27. Сокращённый летописный свод 1493 г. М.–Л.: Наука, 1962. С. 234

² ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. С. 396; ПСРЛ. Т. 28. Русский хронограф 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 50.

³ ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб.: Тип. Леониды Демиса, 1863. С. 322–323.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской летописью. Часть 2. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1885. С. 71–72, 92.

Близкой точки зрения придерживались Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. По их мнению, все летописные свидетельства о Добрыне Рязаниче однотипны и восходят к Владимирскому Полихрону Фотия, в который они, в свою очередь, попали из народного фольклора [3, с. 338].

С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Так, сообщения из Летописных сводов 1493, 1495 и Хронографа 1512 г. действительно идентичны и могут восходить к одному первоисточнику, но предположение о том, что летописные рассказы в него попали из народного фольклора, маловероятно. Так, в дошедших до нашего времени народных былинах и преданиях не упоминаются князья Константин и Юрий Всеволодовичи, а также отсутствуют какие-либо описания междоусобных сражений между ними.

Более аргументировано выглядит точка зрения М. Н. Тихомирова, по мнению которого, рассказ об Алёше Поповиче и Добрыне Рязаниче из Тверской летописи восходит к ростовскому летописанию и никакого отношения к Владимирскому Полихрону не имеет. Учёный, в частности, обратил внимание исследователей на фразу «под Гремячим колодезем на реце Где, иже и ныне той соп стоит пуст», указывающую на тот факт, что автор летописного рассказа о Добрыне Рязаниче сам был уроженцем ростовских земель [7, с. 198–199].

В Сокращённом летописном своде 1493 г. (как и в нескольких более поздних сводах и хронографах) Рязанич действительно упоминается под именем Добрыни: «А были с ним два храбра Добрыня Золотыи Поясь да Александро Поповичъ съ своим слугою с Торопом», а в Тверской летописи как Тимоня: «У князя же у Костантина тогда бяше въ полку два челоувъка храбрыхъ, Олешка Поповничъ и челоувкъ его Торопъ, и Тимоня Золотой поясъ»¹.

¹ ПСРЛ. Т. 27. Сокращённый летописный свод 1493 г. М.–Л.: Наука, 1962. С. 234; ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. С. 323.

Однако данный парадокс, скорее, свидетельствует в пользу гипотезы М. Н. Тихомирова, чем предположения Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого. Так, факт, что в одних поздних летописях Рязанич назван языческим именем Добрыня, а в других – прозвищем Тимоня (производным от христианского имени Тимофей) свидетельствует о том, в основе летописных рассказов о Добрыне Рязаниче лежит не один, а несколько независимых первоисточников.

Таким образом, в основе дошедшей до нашего времени источниковедческой базы исследования биографии Добрыни Рязанича лежат несколько независимых друг от друга летописных источников, которые могут содержать зерно объективной исторической информации.

По нашему мнению, следует также учесть, что события, происходившие во второй половине XII–XIII вв. вообще крайне скупо освещены в дошедших до нас письменных источниках. Это связано с тем, что с середины XIII в. летописание в Древней Руси (за исключением новгородских и псковских земель) надолго прекратилось и возобновилось в полной мере лишь в XV в. Какая-то информация о Добрыне Рязаниче могла содержаться в рязанских или ростовских летописях, но они, скорее всего, были уничтожены монголами.

В пользу предположения о том, что Добрыня Рязанич действительно существовал, свидетельствует факт наличия в рязанских землях топонимов, производных от имени Добрыня. Так, на берегу Оки в Шиловском районе Рязанской области между сёлами Копаново и Ерахтур есть возвышение, называемое местными Добрынин остров. В местных преданиях рассказывается о богатырях, перекидывающих топорики через водную преграду. Одним из таких богатырей был Добрыня Злат Пояс. Недалеко от Добрынина острова есть небольшой посёлок Добрынин хутор, известный ещё из писцовых книг XVII в. [5, с. 24].

Топоним Добрынин остров возник в глубокой древности. Упоминание о нём можно найти в книге немецкого путешественника XVII в. А. Олеария «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию»: «7 июля мы рано прибыли к Добрынину острову, в 30 верстах от предыдущей деревни (Нерское ныне Шилово – *авт.*), затем к деревням: село Рубец, в 7 верстах, Курман в 7 верстах, потом к Гусь-реке и другим деревням¹. В списке первой половины XVII в. народного предания «Сказании о киевских богатырях, како ходили во Царьград» Добрыня называется «Рязаничем со златым поясом» [8, с. 78].

Таким образом, рязанский цикл легенд и преданий о Добрыне Злате Пояса сложились не позднее XVII в.

В сёлах Шилово и Борок местным фольклористом А. Н. Гавриловым был записан цикл песен о богатыре Добрыне, который, якобы, жил в рязанских землях и был похоронен на Добрынином острове. Добрыня Рязанич, согласно шиловской фольклорной традиции, был могучим русским богатырём и защитником русской земли [6, с. 57–61].

Ключевые моменты биографии Добрыни Рязанича

Собственно биография Добрыни Рязанича нам неизвестна. В летописях не упоминаются имена близких ему людей, время и место его рождения. В былинном же эпосе однозначно местом рождения богатыря называются рязанские земли².

«Ай да прежде Резань да слободой слыла,
Ай да нынче да славной город стал;
Ай да в том-ле Резани славном городе,
Ай да жил-то Микитушка Романович,

Ай среди веку Микитушка преставилса;
Вот осталася у его молода жена,
Вот осталася ена право беременна,
Вот родила она своё да чадо милое.
Нарекали ему баско новое имецко,
Молодыя Добрынюшка Микитиц млад»³.

На рязанское происхождение Добрыни Злата Пояса указывает и его второе прозвище «Рязанич».

Д. С. Лихачёв предположил, что прозвище богатыря «Злат пояс» указывает на его генетическую связь с новгородским боярским и купеческим родом Добрыничей, поскольку именно в Новгороде золотые пояса носили самые знатные бояре, имеющие право торговать с иностранцами [4, с. 26].

Гипотеза Д. С. Лихачёва довольно правдоподобна. В домонгольской Руси новорождённому ребёнку, согласно древней традиции, давали имя какого-то умершего предка (деда или прадеда). Языческое же имя Добрыня в Древней Руси широко распространено не было. В найденных на данный момент берестяных грамотах оно не упоминается. В то же время упоминания Добрынь и Добрыничей можно найти в различных летописных описаниях исторических событий, связанных с историей древнего Новгорода.

Возможно, что имя Добрыня существовало внутри одного боярского новгородского рода в течение нескольких веков, и его основатель Добрыня Малкович, дядя крестителя Руси Владимира, был далёким предком Добрыни Злат Пояса.

Потомки двенадцатого новгородского посадника Добрыни Рагуиловича после его смерти в 1117 г. оставили Новгород и разбрелись по всей Древней Руси. Так, сын Добрыни Посадника Рагуил Добрынич оказался в Киеве, а другой его потомок Добрыня Долгий в ростовских землях [9, с. 144–146; 10, с. 146; 11, с. 93–94]. Вполне возможно, что кто-то из потом-

³ Добрыня Никитич и Алёша Попович. М.: Наука, 1974. С. 45–46.

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. С. 304

² Единственным списком былины «Добрыня и змей», в которой родиной Добрыни Никитича вместо Рязани указана Казань является вариант, записанный Н. П. Колпаковой в д. Калюши под Нарьян-Маром от А. Ф. Пономарёва.

ков Добрыни Посадника бежал на Рязанщину.

Таким образом, Добрыня Рязанич вполне мог носить золотой пояс как символ своей принадлежности к новгородскому роду Добрыничей.

Согласно Тверской летописи, Добрыня Рязанич служил ростовскому князю Константину Всеволодовичу в составе небольшой дружины боярина Александра Поповича. Александр Попович, видимо, был служивым боярином, имеющим собственное имение в ростовской земле и свою дружину. Так, в вышеуказанной летописи содержится любопытный рассказ о том, как он собрал в собственном городке Гремяч камень небольшую дружину на совет после смерти князя Константина Всеволодовича¹.

О том, что Добрыня Злат пояс входил в дружину Александра Поповича свидетельствует и отрывок из Никоновской летописи, в которой сообщается о гибели в битве на Калке самого Александра и его дружины, в т. ч. слуги Торопа и Добрыни Злата Пояса: «и Александра Поповича, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и седмьдесят великихъ и храбрыхъ богатырей, всъ побиени быша гневом Божиимъ за грѣхи наша отъ татаръ»².

Об участии Добрыни Рязанича в междоусобной войне между братьями Константином и Юрием Всеволодовичами сообщает целый ряд поздних летописей. Приводим наиболее детальный из них из Тверской летописи: «Егда же представися великий князь Всеволодъ, Константину не восхотѣвшу бытии въ Володимери, но у пречистиа Ростовския и чудотворцевъ излюбы житии, тѣмъ и прошаше Вълодимира къ Ростову. И дасть князь великий Всеволодъ сыну своему Юрию; тѣмъ Костантинъ гневашеся на брата о княжении, а кнзъ великий Юрий многы браны на Костантина въздвиже, хот съ

Ростова съгнати его, и не попусти ему Господь. Пришедшу бо ему на нѣ ратию, Костантинъ отъиде къ Костромъ и тоа съжже; кнзъ великий Юрий стоаше подъ Ростовомъ, въ Пужбалъ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцъ Ишне, бяхуть бос я вмѣсто острога обрѣку Ишню. Александръ же выходя многы люди великого князя Юрия избиваше, много бо людей баше съ великим княземъ Юриемъ; а инии побиени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узе, тѣ бо храбрии выскочившее на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами Пречитыа. Иногажды бо князь великий Юрий на братнее достояние приходяше, но съ срамомъ възвращашеся. Единою выиде на него изъ Ростова Костантинъ, молитвами Пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же и Тимоня Золотой поясъ. Потомъ приде на Ярослава Переяславского Мстылавъ Мстиславичъ, тестъ его, и инии князи, съ собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава сталъ князь великий Юрий за брата; и бысть имъ бой на Липицахъ и на Юриевъ горъ, и ту все полки великого князя Юрия избыти. Князя же побѣдивше, и на столъ въ Володимеръ Костантина посадиша»³.

Упоминается Добрыня Рязанич в качестве активного участника Липицкой битвы и в Сокращённом летописном своде 1493 г.: «Въ лѣто 6725 бысть бой кнзю Юрю Всеволодичю съ княземъ Костянтиномъ с Ростовскимъ на рѣце на Где, и поможе Богъ князю Костянтину Всеволодичю, брату Старѣишному, и правда его же пришла. А были с ним два храбра Добрыня Золотыи Поясъ да Александр Поповичъ съ своимъ слугою с Торопомъ»⁴.

После смерти князя Константина Всеволодовича в 1218 г. Александр Попович и его дружина оставили ростовские земли. О том, кому служил Добрыня

¹ ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. С. 338.

² ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись. Часть 2. С. 70, 92.

³ ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. С. 336–337.

⁴ ПСРЛ. Т. 27. Сокращённый летописный свод 1493 г. С. 234.

Злат Пояс между 1218 и 1223 г., летописи умалчивают.

Согласно сообщениям, дошедших до нашего времени, поздних летописей, в 1223 г. Александр Попович и вся его небольшая дружина погибли в битве на Калке с монголами.

Ю. А. Смирнов и В. Г. Смолицкий обратили внимание исследователей на тот факт, что если о гибели Александра Поповича в битве на Калке сообщается во многих поздних летописях, то о том, что вместе с ним погиб и Добрыня Рязанич, содержится информация лишь в Никоновской летописи. Поэтому, по их мнению, сообщение о гибели Добрыни Рязанича из Никоновской летописи противоречит свидетельствам из других источников, и это можно считать поздней вставкой [3, с. 335].

По нашему мнению, автор Никоновской летописи лишь детализирует фразу, содержащуюся во многих других летописных источниках. Никакого противоречия здесь нет. Так, в Новгородской четвёртой и Тверской летописях, а также в Летописных сводах 1497 и 1512 г. находим следующую строку: «И Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инъми седмъдесятиу храбрыхъ»¹. В Никоновской же летописи приводится та же фраза, но с

уточнением, что среди убитых дружинников Александра Поповича были его слуга Тороп и Добрыня Злат Пояс².

О том, что фраза из Никоновской летописи не является пустой вставкой, свидетельствует тот факт, что в народной памяти сохранились предания, что Добрыня Рязанич погиб в неравной битве с монголами. Так, рязанский фольклорист А. Н. Гаврилов приводит в своих трудах несколько легенд, записанных в мещерских краях, как Добрыня Злат Пояс погиб в схватке с татарской ордой. В одной из них рассказывается о том, что мещерская русалка Чамка подарила Добрыне Злату Поясу волшебный меч, что сделало Рязанича почти непобедимым, но однажды он потерял его, и тогда татары собрались большим числом и одолели Добрыню. В другой легенде упоминается ведьма, которая помогла татарам убить Добрыню с помощью колдовства [6, с. 57–61].

Заключение

Итак, можно сделать вывод, что за фольклорным образом Добрыни Рязанича Злата Пояса вполне мог стоять рязанский служивый боярин из рода Добрыничей, служивший долгое время князю Константину Всеволодовичу и погибший в битве с монголами на р. Калке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб.: Типография В. С. Балашова, 1887. 401 с.
2. Дашкевич Н. Былины об Алёше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев: Университетская типография Завадзского, 1883. 69 с.
3. Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Летописные известия о киевском воеводе Добрыне // Добрыня Никитич и Алёша Попович / отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1974. С. 343–360.
4. Лихачёв Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VII. 1949. С. 17–51.
5. Сёмин В. А. Легенды Рязанского края. Рязань: Издательство Рязанского государственного университета, 2021. 160 с.
6. Гаврилов А. Н., Гаврилов А. П. Мещерские сказы. Выпуск 5. Исторические песни и былины Шиловского района Рязанской области. Спасск: Спасская типография, 2020. 190 с.

¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвёртая летопись. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 203; ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. С. 342; ПСРЛ. Т. 28. Русский хронограф 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись. С. 50; ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. С. 396.

² ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись. Часть 2. С. 92.

7. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 429 с.
8. Смирнов Ю. И. Добрыня Рязанич // Народные культуры Русского Севера. Выпуск 2. Материалы российско-финского симпозиума. / отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск: Изд-во Поморского университета, 2004. С. 65–85.
9. Гиппиус А. А. Рагоуиль. Страница из истории русского именослова // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag / S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger (eds.). München: Verlag Otto Sagner, 2003. С. 144–154.
10. Козлов М. Н., Бойцова Е. Е. Рагуил Добрынич как историческая личность // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 142–153.
11. Козлов М. Н., Шендрикова С. П. Последний бой Добрыни Никитича // Вестник славянских культур. 2023. № 69. С. 90–105.

REFERENCES

1. Buslaev, F. I. (1887). *Folk poetry. Historical essays*. St. Petersburg: Printing house of V. S. Balashov (in Russ).
2. Dashkevich, N. (1883). *Bylins about Alyosha Popovich and how there are no heroes left in Russia*. Kyiv: Zavadsky University Printing House (in Russ).
3. Smirnov, Yu. I. & Smolitsky, V. G. Annals of the Kyiv governor Dobryn. In: Pomerantseva, E. V., ed. (1974). *Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich*. Moscow: Nauka Publ., 343–360 (in Russ).
4. Likhachev, D. S. (1949). Annals of Alexander Popovich. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, VII, 17–51 (in Russ).
5. Semin, V. A. (2021). *Legends of the Ryazan Territory*. Ryazan: Ryazan State University Publ. (in Russ).
6. Gavrilov, A. N. & Gavrilov, A. P. (2020). *Meshchersky tales. Issue 5. Historical songs and epics of the Shilovsky district of the Ryazan region*. Spassk: Spasskaya printing house (in Russ).
7. Tikhomirov, M. N. (1975). *Ancient Russia*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ).
8. Smirnov, Yu. I. (2004). Dobrynya Ryazanich. In: Gatsak, V. M. & Drannikova, N. V., eds. *Folk cultures of the Russian North. Issue 2. Materials of the Russian-Finnish symposium*. Arkhangelsk: Pomeranian University Publ., pp. 65–85 (in Russ).
9. Gippius, A. A. (2003). Ragouil. Page from the history of the Russian name book. In: Kempgen, S., Schweier, U. & Berger, T., eds. *Rusistika. Slavic studies. Linguistics. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag* / München: Verlag Otto Sagner, 144–154 (in Russ).
10. Kozlov, M. N. & Boytsova, E. E. (2024). Raguil Dobrynich as a historical person. In: *Bulletin of Slavic cultures*, 72, 142–153 (in Russ).
11. Kozlov, M. N. & Shendrikova, S. P. (2023). The last battle of Dobryni Nikitich. In: *Bulletin of Slavic cultures*, 69, 90–105 (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козлов Михаил Николаевич (г. Севастополь) – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории и мировой культуры Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета;
e-mail: kmn_75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3535-8796

Бойцова Елена Евгеньевна (г. Севастополь) – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Всеобщей истории и мировой культуры Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета
e-mail: e.e.bojtsova@mail.sevsu.ru; ORCID: 0000-0001-8321-6162

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail N. Kozlov (Sevastopol) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University;
e-mail: kmn_75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3535-8796

Elena E. Boytsova (Sevastopol) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of "General History and World Culture", Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University;
e-mail: e.e.bojtsova@mail.sevsu.ru; ORCID: 0000-0001-8321-6162

Научная статья

УДК 94 (47) "18/19"

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-33-45

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МЕСТНОГО ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Соловьёв Я. В.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: solyan@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.06.2025

После доработки 18.07.2025

Принята к публикации 09.08.2025

Аннотация

Цель. Рассмотрение хода дискуссий в бюрократической среде пореформенной России по вопросам развития местного финансового управления.

Процедура и методы. Руководствуясь принципом детерминизма и используя, прежде всего, историко-системный метод, проанализирован процесс принятия решений по вопросам развития системы финансового управления в пореформенной России, выделено особое значение возникающим вокруг этой темы межведомственным и внутриведомственным конфликтам.

Результаты. Доказано, что узкокорыстные интересы высшего и среднего звена чиновников финансового ведомства сыграли большую роль в провале попыток объединить финансовое управление на местах, что помешало дальнейшему развитию налогообложения в сторону введения подоходного налога.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыты особенности управленческих взаимодействий в аппарате управления пореформенной России на примере финансового ведомства. Материалы статьи могут быть использованы в дальнейших исследованиях истории государственного управления России.

Ключевые слова: местная система финансового управления, Министерство финансов, акцизные управления, казённые палаты, налоги

Для цитирования:

Соловьёв Я. В. Проблемы преобразования местного финансового управления российской империи в пореформенный период // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 33–45.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-33-45

Original research article

PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF LOCAL FINANCIAL MANAGEMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE POST-REFORM PERIOD

Ya. Soloviev

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: solyan@yandex.ru*

Received 16.06.2025

Revised 18.07.2025

Accepted 09.08.2025

Abstract

Aim. The goal. Review of the discussions in the bureaucratic environment of post-reform Russia on the development of local financial management.

Methodology. Guided by the principle of determinism and using, first of all, the historical and systematic method, the author analyzes the decision-making process on the development of the financial management system in post-reform Russia, attaching special importance to the interdepartmental and intradepartmental conflicts arising around this topic.

Results. It has been proven that the self-interested interests of senior and middle-level officials in the financial department played a significant role in the failure of attempts to unify financial management at the local level, which hindered the further development of taxation towards the introduction of an income tax.

Research implications. Features of management interactions in the management apparatus of post-reform Russia are disclosed using the example of a financial department. The materials of the article can be used in further research on the history of public administration in Russia.

Keywords: local financial management system, Ministry of Finance, excise departments, treasury chambers, taxes

For citation:

Soloviev, Ya. V. (2025). Problems of transformation of local financial management of the Russian empire in the post-reform period. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 33–45.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-33-45

Введение

Великие реформы Александра II неизбежно должны были привести к изменению функционала и структуры органов местного финансового управления, подчинённых Министерству финансов. Изменения были связаны, прежде всего, с новой налоговой политикой: возможности дальнейшего увеличения прямых налогов были практически исчерпаны, и всё большее значение приобретало косвенное налогообложение.

Была сделана ставка на рост акцизных доходов, важнейшим из которых был признан питейный. В ходе акцизной реформы начала 1860-х гг. произошёл отказ от старой откупной системы сбора питейного дохода. Однако это потребовало создания на местах принципиально новых структур финансового управления. Вокруг вопросов об их функциях, ведомственной подчинённости, взаимосвязи с полицейскими органами, поднадзорности губернаторской власти в бюрократи-

ческой среде разгорелись серьёзные дискуссии.

Они не остались без внимания историков. Их изучению уделил внимание М. М. Шумилов в своей замечательной монографии «Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века» [1]. Отдельные аспекты этих обсуждений рассматривались в посвящённых акцизной реформе и налоговой системе России второй половины XIX в. работах Н. Е. Горюшкиной и Е. С. Кравцовой [2; 3; 4; 5]. Однако использование архивных материалов Министерства финансов (МФ) позволяет углубить наши представления о межведомственных и внутриведомственных противоречиях, возникших по вопросу дальнейшей трансформации местного финансового управления в пореформенную эпоху.

Акцизная реформа 1860-х гг. и её влияние на местный аппарат Министерства финансов

Трансформация началась с акцизной реформы 1863 г. Ещё в 1858 г. Александр II потребовал от финансового ведомства приступить к ликвидации откупной системы, осуждаемой за низкую эффективность и коррумпированность. Почти сразу началась подготовка масштабного преобразования [14, с. 102].

Переход на акцизную систему позволял те средства, которые раньше шли в карман откупщиков, обращать в доход государства. Но для этого необходимо было создать особую систему управления акцизными сборами и наладить её работу. В акцизном управлении должно было произойти соединение всего косвенного налогообложения, система которого вызывала серьёзные нарекания. К 1858 г. в России существовали акцизы на соль, табак и свекличный сахар. Расход на управление косвенными налогами до преобразования составлял более 10% от их поступления [6, с. 61] (для сравнения расход на сбор промыслового налога в

этот период составлял 3% от дохода¹, что свидетельствовало о низкой эффективности. Требовалась и перестройка существующих местных органов финансового управления – казённых палат, в ведении которых находились до этого подобные сборы.

Первой проблемой на пути реформы была проблема кадровая – в империи была катастрофическая нехватка образованных людей, способных к деятельности в столь тонкой сфере как финансы, тем более обладающими нужными нравственными качествами. А таких людей требовались тысячи. «Между тем, в то время, – отмечал Н. С. Терский, – наши правительственные и административные учреждения такими людьми были далеко не богаты, так что выбор их представлял очень большие затруднения, и было легко впасть в ошибку» [7, с. 76]. Этот фактор был столь значим, что министр финансов А. М. Княжевич едва не отказался от проведения реформы под нажимом откупщиков, но твёрдая воля царя и мнение Государственного совета были на стороне преобразования.

По законам 26 октября 1860 г. и 4 июля 1861 г., учреждалась трёхуровневая система акцизного управления.

В уездах создавались окружные акцизные управления, состоявшие из надзирателя, его помощников и письмоводителя-бухгалтера. Окружному надзирателю подчинялись участковые надзиратели. Окружные управления были подчинены губернскому акцизному управлению, которое состояло из управляющего, его помощников, ревизоров и канцелярии.

Губернское акцизное управление находилось в непосредственном подчинении МФ и было облечено высокой независимостью от губернаторской власти: губернатор не мог вмешиваться в содержательную сторону его действий, только контролируя общие условия деятельности. В итоге акцизные учреждения

¹ Вестник финансов. 1898. № 23. С. 633.

становились «в положение самостоятельное, непосредственно зависимое от центральной финансовой администрации» [8, с. 417].

Акцизная реформа затронула функционал и структуру существовавших с конца XVIII в. губернских казённых палат, игравших роль главных органов финансового управления на местах – в них упразднялись питейные отделения. Это был серьёзный удар по значению казённых палат. Во-первых, чиновники этих отделений составляли более 1/5 всего штата местных финансовых чиновников¹. Во-вторых, участие в питейном деле обеспечивало руководство казённых палат значительными дополнительными доходами.

Новые механизмы налогообложения вводились постепенно. Закон 4 июля 1861 г. не определял ни точного числа акцизных управлений, ни их чиновников. Акцизные управления вводились не во всех губерниях: это зависело от распространения в них питейных заведений, объёма питейного дохода. Где-то 2 губернии объединялись одним акцизным управлением, а где-то сбор акциза поручался казённым палатам, председатели которых играли роль управляющих акцизными сборами.

Кроме того, не произошло немедленного объединения управления всеми акцизами в одних руках – сбор акцизов с табака и свекличного сахара оставались на прежних основаниях.

Большими полномочиями по дальнейшему развитию системы был наделён министр финансов.

Причины внутриведомственных и межведомственных конфликтов вокруг идеи объединения местного финансового управления

С самого начала была создана почва для конфликта между новыми финансовыми учреждениями на местах – ак-

цизными управлениями – и казёнными палатами, деятельность которых признавалась независимой друг от друга. М. М. Шумилов справедливо указывал на непоследовательность в решении вопроса о взаимодействиях этих двух структур, связывая это с тем, что разрабатывавшая реформу комиссия по составлению «Проекта об акцизе с питей» мало беспокоилась о налаживании таких взаимодействий, т. к. акцизные управления и казённые палаты были органами одного ведомства [1, с. 218].

Кроме того, круг обязанностей акцизного управления продолжал определяться и после начала реформы. В 1863 г. последовало упразднение местных табачно-акцизных окружных управлений, дела которых были переданы в губернские акцизные управления. Таким образом, акцизные управления объединили управление несколькими косвенными налогами: питейного акциза, акциза с соли, с табака и свекличного сахара. Тем не менее в начале деятельности акцизных управлений круг решаемых ими вопросов был невелик. И их положение разительно отличалось от казённых палат, буквально задыхавшихся под валом казначейских дел при явном недостатке кадрового состава. Неудивительно, что председатели казённых палат грезил о подчинении себе акцизных структур. Это не только позволило бы решить проблему кадрового голода, но и значительно расширить собственные возможности в получении наград и чинов, т. к. ведение питейным делом было с этой точки зрения очень перспективным – питейный доход, составлявший четверть всех доходов империи, был всё время в центре внимания начальства, и успехи в его взимании сулили хорошую карьеру. При этом возможности проявить себя в делах самой палаты суживались: с 1863 г. в связи с отменой казённой добычи и продажи соли ликвидировались соляные отделения палат, с реформой Государственного контроля упразднялись контрольные от-

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 560. Оп. 8. Д. 932. Лл. 164–165.

деления, земская реформа 1864 г. привела к утрате казёнными палатами контроля за земскими повинностями. Эти обстоятельства даже породили идею ликвидации казённых палат и распределения их оставшихся функций между другими губернскими учреждениями.

Но перечисленные сокращения функций не облегчили работу оставшегося штата палат, т. к. в 1860-х гг. резко возрастает казначейское делопроизводство. Отмена крепостного права увеличила число дел по перечислению из одного сословия в другое, по переездам крестьян на новые территории, а с 1864 г. на казённые палаты возложили контроль за взиманием выкупных платежей. Всё чаще налоговые платежи стали вноситься крестьянскими обществами, при этом помещики также продолжали это делать, что в 2 раза увеличило число доходных статей, с которыми приходилось работать казначействам. А с 1866 г. казённым палатам из палат государственных имуществ были переданы дела о податях и сборах с государственных крестьян.

При этом каторжный и ответственный труд казначейских чиновников плохо соотносился с низким жалованием: губернский казначей получал 572 руб., уездный – 450 руб. В представлении МФ по этому поводу говорилось, что содержание, производимое чиновникам казначейства, «даже не даёт им средств к самой скромной жизни», в результате «лучшие чиновники уездных казначейств оставляют службу в оных и переходят в другие ведомства, кои их более обеспечивают»¹. И вполне логичным был переход таких чиновников в акцизные управления. Поэтому председатели казённых палат почти сразу начали поднимать вопрос о слиянии двух финансовых структур на местах, под своей, естественно, властью.

В этом их поддерживали губернаторы, которых не устраивало появление новых учреждений, практически независимых

от их власти. Так, новгородский губернатор Э. В. Лерхе поднимал этот вопрос с 1866 г. на протяжении почти 20 лет, т. е. весь срок своего губернаторства [1, с. 137–138].

За объединение финансового управления высказывался и Государственный контроль, которому было бы проще проверять одну структуру, чем две.

Однако против объединения выступало руководство центрального аппарата МФ. Создание на местах новых отдельных структур облегчало задачи расширения штатов местного аппарата ведомства, тогда как объединение для Верховной власти можно было оправдать только штатной оптимизацией. В царствование Александра II сокращение чиновничьего аппарата было настоящей *idée Fixe*, а объединение дало бы к этому замечательный повод. Произошедшее в центральном аппарате министерства разделение на управление прямыми и косвенными налогами – в 1863 г. из Департамента разных податей и сборов были образованы отдельные Департамент окладных и Департамент неокладных сборов – требовало теперь сохранения такого разделения и на местах.

Ну и, конечно, противниками объединения были управляющие акцизными сборами, должности которых были весьма доходными, недаром ходили слухи, что в их распределении приняли самое активное участие племянники министра финансов А. М. Княжевича, что и вызвало отставку последнего [9, с. 480–481; 10, с. 141].

Но игнорировать запрос Верховной власти на экономии в штатах финансовое ведомство (которое к этому же активно призывало в отношении других министерств) не могло. Стремясь сохранить систему в целом, оно шло путём объединения и ликвидации некоторых акцизных управлений на территориях, где было незначительным количество поднадзорных предприятий и заведений, связанных с продажей питей.

¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. Д. 324. Лл. 21-21об

Эксперимент 1866–1868 гг. и его результаты

Чтобы успокоить сторонников объединения, МФ в нескольких губерниях пошло на эксперимент по объединению управления акцизными сборами и казённой палатой. Но этот эксперимент был направлен не на подготовку возможного объединения, а на купирование проблемы, о чём свидетельствует тот факт, что объединённое управление возглавляли в этих губерниях управляющие акцизными сборами, а не председатели казённых палат – главные интересанты в деле объединения. Это был недвусмысленный им сигнал – охладить свои порывы и запросы.

Одновременно проводилось преобразование казённых палат: по закону 23 мая 1866 г. они, лишившиеся хозяйственных и ревизионных функций, делались окончательно фискальными распорядительными органами, заведовавшими кассами МФ. Некоторым утешением для председателей (теперь именовавшимися управляющими) стало усиление их власти внутри палат, превратившимися из некогда коллегиального учреждения в учреждение чисто бюрократическое [8, с. 430].

В 1868 г. были подведены итоги по эксперименту с объединением финансового управления в Архангельской, Олонецкой, Рязанской, Нижегородской, Самарской и Эстляндской губерниях, которые оказались весьма противоречивыми¹.

Два управляющих признали эксперимент полностью удачным, ещё один – с оговоркой, что такое объединение годно только для его губернии (Эстляндской). Ещё в одной губернии было признано возможным объединение на губернском уровне, но отвергнута возможность объединения на уровне уезда. Ещё один управляющий акцизными сборами предложил оригинальный путь отделения казначейской части в отдельное губернское учреждение при объединении остатков казённой палаты с акцизным

управлением (предложение, скрывающее под собой скорее отказ от какой-либо реформы, т. к. не позволяло решить её главной задачи). Наконец, нижегородский управляющий выступил решительным противником реформы, указывая, что польза от неё совершенно незначительна по сравнению с неудобствами, которые она вызовет. Причинами этого назывались разный характер делопроизводства (ускоренный в акцизном управлении и «более основательный» в казённой палате), различное свойство самих занятий и необходимость приравнять жалование чиновников казённой палаты к жалованию акцизных чиновников, что привело бы к росту расходов².

Все отчёты об итогах эксперимента поступали одному из немногих сторонников реформы в центральном аппарате министерства – директору Департамента неокладных сборов К. К. Гроту. По его настоянию, невзирая на разногласия в оценке эксперимента, был составлен проект по созданию единого губернского финансового управления, которому бы подчинялись уездные, объединяющие казначейства и участковые акцизные управления³. В докладной записке министру от 13 июля 1869 г. К. К. Грот, защищая идею проекта, указывал на такие проблемы существующего финансового управления на местах, как: разрозненность, недостаток исполнительной силы, неравномерность в вознаграждении труда чиновников различных финансовых учреждений⁴.

Но проект не получил поддержки у других руководителей МФ, в том же году К. К. Грот покинул свой пост.

В дальнейшем, хотя к вопросу об объединении продолжали возвращаться, эта идея становилась всё менее возможной для реализации. Во-первых, исправлялся постепенно свойственный первому десятилетию царствования Александра II

² Там же. Л. 23об.

³ Там же. Лл. 81–103.

⁴ Там же. Л. 133об.

¹ РГИА. Ф. 574. Оп. 6. Д. 144.

крен в сторону сокращения расходов за счёт сокращения должностей в аппарате управления. Во-вторых, функционал палат и акцизных управлений расширился. Усиливалась роль казённых палат в сборе податей, акцизным управлениям был поручен более тесный надзор за производством табака по табачному уставу 1871 г.

Вместо объединения местного управления руководство МФ пошло путём реорганизации казённых палат. В 1878 г. они были разделены на 3 отделения: в I-м было сосредоточено распорядительное делопроизводство по управлению кассами и по пенсиям; ко II-му были причислены ревизское делопроизводство, ведение окладных и поземельных книг, составление окладных листов и дела по наблюдению за правильным производством торговли и промыслов; на III-е было возложено переданное из казначейств бухгалтерское счетоводство по государственным расходам и доходам и по выкупной операции¹.

Дискуссии 1880-х гг. об объединении финансового управления²

Снова об объединении заговорили только в 1880-х гг., когда пост министра занял Н. Х. Бунге, замысливший глобальную реформу податной системы сбора прямых податей, которая предполагала наличие на местах агентов финансового управления, непосредственно сносящихся с плательщиками податей. Это предполагало коренное изменение роли казённой палаты, которая до этого находившаяся в сборе податей в зависимости от служащих Министерства внутренних дел, не располагала достаточными силами «для живого отношения к делу, для непосредственного участия в собирании и проверке сведений, требующихся по всем видам окладных налогов и для пра-

вильной оценки платёжной силы населения» [11, с. 12].

А ведь Н. Х. Бунге задумывался в условиях бурного роста торгово-промышленных заведений и нарастающей социальной дифференциации основной массы населения – крестьян – о постепенном введении подоходного налога, что требовало от местных финансовых органов совершенно иного потенциала.

Выход пытались найти в объединении финансового управления.

20 ноября 1881 г. на основе доклада министра внутренних дел была образована Особая комиссия для составления проектов местного управления (Кахановская комиссия). МФ было представлено в ней управляющим Государственным банком П. Н. Николаевым. Одной из задач, поставленных перед комиссией, было объединение уездного управления, в т. ч. и местных финансовых органов.

С этой целью 18 сентября 1882 г. при МФ начало свою работу Совещание для разработки вопроса о преобразовании финансового управления в губерниях. Как видим, с самого начала вопрос был поставлен широко: речь шла о возможном преобразовании местного управления финансами в целом.

В подготовленном к Совещанию проекте предполагалось объединить управление акцизными сборами с управлением окладными сборами в рамках Казённой палаты. Ст. 1 проекта гласила: «Заведование всеми окладными и неокладными сборами, кроме таможенных, ... возлагается на казённую палату». А в ст. 18 говорилось, что казённой палате «присваиваются все права и обязанности, как принадлежащие ей по действующим ныне узаконениям, так и принадлежащие губернскому акцизному управлению»³. Казённым палатам должны были быть подчинены особые уездные и губернские податные управления во главе с участковыми начальниками и податными надзи-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. LII. № 58595.

² Данная часть статьи в основном соответствует рукописи авторской диссертации [15].

³ РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 8097. Л. 3 и 5.

рателями. Участковый податный надзиратель должен был кроме прав и обязанностей по податному делу получить права и обязанности помощников окружных надзирателей акцизных сборов.

Намечаемое преобразование должно было полностью изменить структуру местных органов МФ. Поэтому в работе совещания приняли участие как чиновники центрального аппарата министерства (барон Г. О. Розен (председатель Совещания), Д. А. Тимирязев, Н. И. Даудель, А. С. Ермолов, С. А. Ольхин), так и чиновники, стоявшие во главе местных органов власти (управляющие казённых палат: А. М. Щепкин, И. Д. Слободчиков, С. П. Щепкин, К. Ф. фон Вистингаузен, Е. Н. Анучин, В. А. Грейг, А. К. Штанге, А. П. Воскресенский, И. М. Чарноцкий; управляющие акцизными сборами: Н. И. Соболев, Н. П. Семёнов, Д. А. Миропольский, А. Д. Дмитриев, Э. Ф. Руккер, А. М. Благовидов, Н. Ф. Бурмейстер, Н. П. Забугин). В Совещании принимали участие и представители других ведомств: Н. Г. Тычино, Н. А. Бойсман, П. А. Рыхлевский, Н. К. Свечинский, В. И. Терминский, князь Д. Н. Церетелов.

В самом начале работы Совещания проявился конфликт между МФ и представителями других ведомств, и прежде всего МВД, по вопросу о подконтрольности местных финансовых органов. МВД хотело поставить их под контроль губернаторов, опасаясь, что в ином случае финансовые чиновники на местах получат слишком много прав по отношению к полиции, занимающейся сбором налогов. Представителей других ведомств раздражали высокие оклады акцизных чиновников и их возрастающие возможности для карьерного роста. Они опасались, что привлекательность службы в новом управлении вызовет на местах массовый отток их самых способных чиновников.

Но конфликт между чиновниками МФ и представителями других ведомств на остальных заседаниях отошёл на задний план перед конфликтом между управля-

ющими казённых палат, выступавших за объединение акцизного и податного дела, и управляющих акцизными сборами, выступивших против такого объединения.

На заседании 15 ноября Н. И. Соболев рассказал об опыте соединения в Нижегородской губернии казённой палаты с акцизным управлением и отметил, что если акцизные чиновники показали свою способность выполнять обязанности чиновников по особым поручениям Казённых палат, то последние оказались неспособными следить за акцизными сборами из-за своей загруженности другими делами и «вследствие недостатка технических сведений и необходимой для акцизного дела опытности»¹. Кроме того, собирание податного материала требовало бы нахождение акцизного чиновника на одном месте, что по характеру его деятельности считалось невозможным. Многие из членов Совещания отметили большую загруженность акцизных чиновников.

Чиновник особых поручений МФ Д. А. Тимирязев выступил решительным сторонником объединения податного и акцизного управления². Можно сказать, что в этом вопросе он был выразителем пожеланий самого министра финансов, который считал, что преобразование податного управления «должно быть основано на слиянии казённых палат и акцизных управлений с подручными им органами в одно ведомство, не касаясь, однако же, казначейской части, имеющей свою обособленную организацию. При этом министр ожидал, что этим объединением «достигнуто будет единство действия как губернского, так и местного управлений», причём чиновники последнего «будут иметь возможность, не тратя времени на дальнейшие переезды, заведовать всеми видами сборов по вверенной им территории»³.

Противниками объединения были А. С. Ермолов, А. П. Воскресенский. Кн.

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 8097. Лл. 94-94 об.

² Там же. Л. 96.

³ Там же. Л. 36.

Д. Н. Церетелов, А. К. Штанге и, что очень важно, председатель Совещания барон Розен. Они высказали мнение, что «обойтись при взимании акцизов без специальных чиновников... положительно невозможно». А Н. Н. Свечинский указал, что в Англии, Франции и Пруссии администрация прямых и косвенных налогов поручена отдельным органам¹. Весомое мнение высказал управляющий казённой палатой и акцизными сборами Эстляндской губернии, имевший 12-летний опыт объединения финансового управления в губернии в одних руках. Он отметил, что от соединения управления акцизным делом и казённой палаты «нельзя ожидать упрощения делопроизводства, т. к. заведование акцизными сборами и в составе казённой палаты потребует самостоятельности независимо от дел палаты»².

В результате, идея объединения была на заседании провалена.

Но на следующем заседании вопрос об объединении был поднят снова, и инициаторами этого стали управляющие казённых палат. Е. Н. Анучин заявил о необходимости отказаться от специализации акцизного дела, т. к. «она требовала бы лишнего расхода со стороны государственного казначейства без существенной пользы»³. Решительными противниками объединения продолжали оставаться управляющие акцизными сборами. Н. П. Семёнов, например, обратил внимание на то, что акцизные чиновники «не захотят быть сборщиками недоимок, взыскание которых по окладным сборам будет представлять сравнительно гораздо больше и труда и неприятностей, чем взыскание недоимок акцизных»⁴. Нигде более цинично, чем в этом выступлении, не проявились эгоистичные и своекорыстные цели акцизных чиновников, заинтересованных в провале проекта.

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 8097. Л. 97.

² Там же. Л. 191 об.

³ Там же. Л. 99.

⁴ Там же. Л. 98 об.

На заседании 29 ноября барон Розен предложил компромиссное решение (впервые озвученное А. С. Ермоловым), заключавшееся в разделении губерний на 3 группы:

– губернии, в которых акцизное дело представляется особенно важным и сложным;

– губернии, в которых акцизное дело сильно развито в нескольких уездах;

– губернии, где акцизное дело развито слабо⁵.

Соответственно, в губерниях первой группы слияние признавалось невозможным, третьей – возможным, во второй – при некоторых ограничениях.

Четверо управляющих акцизными сборами, члены Совещания, сразу выступили против даже такого компромисса. Но недовольными оказались и управляющие казённых палат, губернии которых могли попасть в первую группу. Высказал протест и Д. А. Тимирязев.

Тем не менее большинство членов Совещания поддержали идею Розена, в т. ч. все управляющие сборами. На следующем заседании они попытались закрепить успех, предложив вместо 3 групп ввести 2, признав смешанную форму невозможной. Но это предложение повисло в воздухе.

Дискуссия продолжилась после перерыва в работе Совещания на рождественские праздники на заседании 24 января 1883 г. Управляющие палат высказались вновь за соединение управления, а управляющие акцизными сборами против. Их не прельстило даже предложение И. Д. Слободчикова об учреждении должности помощника управляющего казённой палатой (явная компенсация за потерю самостоятельности). Отказ от самостоятельности означал для них ограничение карьерного роста и возможность постоянной конфронтации с новым руководством. Кроме того, управляющие акцизными сборами уже почувствовали

⁵ Там же. Л. 114.

изменение взглядов на реформу чиновников центрального аппарата МФ.

Об этом свидетельствовал факт поддержки предложения о разделении губерний на 2 группы со стороны представителя центрального аппарата Д. А. Тимирязева, который до этого был сторонником безусловного объединения. Можно предположить, что изменение позиции Тимирязева означало и изменение позиции самого министра, которого современники неоднократно обвиняли в неспособности отстаивать свою точку зрения. Например, А. А. Половцов называл Бунге учёным, привыкшим излагать свои мысли без всякой уверенности, что они перейдут в дело, книжным теоретиком, в котором «нет ни энергии, ни умения руководить прениями, вести людей и дела к твёрдо сознанной цели» [12, с. 79, 474–475].

Таким образом, на Совещании намечился перелом, означающий победу акцизных чиновников. Почувствовав это, управляющий казённой палаты С. П. Щепкин предпринял последнюю отчаянную попытку. Он подверг резкой критике высказанное мнение о неспособности председателей казённых палат управлять акцизным делом. «Чиновник, стоящий во главе управления, – заметил С. П. Щепкин, – не может в то же время быть и исполнительным чиновником»¹. Соответственно, нет необходимости в специальных познаниях, а необходимо только наличие организаторских способностей. Щепкин предлагал поставить акцизных и податных чиновников под управление одного лица так, чтобы «впоследствии между служащими Палаты не было конечно какого-либо различия»². На эти замечания Щепкина управляющий акцизными сборами Д. А. Миропольский возразил, что «управляющий, не заменяя собою всех чиновников своего управления... в то же время при ревизии испол-

няет все их обязанности»³, а, значит, без специальных знаний не обойтись.

Нелепое предложение представителя МВД Н. А. Бойсмана о полной самостоятельности управляющего акцизными сборами в деле их сбора при общей подчинённости управляющему казённой палаты, было отвергнуто единогласно.

Многое на совещании зависело от позиции председательствующего. Барон Розен, директор Департамента неокладных сборов, не был заинтересован в объединении финансового управления на местах, т. к. боялся, что это приведёт к утрате контроля со стороны департамента над местными чиновниками. Свои цели председатель выразил так: «Нужно, чтобы лицо, руководящее акцизным делом в губернии, было настолько же подчинено Департаменту неокладных сборов, насколько последний подчинён министру финансов, или акцизный надзиратель – управляющему акцизными сборами»⁴.

Именно под его непосредственным давлением Совещание 27 января 1883 г. приняло компромиссную формулировку, которая звучала следующим образом: «Реформу податного управления необходимо произвести немедленно и повсеместно; при этом образование объединённого управления для заведования как акцизными, так и всеми прочими сборами, на первых порах может быть допущено только в некоторых местностях, где Министерство финансов признает возможным; в прочих местностях к объединению финансового управления следует приступить лишь постепенно и по указаниям опыта»⁵.

Таким образом, идея объединения была практически похоронена. Замечательно, что в 1883 г. произошло объединение Астраханского и Саратовского окружного управлений акцизных сборов, что можно расценить как полное нежелание объединять их с управлением казённой палатой.

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 8097. Л. 153об.

² Там же. Л. 154об.

³ Там же. Л. 198.

⁴ Там же. Л. 156об.

⁵ Там же. Л. 157об.

Провал работы Совещания заставил Н. Х. Бунге отказаться от коренной реформы и начать с малого. В 1884 г. МФ вошло в Государственный совет с представлением об учреждении в ведении казённых палат 500 должностей податных инспекторов. На заседании Кахановской комиссии в феврале 1885 г. товарищ министра финансов подчеркнул, что установление налога по безмездному переходу имуществ, изменения в системе торгового обложения и трудности во взыскании прямых налогов, – «всё это требует действия на месте специальных органов, могущих надзирать за ходом финансового дела в уезде и в то же время собирать и доставлять в Министерство все необходимые для него сведения»¹. Но для этого нужно много людей, подготовленных специалистов и денег, которых нет. Поэтому создать полноценные органы финансового управления на местах пока не представлялось возможным. Учреждение податной инспекции признавалось временной мерой. Сам Н. Х. Бунге воспринимал проект, представленный МФ в Государственный совет в 1884 г., как временный, предваряющий коренную реформу податного управления, что подчёркивалось в его письме А. А. Половцеву от 31 января 1885 г. [13, с. 146].

Идея объединения никак в проекте, а потом в законе реализована не была.

Заключение

Нельзя однозначно утверждать о позитивных и негативных сторонах объ-

единения акцизного управления с управлением казённой палаты. В условиях всё большего возрастания роли косвенного налогообложения подобное объединение могло нанести удар по доходам казны, т. к. непременно отвлекло бы акцизных чиновников от их непосредственных обязанностей.

Но результатом уступчивости Бунге стал отказ от введения промыслового обложения на чисто подоходной основе, а в более широком плане – отказ от подоходной системы налогообложения в целом, которая, возможно, и могла быть введена при условии объединения местных финансовых учреждений

Социально-экономическое отставание России, низкий уровень грамотности и образования, политическая линия на защиту интересов дворянского сословия (подразумевающая и защиту их доходов) – всё это препятствовало коренным преобразованиям в налоговой сфере. Но большую роль играли и неготовность правительства к серьёзным, и при этом вполне оправданным и восполнимым, денежным тратам на создание новой эффективной системы налогообложения; неподготовленность местных органов МФ, в первую очередь, казённых палат; узковедомственные трения между МФ и МВД.

И, конечно, как наглядно доказывает внутриведомственная дискуссия по вопросу об объединении, большую роль играли личные интересы высшего и среднего звена чиновников финансового ведомства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М.: Прометей, 1991. 218 с.
2. Горюшкина Н. Е. Подготовка винной реформы 1863 года в России: монография. Курск: ЮЗГУ, 2017. 187 с.
3. Горюшкина Н. Е. Общественная дискуссия о результатах винной реформы 1863 года в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 200–208.
4. Кравцова Е. С. Модернизация налоговой системы России: 1885–1917: дис. ... док. ист. наук. Курск, 2011. 602 с.

¹ Журнал высочайше учреждённой Особой комиссии для составления проектов местного управления. № 9. Заседания 26 и 29 января и 1, 5, 7, 9, 12, 14, 16, 21 и 23 февраля 1885 г. С. 15.

5. Кравцова Е. С. Споры в высшем управленческом аппарате о введении института податной инспекции в Российской империи в 80-е годы XIX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы конф. Ч. 2. Иваново, 2009. С. 268–272.
6. Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. История-Статистика. Т. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 295 с.
7. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России. (Исторический очерк и настоящее положение. Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и её значение для государства, казны и населения). СПб.: [Б. и.], 1890. 252 с.
8. Министерство финансов. 1802–1902. Исторический обзор. Ч. I. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 640 с.
9. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. М.: Новости, 1992. 558 с.
10. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел (1861–1876). Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 422 с.
11. Ровинский К. Податная инспекция в России (1885–1910 гг.). Очерк деятельности податной инспекции за 25 лет её существования в связи с развитием прямого обложения. СПб.: [Б. и.], 1910. 210 с.
12. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова / под ред. П. А. Зайончковского. Т. 1. М.: Наука, 1966. 549 с.
13. Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 397 с.
14. Министры финансов императорской России: Е. Ф. Канкрин, М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге / сост. И. В. Лукьянов. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2020. 654 с.
15. Соловьёв Я. В. Министерство финансов Российской империи в 1858–1903 гг.: организация и функционирование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 393 с.

REFERENCES

1. Shumilov, M. M. (1991). *Local government and central government in Russia in the 50s – early 80s. 19th century*. Moscow, Prometheus Publ. (in Russ.).
2. Goryushkina, N. E. (2017). *Preparation of the wine reform of 1863 in Russia: monograph*. Kursk: YuZGU Publ. (in Russ.).
3. Goryushkina, N. E. (2020). Public discussion on the results of the wine reform of 1863 in Russia. In: *Izvestia of Southwestern State University. Series: History and Law*, 10, 5, 200–208 (in Russ.).
4. Kravtsova, E. S. (2011). *Modernization of the tax system of Russia: 1885–1917: [dissertation]*. Kursk (in Russ.).
5. Kravtsova, E. S. (2009). Disputes in the senior management apparatus about the introduction of the institution of tax inspection in the Russian Empire in the 80s of the 20th century. In: *State, society, church in the history of Russia of the XX century*. Part 2. Ivanovo, 268–272 (in Russ.).
6. Blioch, I. S. (1882). *Finance of Russia of the 19th century. History-Statistics*. Vol. 2. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publ. (in Russ.).
7. Tersky, N. S. (1980). *Drinking fees and excise system in Russia. (Historical sketch and present position. Experience in comparative research of the most important results of the excise system and its importance for the state, treasury and population)*. St. Petersburg (in Russ.).
8. (1902). *Ministry of Finance. 1802–1902. Historical review. Part I*. St. Petersburg: Expedition of Procurement of State Papers (in Russ.).
9. Dolgorukov, P. V. (1992). *Petersburg essays. Emigrant pamphlets*. Moscow: News Publ. (in Russ.).
10. (1961). *Diary of P. A. Valuev, Minister of the Interior (1861–1876). Vol. 1*. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ. (in Russ.).
11. Rovinsky, K. (1910). *Podatnaya inspection in Russia (1885–1910). Outline of the activities of the tax inspection for 25 years of its existence in connection with the development of direct taxation*. St. Petersburg (in Russ.).
12. Zayonchkovsky, P. A., ed. (1966). *Diary of Secretary of State A. A. Polovtsov. Vol. 1*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
13. Stepanov, V. L. (1998). N. Kh. Bunge: The fate of the reformer. Moscow ROSSPEN Publ. (in Russ.).
14. Lukyanov, I. V. (2020). *Finance Ministers of Imperial Russia: E. F. Kankrin, M. H. Reiter, N. H. Bunge*. St. Petersburg: Pushkin Foundation Publ. (in Russ.).
15. Solovyov, Y. V. (2003). *Ministry of Finance of the Russian Empire in 1858–1903: organization and functioning: [dissertation]*. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Ян Валерьевич (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: solyan@yandex.ru; ORCID: 0009-0006-9688-5692

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan V. Soloviev (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: solyan@yandex.ru; ORCID: 0009-0006-9688-5692

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-46-56

ОСВЕЩЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

Иерусалимский Ю. Ю.^{1,2}, Игутин И. В.^{2*}

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

г. Ярославль Российская Федерация

² Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: igor.igutin@gmail.com

Поступила в редакцию 25.04.2025

После доработки 22.05.2025

Принята к публикации 06.06.2025

Аннотация

Цель. Выявление специфики и влияния редакционной политики издания на восприятие студенческого движения в общественном сознании.

Процедура и методы. В статье проводится анализ освещения студенческого движения второй половины XIX в. в газете «Московские ведомости». Методологическую основу составляют историко-генетический метод, а также историко-системный и идеографический подход.

Результаты. Результаты исследования раскрывают механизмы взаимодействия между консервативной прессой и университетским сообществом, а также вносят вклад в понимание роли периодической печати в формировании общественного мнения в кризисный период российской истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установлена неоднозначная роль издания: с одной стороны публикации «Московских ведомостей» способствовали эскалации конфликта и радикализации протеста, с другой – газета пыталась стабилизировать академическую среду путём морального воздействия на молодёжь и поддержку аполитичных студентов.

Ключевые слова: студенческое движение, публицистика, консервативная пресса, Российская империя, М. Н. Катков, «Московские ведомости», В. А. Грингмут

Для цитирования:

Иерусалимский Ю. Ю., Игутин И. В. Освещение студенческого движения второй половины XIX века в «Московских ведомостях» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 46–56.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-46-56

Original research article

ILLUSTRATION OF THE STUDENT MOVEMENT OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN MOSOVSKIE VEDOMSTVA

Yu. Ierusalimskiy^{1,2}, I. Igutin^{2*}

¹ Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russian Federation

² Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: igor.igutin@gmail.com

Received 25.04.2025

Revised 22.05.2025

Accepted 06.06.2025

Abstract

Aim. To identify the specifics and influence of the publication's editorial policy on the perception of the student movement in the public consciousness.

Methodology. The article analyzes the coverage of the student movement in the second half of the 19th century in the newspaper «Moskovskie vedomosti». The methodological basis is the historical-genetic method, as well as the historical-systemic and ideographic approach.

Results. The results of the study reveal the mechanisms of interaction between the conservative press and the university community, and also contribute to understanding the role of the periodical press in shaping public opinion during a crisis period in Russian history.

Research implications. The study reveals the ambiguous role of the publication: on the one hand, the publications of «Moskovskie vedomosti» contributed to the escalation of the conflict and the radicalization of the protest, while on the other hand, the newspaper tried to stabilize the academic environment by exerting moral influence on young people and supporting apolitical students.

Keywords: student movement, journalism, conservative press, Russian Empire, M. N. Katkov, «Moskovskie vedomosti», V. A. Gringmut

For citation:

Ierusalimskiy, Yu. Yu., Igutin, I. V. (2025). Illustration of the student movement of the second half of the 19th century in Moskovskie Vedomosti. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 46–56.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-46-56

Введение

Вторая половина XIX в. стала периодом формирования студенческого движения как важного субъекта общественной жизни в России. В контексте нарастания социального напряжения студенческие волнения стали свидетельством кризиса в политической сфере в целом, и в образовательной системе страны в частности.

Эти процессы сопровождались широким освещением в прессе деятельно-

сти студенчества, где отразились общественные противоречия того времени. Студенческое движение получало крайне противоречивые оценки современников – от радикального осуждения в правительственных кругах до романтизации в революционной и либеральной публицистике в качестве «авангарда освободительного движения» [1]. Особую научную значимость приобретает анализ того, как консервативная печать выстраивала об-

раз молодого поколения в условиях нарастающего общественного кризиса.

«Московские ведомости» под редакцией М. Н. Каткова, а затем В. А. Грингмута занимали особое место в пореформенной России. Являясь влиятельным консервативным изданием, газета традиционно связывается с последовательной охранительной позицией, которая оказывала значительное воздействие на восприятие студенческого движения в общественном сознании.

Изучение данной проблематики позволяет реконструировать специфику освещения студенческого движения в консервативном издании.

В отечественной историографии специфика освещения студенческого движения в газете «Московские ведомости» во второй половине XIX в. ранее не становилась предметом самостоятельного комплексного исследования. Данная проблематика рассматривалась в контексте более общих вопросов, связанных с историей развития образования и общественной мысли России. Проведённый историографический анализ позволяет выявить 2 основных подхода в оценке позиции издания относительно освещения студенческого движения.

Первый подход наиболее ярко проявился в советской историографии. В нём делался акцент на охранительном характере газеты, который проявился в антагонизме с университетской средой. Ярким представителем этого направления являлась В. А. Твардовская, подчёркивающая реакционный характер издания и продемонстрировавшая, как проявлялся антагонизм между демократическим студенчеством и консервативным изданием [2, с. 253]. Однако исследователь не учитывает наличие проправительственных настроений в рядах учащейся молодёжи, которое также освещалось в «Московских ведомостях».

Сторонники второго подхода стали появляться в 1990-е гг., после отхода большинства историков от марксистско-

ленинской методологии советской историографии. Наиболее чётко этот подход проявился в первой четверти XXI в. Современные исследователи «Московских ведомостей» стремятся учитывать разнотипный социально-политический контекст эпохи. Так, Е. В. Перевалова оспаривает тезис об однозначном ретроградстве «Московских ведомостей», утверждая, что критика М. Н. Катковым радикальных настроений среди студенчества была не «реакционной», а скорее «прагматичной и обоснованной». По её мнению, эта позиция отражала взвешенный подход, направленный против «вредного увлечения нигилизмом» [3, с. 140–141]. В подтверждение своей позиции Перевалова приводит статистику роста числа обвиняемых женщин по политическим процессам 1871–1880 гг., что, по её оценке, подтверждало опасения Каткова об использовании студенток в качестве «слепого оружия политической интриги» [3, с. 140–141].

Схожей точки зрения, придерживалась И. В. Плотнокова, которая подчёркивала уникальную роль преемника Каткова – В. А. Грингмута. По её оценке, Грингмут «отрезвлял» «расшатавшуюся молодёжь» и практически единолично выступал против студенческих выступлений, считая недопустимыми уступки «прихоти молодёжи» со стороны государства [4]. В целом исследования этого направления обращают внимание на вклад М. Н. Каткова, который заключался в выстраивании целостной картины «распространения нигилизма и революционного радикализма в среде учащейся молодёжи» [5, с. 51–52].

В то же время в первой половине 20-х гг. XXI в. О. Г. Малышева и Е. А. Безина характеризовали позицию Каткова как последовательно монархическую и сословно-ориентированную, отмечая его резко негативное отношение к высшим женским курсам как «рассадику крамолы» [6, с. 57].

На современном этапе изучения проблемы наиболее подробно конфликтная природа освещения газетой студенческого движения проанализирована в работах Л. Д. Дергачевой. Автор указала на обвинительный и оскорбительный тон публикаций «Московских ведомостей» в адрес студентов, который обострял негативное восприятие материалов газеты и усиливал антагонизм между изданием и университетской средой [7, с. 30].

Согласно исследованию О. А. Вахтеровой, позиция главного редактора «Московских ведомостей» В. А. Грингмута по студенческому вопросу была последовательно охранительной. Эта установка напрямую сближала его взгляды с официозными авторами, в частности с А. И. Георгиевским [8]. Кроме того, Вахтерова установила, что охранительное направление интерпретировало студенческое движение не как социальный протест, а исключительно как следствие политического брожения и революционной агитации [8].

Проведённый историографический обзор позволяет констатировать, что в науке сложилась неоднозначная картина в оценке характера освещения «Московскими ведомостями» студенческого движения. В историографии центральной дискуссионной проблемой остаётся интерпретация вокруг позиции «Московских ведомостей», которая рассматривается либо как взвешенный ответ на радикализацию студенчества, либо как выражение реакционной охранительной политики. Несмотря на наличие вышеупомянутых работ, проблема требует специального исследования и более детального изучения.

«Московские ведомости» о студенческом движении во второй половине XIX в.

Студенческое движение было ключевой темой публицистики М. Н. Каткова с 1860-х гг., что было обусловлено массовыми волнениями, вызвавшими обще-

ственный резонанс. Уже в 1869 г. «Московские ведомости» выражали серьёзную обеспокоенность распространением «крамольных» настроений среди учащейся молодёжи, систематически связывая протестные выступления с внешним революционным влиянием. Катков характеризовал нигилизм как явление, опасного прежде всего своими «миазмами», а не организованным политическим действием, отмечая, что его adeptами становятся «незрелые молодые люди»¹.

На рубеже 1860–1870-х гг. газета активно освещала массовые студенческие волнения, интерпретируя их как следствие деятельности революционных агитаторов. Особое внимание уделялось фигуре С. Г. Нечаева, чей образ стал символическим воплощением «революционера-provokatora» [9] в публицистике М. Н. Каткова. Редакция отрицала самостоятельный характер выступлений, трактуя их как следствие манипуляции со стороны «революционной партии», использующей незрелую и уязвимую среду молодёжи в качестве «орудия и жертвы»² пропаганды.

В отличие от либеральных изданий, объяснявших волнения внутренними проблемами университетской системы, «Московские ведомости» настаивали на внешнем источнике беспорядков. Катков настаивал, что значительная часть «испорченных студентов» находилась под деструктивным влиянием политических агитаторов. В этой связи он видел задачу власти в последовательном выявлении и изоляции революционных элементов от основной массы учащихся, совмещая эти меры с разработкой методов исправления провинившихся³. Катков подчёркивал, что действия, направляемые «загранич-

¹ Катков М. Н. Беспорядки в высших учебных заведениях // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1869 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 387.

² Там же. С. 752–756.

³ Катков М. Н. Университетская молодёжь не виновата производя беспорядки: она возбуждается к тому сверху // Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1898. С. 168.

ной интригой», привели к уголовному преследованию сотен студентов, фактически разрушив их будущее.

В рамках «Нечаевского дела» М. Н. Катков резко полемизировал с позицией защитников обвиняемых, критикуя попытки представить узкую группу студенческих агитаторов, связанных с революционными движениями, выразителями общих «прав студентов». Для «Московских ведомостей» проблема заключалась не в отсутствии реализации прав студентов, а в целенаправленной эксплуатации студенческой среды революционными элементами при попустительстве либеральной части общества¹.

Издание последовательно представляло учащуюся молодёжь основной мишенью революционной пропаганды, выступая против любой формы университетского самоуправления, которое рассматривалось не как полноценное представительство студенческих интересов, а как потенциальная база для распространения радикальных идей². Более того, для русского учащегося юношества, по мнению М. Н. Каткова, оскорбительно братание с «русской революционной партией», поскольку эта связь пятнает честное и высокое звание студента высшего учебного заведения.

Катков считал, что «общая студенческая корпорация, имеющая свою кассу и своё управление, установленная и организованная законодательством, есть нелепость», поскольку студент представляет собой «переходное состояние» и не может составлять корпорацию из «постоянных членов» или «входить на каких бы то ни было правах в состав общей университетской корпорации»³. Он

отвергал саму идею студенческого самоуправления и коллективных «прав» студентов, считая это «фальшивой идеей», навязанной извне⁴.

«Московские ведомости» подчёркивали, что решение о возвращении ранее исключённых за недостойное поведение студентов является главной ошибкой «диктатуры сердца». Катков сравнивал эту меру с предоставлением «зачумлённым людям» права «заражать здоровых», утверждая, что присутствие сознательно «испорченных» и политически ангажированных студентов в среде податливой молодёжи представляет наибольшую угрозу⁵.

М. Н. Катков, демонстрируя обеспокоенность судьбой студенчества, подчёркивал, что большинство учащихся оставалось в стороне от волнений и противостояло агитаторам⁶. Публицист отмечал, что студенты не поддавались на обман, изгоняли агитаторов из своей среды и адресовали университетскому начальству решительный протест с требованием прекратить сходки⁷. Позиционируя себя как защитника молодёжи, «Московские ведомости» заявляли: «никто более нас не желает им блага; никто более нас не сочувствует им в их лучших стремлениях»⁸. При этом Катков стремился оправдать учащихся, представляя

¹ Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 383.

² Катков М. Н. Передовая статья № 161 // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1871 год. М.: Изд. С. П. Катковой, 1878. С. 825.

³ Катков М. Н. Беспорядки в высших учебных заведениях // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1869 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 305–306.

⁴ Катков М. Н. Скирневичское свидание // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 482–484.

⁵ Катков М. Н. Возвращается ли правительство? // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1898. С. 509–512.

⁶ Катков М. Н. Беспорядки в высших учебных заведениях // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1869 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 303.

⁷ Катков М. Н. «Старшие» и университетская молодёжь // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 558–559.

⁸ Катков М. Н. Ответ студенту Баженову (об отношении Московских Ведомостей к учащейся молодёжи) // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1880 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 643.

их жертвами деструктивного влияния [7, с. 20, 28]. М. Н. Катков акцентировал отличие студентов, участвующих в волнениях от зрелого в интеллектуальном и нравственном плане юношества¹. Он утверждал, что переход к «чисто научной работе» в университетах устранил почву для «пагубного» проявления студенческого активизма и прекратит разговоры о «корпорациях», «землячествах», «сходках и скандалах»². Катков критиковал сложившееся положение, при котором студент, по его словам, «стал львом нашего общества», свободным от всякого контроля и дисциплины³.

Согласно исследованию Л. Д. Дергачевой, реакционная стратегия Каткова, основывалась на поддержке лояльной, аполитичной и верноподданнической части учащихся [7, с. 29] при одновременном категорическом отрицании идеи университетской автономии и студенческого самоуправления [7, с. 12]. Особый интерес представляет использование Катковым анонимных студенческих писем для давления на университетскую администрацию, которую он, по мнению Дергачевой, использовал как приём для создания видимости «объективности» и защиты интересов студенчества [7, с. 24]. Ярким примером стала публикация письма с требованием введения обязательной формы одежды призванной отличить «истинных» студентов от «ложных» демонстрантов в уличной толпе⁴.

Л. Д. Дергачева считает, что эта тактика вызывала упреки в адрес газеты как со стороны официальных лиц (например, попечителя Казанского учебного окру-

га), так и самих студентов. В частности, В. Ф. Дерюжинский (студент Московского университета) обвинял издание в систематическом искажении фактов студенческой жизни [7, с. 27], что по оценке Л. Д. Дергачевой свидетельствовало о растущем противостоянии между газетой и академической средой.

Устроитель Томского университета В. М. Флоринский вспоминал, обличительные стихотворения студентов, адресованные охранительному изданию:

«Пошлой газетки издатель,
Разных статей кропатель,
Кличка твоя нам не нова,
– Верное эхо Каткова,
Жалкий урядник Толстова,
Сводня печатного слова»⁵.

Важным аспектом исследования роли «Московских ведомостей» в освещении студенческого движения является анализ характера публикаций издания и его влияния на радикализацию протестной активности. М. Н. Катков возлагал большие надежды на новый университетский устав, который по его замыслу, должен был устранить «поводы к агитации и интриге в профессорских коллегиях» и обеспечить «надзор за студентами и их ограждение от вредных влияний»⁶.

Однако в итоге эта позиция привела к кульминации противостояния «Московских ведомостей» с революционно настроенным студенческим движением. Поводом к этому послужили события вокруг демонстрации 1878 г. в Москве. В. А. Твардовская в духе марксистско-ленинской методологии подчеркнула, что Катков в тот период «революционной ситуации» столкнулся с новым типом студенчества, открыто выражавшем про-

¹ Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 381–382.

² Там же. С. 465.

³ Катков М. Н. В защиту классической системы образования против обвинений её в современном шатании умов // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 267.

⁴ Катков М. Н. Письмо студента Московского Университета о необходимости введения формы // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1898. С. 519.

⁵ Флоринский В. М. Заметки и воспоминания. 1875–1880 // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 226.

⁶ Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 718.

тест против него как инициатора университетской реформы [2, с. 253]. Этот протест, указала Твардовская, контрастировал с «мнимым» одобрением реформы в публикуемых в газете письмах студентов [2, с. 262]. Напротив, по мнению Твардовской, со стороны читателей в редакцию поступила серия писем (от апреля 1878 г.) с резкой критикой Каткова, где корреспонденты обвиняли его в «крайностях», «разжигании диких инстинктов толпы» и «прославлении анархии» [2, с. 180].

В ответ на обвинения в славивании общества со студентами, «Московские ведомости» опубликовали статью, где избиение студентов представлялось как «спонтанный», но «искренний порыв народного негодования и злости на враждебные государству элементы»¹. Катков утверждал, что революционеры распространяли клевету на него: «посредством газет и другими способами они принялись уверять студентов, что народ возбуждён против них просто, как против студентов, что в этом виноваты «Московские ведомости» и что каждому из них угрожает опасность»².

Л. Д. Дергачева акцентировала внимание на том, что характеристика Катковым участников беспорядков как «людей испорченных и злонамеренных»³ спровоцировала демонстрацию перед зданием редакции [7, с. 28]. Значительная часть студенчества, по мнению Дергачевой, воспринимала газету как враждебную силу, о чём свидетельствовала, в частности, позиция студента Н. Баженов, который в заметке для «Русских ведомостей» упрекал других учащихся за обращение с письмами в «Московские ведомости», за то, что они «пристали к врагам» [7, с. 21].

При этом Л. Д. Дергачева обратила внимание, что многие учащиеся Мо-

сковского университета в конце 1878 г. были недовольны студенческими беспорядками и Катков, апеллируя к этим настроениям, поддерживал и призывал студентов противостоять агитаторам. По мнению Л. Д. Дергачевой, М. Н. Катков стремился оправдать свою позицию, делая акцент на проявлении лояльности студентов [7, с. 21].

Показательно, что неоднократное обращение Каткова к данному эпизоду, по мнению Дергачевой, свидетельствует о редкости подобных проявлений лояльности со стороны студенчества [7, с. 21]. Эта оценка подтверждается и собственным признанием Каткова о том, что только «Московские ведомости» во всей «нашей печати» искренне порадовались заявлению студентов о готовности бороться с агитаторами, что подчёркивает изолированность позиции издания⁴.

Многие современники напрямую связывали эскалацию молодёжных беспорядков в Москве с деятельностью М. Н. Каткова. М. М. Ковалевский, признавая, что газета не могла напрямую провоцировать «грубые выходки», тем не менее отмечал её непопулярность в студенческой среде из-за «обличения профессоров и походов против студенчества»⁵. По его мнению, серьёзные волнения начались лишь после того, как реакционная пресса допустила «бестактные выступления», одобряя «кулачную расправу со студентами»⁶.

В статье А. П. Дмитриева освещается критика консервативного публициста Н. П. Гилярова-Платонова в адрес газеты М. Н. Каткова «Московские ведомости». Гиляров-Платонов обвинял издание в подстрекательстве к конфронтации между студенчеством, обществом и властями, указывая на склонность Каткова к край-

¹ Катков М. Н. Уличная демонстрация в Москве 3 апреля. Москва. 11 апреля 1878. № 95 // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 171.

² Там же. С. 171.

³ Московские ведомости. 1884. № 272.

⁴ Катков М. Н. Ответ студенту Баженову (об отношении Московских Ведомостей к учащейся молодёжи) // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1880 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. С. 643–645.

⁵ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. С. 235.

⁶ Там же. С. 235.

ностям, что, по его мнению, трансформировало роль газеты из «охранительной» в «реакционную» [10, с. 30]. С его точки зрения, газета, являясь главным противником классического образования, выступала одной из главных причин появления таких фигур, как Нечаев [10, с. 30].

В. А. Гиляровский непосредственно связывает «первый выход студенческого протеста за пределы университетских стен» с публикациями издания в защиту правительства и обычными доносами «Московских ведомостей»¹. Он детально описал, как осенью 1884 г. студенты, «поставив на сходке наказать "Московские ведомости"», устроили демонстрацию с «кошачьим концертом» и разбитием окон редакции². Согласно его свидетельству, подобные акции во время беспорядков были регулярными. По воспоминаниям Гиляровского, в газетах появились лишь «казённые заметки, что студенты пошумели на Страстном бульваре и полтора из них было забрано и отведено в Бутырки»³.

В период редакторства М. Н. Каткова сложилась модель освещения «Московскими ведомостями» студенческого движения, основанная на идеологическом противостоянии с революционным и либеральным студенчеством. Новый редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут сохранил и развил охранительную линию, заложенную при Каткове. Он продолжил последовательную критику студенческого движения, развернув на страницах издания кампанию по моральному осуждению студентов, участвующих в университетских волнениях 1890-х гг. В статье о несостоявшейся панихиде на Ваганьковском кладбище (1896) Грингмут осуждал потенциальное использование траурной церемонии в качестве повода для протеста, называя

такие действия «кошунственными» и направленными на искусственное возбуждение общественного мнения. Газета в обсуждении событий студенческих беспорядков опровергала мнение об «излишней строгости начальства к молодёжи», настаивая на том, что к выходкам молодёжи нельзя относиться легкомысленно и снисходительно⁴. При этом «Московские ведомости» подвергают осуждению, молодых людей, собирающихся на сходки, и призывают присоединиться к этому осуждению всех аполитичных студентов.

Газета сохраняла неизменно негативное отношение к любым формам студенческого самоуправления, считая их «нецелесообразными и вредными» для академической среды. По мнению В. А. Грингмута, студенческие союзы, землячества и советы «нарушают мирное течение университетской жизни» и мешают осуществлению научной деятельности⁵.

В отличие от других периодических изданий, «Московские ведомости» Грингмута уделяли особое внимание социально-экономическим факторам студенческих волнений. В. А. Грингмут утверждал, что корень проблем заключается не в университетских уставах, а в «громадном числе недостаточных студентов», чья материальная необеспеченность и подверженность «нравственным соблазнам» столичной жизни делали их уязвимыми перед революционной пропагандой⁶.

Ключевым элементом программы В. А. Грингмута стала идея ограничительной образовательной политики. Грингмут настаивал на необходимости «освободить университеты от массы лишних студентов», утверждая, что переполненность

¹ Гиляровский В. А. Избранное в трёх томах. Т. II. Москва газетная: Рассказы и очерки. М.: Изд. Московский рабочий, 1961. С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 20.

⁴ Грингмут В. А. Демонстративные панихиды // Собрание статей В. А. Грингмута. 1896–1907. Вып. 1. М.: Университетская типография, 1908. С. 6–9.

⁵ Грингмут В. А. Лучше поздно, чем никогда // Собрание статей В. А. Грингмута. 1896–1907. Вып. 1. М.: Университетская типография, 1908. С. 8–9.

⁶ Грингмут В. А. Устав 1863 года и студенты // Собрание статей В. А. Грингмута. 1896–1907. Вып. 1. М.: Университетская типография, 1908. С. 29–32.

учебных заведений является причиной «всех ненормальных явлений университетской жизни», которые «делают университет очагом смут и беспорядков»¹. Редакция предлагала осуществлять приём лишь ограниченного числа «даровитых и трудолюбивых молодых людей», вследствие чего в свободной от агитации университетской жизни отпадёт сама потребность в излишних репрессиях².

Однако, согласно воспоминаниям В. И. Вернадского, влияние издания на академическую среду и общественное мнение было ограниченным. «Московские ведомости» воспринимались как «рупор официальной политики»³, а систематическая публикация материалов, направленных против профессуры и студентов, делала газету «злейшим врагом» университетского сообщества⁴. Однако для В. А. Грингмута такие обвинения являлись лишь следствием анти-академической пропаганды, которая «находила себе благоприятную почву в беспризорной толпе университетской молодёжи» и искусственным образом возбуждала «наиболее легкомысленную часть общества»⁵.

Итак, при редакторстве «Московских ведомостей» В. А. Грингмутом к концу XIX в. газета несколько не смягчила тон и сохранила принципиальную охранительную позицию катковского периода, сочетая критику студенческого движения с отрицанием университетской автономии и предложениями по ограничительной образовательной политике. В целом, стратегия издания включала в себя акцент на моральном осуждении

наиболее радикальных выступлений политизированных студентов и стремление подчеркнуть неприятие самой молодёжью революционных сходов.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что на протяжении второй половины XIX в. «Московские ведомости» последовательно проводили охранительную линию в освещении студенческого движения. Сформированная при М. Н. Каткове и продолженная В. А. Грингмутом модель трактовки университетских волнений характеризовалась несколькими устойчивыми чертами.

Во-первых, издание принципиально отрицало самостоятельный характер студенческого движения, трактуя его исключительно как результат внешнего революционного влияния. Эта позиция выражалась в систематическом моральном осуждении образа «революционера-провокатора» (от Нечаева до «политических агитаторов» 1890-х годов) и рассматривала студенчество как группу, подверженную манипуляциям.

Во-вторых, газета последовательно противопоставляла «испорченную», массу учащихся, вовлечённую в протесты, «здоровому» студенчеству, что позволяло ей позиционировать себя защитником «истинных» интересов молодёжи, но при этом противодействовала любым формам студенческой самоорганизации, которые рассматривались как потенциальные площадки для революционной пропаганды.

В-третьих, методы освещения студенческих выступлений, включая использование анонимных писем студентов, критику молодёжи и призывы к власти на подавление волнений способствовали радикализации противостояния между изданием и университетской средой. Свидетельства современников (В. А. Гиляровский, М. М. Ковалевский, В. И. Вернадский) показали, что риторика газеты

¹ Грингут В. А. Университетский вопрос // Собрание статей В. А. Грингмута. 1896–1907. Вып. 1. М.: Университетская типография, 1908. С. 265–274.

² Там же. С. 265–274.

³ Вернадский В. И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 13. В. И. Вернадский – общественный деятель и публицист. М., 2013. С. 132.

⁴ Вернадский В. И. Записка об отношении Московского университета к «Московским ведомостям» и к университетской типографии. М., 1905. С. 1–14.

⁵ Грингут В. А. Университетский вопрос // Собрание статей В. А. Грингмута. 1896–1907. Вып. 1. М.: Университетская типография, 1908. С. 284.

вместо подавления протеста стимулировала консолидацию студенческого движения, наиболее ярко проявившуюся в демонстрациях 1878 и 1884 г.

Несмотря на декларируемую заботу о студенчестве, издание фактически заняло позицию конфронтации с его значительной частью, что в конечном счёте ограничило его влияние и привело к радикализации протеста. Неоднозначное,

в основном отрицательное, восприятие издания в университетской среде отражало наличие глубоких противоречий в российском обществе, что позволяет рассматривать материалы «Московских ведомостей» как важный источник по освещению студенческого движения и «университетского вопроса» в России пореформенного периода со стороны консервативной прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рачковская Ю. К. Студенчество Петербурга и Москвы в освещении авторов либерального направления: Конец XIX – начало XX вв: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 19 с.
2. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издание). М.: Наука, 1978. 279 с.
3. Перевалова Е. В. Вопросы женского высшего образования в отечественной прессе 1860–1880-х гг. (на материале газеты «Московские ведомости») // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 136–142.
4. Плотникова И. В. Монархический и либеральный взгляд на студенческие волнения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/historyippo/article/monarhicheskiy-i-liberalnyyvyglyad-na-studenchesk-402598> (дата обращения: 31.03.2025)/
5. Чистяков С. В. Концепция нигилизма русской учащейся молодёжи в публицистике М. Н. Каткова // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 6. С. 42–56. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39165
6. Малышева О. Г., Безина Е. А. «Стрижные студентки»: проблема высшего женского образования на страницах газеты «Московские ведомости» // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 1. С. 4–58. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.04
7. Дергачева Л. Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. // Вестник Московского университета. Серия: История. 2008. № 6. С. 3–30.
8. Вахтерова О. А. Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 22 с.
9. Перевалова Е. В. С. Г. Нечаев и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» // Медиаскоп (электронный научный журнал). 2014. № 4. URL: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/1596> (дата обращения: 28.03.2025).
10. Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и Катков: публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения // Литературоведческий журнал. 2013. № 32. С. 28–43.

REFERENCES

1. Rachkovskaya, Yu. K. (1999). *Students of St. Petersburg and Moscow as Viewed by Liberal Authors: Late 19th – Early 20th Centuries: [dissertation]*. St. Petersburg (in Russ.).
2. Tvardovskaya, V. A. (1978). *Ideology of the Post-Reform Autocracy: (M. N. Katkov and his Publication)*. Moscow: Nauka (in Russ.).
3. Perevalova, E. V. (2015). Issues of Women's Higher Education in the Domestic Press of the 1860s–1880s (Based on the Newspaper "Moskovskie Vedomosti"). In: *Higher Education in Russia*, 4, 136–142 (in Russ.).
4. Plotnikova, I. V. *Monarchist and Liberal View of Student Unrest*. Available at: <https://clck.ru/3QgBv2> (accessed: 31.03.2025) (in Russ.).
5. Chistyakov, S. V. (2022). The Concept of Nihilism of Russian Student Youth in the Journalism of M. N. Katkov. In: *Historical Journal: Scientific Research*, 6, 42–56. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39165 (in Russ.).
6. Malysheva, O. G. & Bezina, E. A. (2022). "Short-haired Students": The Problem of Higher Female Education in the Pages of the Moskovskie Vedomosti Newspaper. In: *Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Historical Sciences*, 1, 4–58. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.04 (in Russ.).

7. Dergacheva, L. D. (2008). Moscow University and the "Moskovskiye Vedomosti" Newspaper in the 1880s. In: *Moscow University Bulletin. Series: History*, 6, 3–30 (in Russ.).
8. Vakhterova, O. A. (1998). *Domestic Pre-Revolutionary Historiography of the Student Movement in Russia in the Late 19th – Early 20th centuries: [dissertation]*. St. Petersburg (in Russ.).
9. Perevalova, E. V. (2014). S. G. "Nechayev and the Nechayev Affair" as Assessed by the Moskovskiye Vedomosti Newspaper." In: *Mediascope* (Electronic Scientific Journal), 4 URL: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/1596> (accessed: 28.03.2025) (in Russ.).
10. Dmitriev, A. P. (2013). N. P. Gilyarov-Platonov and Katkov: antipode publicists in a strip of mutual attraction. In: *Literary journal*, 32, 28–43 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимский Юрий Юрьевич (г. Ярославль) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;

e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru; ORCID: 0000-0003-4189-3055

Игутин Игорь Викторович (г. Москва) – аспирант кафедры истории России Государственного университета просвещения;

e-mail: igor.igutin@gmail.com; ORCID: 0009-0000-1889-5525

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yury Yu. Ierusalimskiy (Yaroslavl) – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department of Russian Medieval and Modern History, P.G. Demidov Yaroslavl State University; Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;

e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru; ORCID: 0000-0003-4189-3055

Igor V. Igutin (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian History, Federal State University of Education;

e-mail: igor.igutin@gmail.com; ORCID: 0009-0000-1889-5525

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-57-69

ВОЕННЫЕ ПОТЕРИ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЮЮЩИХ СТОРОН В ДИСКУССИЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Шульц Э. Э.

Московский государственный лингвистический университет

г. Москва, Российская Федерация

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: nuar1@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.06.2025

После доработки 29.06.2025

Принята к публикации 10.07.2025

Аннотация

Цель. Определить возможность использования критерия военных потерь в Великой Отечественной войне для определения эффективности ведения войны Красной армией и вермахтом.

Процедуры и методы. Статья посвящена определению цифр потерь Красной армии и вермахта с союзниками и оценке причин разницы в потерях сторон. Данная проблема рассматривается как с точки зрения самостоятельной научной проблемы, так и вопроса об эффективности армий и ведения боевых действий, который часто в научной и общественной мысли скатывается к сентенции «трупам закидали», как резюмирование причин победы СССР. Для исследования используется статистический анализ потерь, сравнительный метод, историко-генетический метод.

Результаты. Сделан вывод, что безвозвратные потери Красной армии составляли 8,7 или 10 млн человек, потери вермахта и союзников на Восточном фронте составили как минимум 5 млн. При этом в проблему цифр включается такой неучтённый фактор, как служба на стороне вермахта бывших солдат и офицеров Красной армии, которые отнесены к потерям советской стороны, а погибли, воюя на стороне Германии. Ещё одной «статистической проблемой» является «сверхсмертность» (в сравнении со смертностью немцев и союзников) среди советских военнослужащих в немецком плену, которая не имеет отношения к боевым действиям, а является вопросом целенаправленного уничтожения военнопленных, которая составила 1,8 млн человек. Автор приходит к выводу, что разница в потерях Красной армии и вермахта относится к преимуществу первого удара. За первые 1,5 года войны РККА потеряла 60% и более (убитыми, умершими после ранений, пропавшими без вести и попавшими в плен) советских вооружённых сил за всю войну. Разница в потерях советских вооружённых сил и немецких с союзниками составляет: 1) 3,6–5 млн военнослужащих в цифрах, которые подтверждаются существующими данными; 2) 2–3 млн – в системе координат одинаковой смертности среди военнопленных; 3) 1–2 млн – с предположением потерь, не учтённых среди немецких (и союзников), но прибавляемых советским вооружённым силам. Переводя на язык «эффективности военных действий», руководства и армии, немецкая сторона «воевала лучше» на разницу 1–5 млн военнослужащих. Так можно было бы рассуждать, если бы дело

шло об экономических и финансовых показателях, но вряд ли приемлемо к вопросам войны. Например, если бы КА начала мстить на оккупированной территории, расстреливая всех представителей вооружённых формирований, то соотношение цифр потерь поменялось бы местами, но это не означало бы изменение военной эффективности Красной армии. Потери сторон показывают, что вермахт был сильнее Красной армии в июле-ноябре 1941 г., однако в декабре 1941 г. эта армия была разбита под Москвой.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования могут использоваться для продолжения изучения периода Второй мировой войны. Материалы исследования и выводы могут использоваться в преподавании курса Истории России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, потери в войне, войны памяти, Вторая мировая война

Для цитирования:

Шульц Э. Э. Военные потери как критерий эффективности воюющих сторон в дискуссиях о Великой отечественной войне // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 57–69.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-57-69

Original research article

MILITARY LOSSES AS A CRITERION FOR THE EFFECTIVENESS OF WARRING PARTIES IN DISCUSSIONS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. Shults

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russian Federation

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

e-mail: nuap1@yandex.ru

Received 14.06.2025

Revised 29.06.2025

Accepted 10.07.2025

Abstract

Aim. Determine the possibility of using the criterion of military losses in the Great Patriotic War to determine the effectiveness of warfare by the Red Army and the Wehrmacht.

Methodology. The article is devoted to determining the numbers of losses of the Red Army and the Wehrmacht with the allies and assessing the reasons for the difference in losses of the parties. This problem is considered both from the point of view of an independent scientific problem, and the question of the effectiveness of armies and warfare, which often in scientific and public thought slips into the maxim "they threw corpses", as a summary of the reasons for the victory of the USSR. For the study, a statistical analysis of losses, a comparative method, and a historical genetic method are used.

Results. The author concludes that the irretrievable losses of the Red Army amounted to 8.7 million or 10 million people, the losses of the Wehrmacht and allies on the Eastern Front amounted to at least 5 million. At the same time, the problem of numbers includes such an unaccounted factor as service on the side of the Wehrmacht of former soldiers and officers of the Red Army, who are attributed to the losses of the Soviet side, and died fighting on the side of Germany. Another "statisti-

cal problem" is "super-mortality" (in comparison with the mortality of Germans and allies) among Soviet servicemen in German captivity, which is not related to hostilities, but is a matter of targeted destruction of prisoners of war, which amounted to 1.8 million people. The author concludes that the difference in losses between the Red Army and the Wehrmacht refers to the advantage of the first strike. During the first year and a half of the war, the Red Army lost 60% or more (killed, died after injuries, missing and captured) of the Soviet armed forces throughout the war. The difference in losses of the Soviet armed forces and German with the Allies is: 1) 3.6–5 million troops in numbers that are confirmed by existing data; 2) 2–3 million – in the coordinate system of the same mortality rate among prisoners of war; 3) 1–2 million – with the assumption of losses not taken into account among the German (and allies), but added to the Soviet armed forces. Translating into the language of "effectiveness of military operations", leadership and army, the German side "fought better" by the difference of 1–5 million troops. This could be argued if it was a matter of economic and financial indicators, but it is hardly acceptable to issues of war. For example, if the spacecraft began to take revenge in the occupied territory, shooting all representatives of armed formations, the ratio of loss figures would change places, but this would not mean a change in the military effectiveness of the Red Army. The losses of the parties show that the Wehrmacht was stronger than the Red Army in July–November 1941, but in December 1941 this army was defeated near Moscow.

Research implications. The conclusions of the study can be used to continue research on the history of the USSR during the Second World War. Research materials and conclusions can be used in teaching the course of Russian History.

Keywords: Great Patriotic War, war losses, memory wars, World War II

For citation:

Shults, E. E. (2025). Military losses as a criterion for the effectiveness of warring parties in discussions about The Great Patriotic War. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 57–69.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-57-69

Введение

Проблема потерь сторон – СССР и Третьего рейха с его союзниками – в Великой Отечественной войне имеет свою собственную научную ценность, а также с точки зрения постоянных отсылок в науке и общественной мысли к проблеме «эффективности» Красной армии и вермахта и сентенции «трупам закидали», как резюмирование причин победы СССР, которая становится ключевой в т. н. «войнах памяти» [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Рассмотрим данную проблему с точки зрения определения цифр потерь и оценке причин разницы в потерях сторон.

Военные людские потери Красной армии

Специальная комиссия Министерства обороны СССР по выявлению и уточнению данных о потерях в 1941–1945 гг. в

1990 г. пришла к выводу, что Вооружённые силы СССР в годы Великой Отечественной войны (включая кампанию против Японии на Дальнем Востоке в 1945 г.) понесли безвозвратные потери в количестве 8 668 400 чел. [7, с. 234; 8, с. 14]. Эта цифра – 8 668 400 военнослужащих списочного состава стала официальной и закрепились в историографии [9, с. 76; 10, с. 227].

Существуют баснословные подсчёты потерь Вооружённых сил СССР в войне. Так, Б. В. Соколов вначале заявлял о 14,7 млн чел. [11, с. 11–15], а затем повысил эти цифры до 26,4 млн [12, с. 340; 13, с. 208, 225, 230, 231, 257, 310]. В. Г. Первышин дал цифру 17 841 700 военнослужащих [14, с. 367–370, 343–344] (особенно впечатляет точность до сотен при таком состоянии источниковой базы). Эти подсчёты строятся на неверной методике и

ошибочных данных, как при подсчётах от общего количества потерь населения по переписям, так и с точки зрения расчётов от количества призванных в ряды РККА.

Часто разница в разлёте цифр исследователей кроется в понятиях общие потери и безвозвратные потери. В период войны общие потери включают всех выбывших из строя (раненных и указанные далее категории), безвозвратные потери для армии составляют убитые, пропавшие без вести и попавшие в плен. В безвозвратные потери со временем попадают скончавшиеся от ран, но выбывает из неё часть пропавших без вести. По окончании войны из безвозвратных потерь исключаются возвратившиеся пленные. Часто в литературе данные по этим категориям смешиваются.

Из серьёзных исследований по пересмотру официальных цифр следует указать работы В. Н. Земскова, который считывал сумму потерь военнослужащих в 11,5 млн [15; 16].

Одной из проблем в подведении итогов потерь вооружённых сил СССР является установление количества советских военнопленных и погибших в плену. В литературе и поныне, спустя более полвека после окончания войны, встречаются разные оценки численности советских военнопленных – от 4,0 до 6,3 млн чел.

Группа авторов во главе с Г. Ф. Кривошеевым в масштабном исследовании, изданном в 1993 г., выводила общее количество советских военнопленных как 4 059 000 чел. [17, с. 338]. Затем эта цифра была скорректирована до 4 559 000 военнопленных [9, с. 80].

Численность советских военнопленных по немецким архивным источникам в англоязычной и немецкой историографии была установлена ещё в конце 1950-х гг.: с начала войны до 1 февраля 1945 г. в немецкий плен попало более 5,7 млн (5 754 тыс. чел.) [18, р. 440]. Эта цифра складывалась из 3,35 млн попавших в плен в 1941 г. и 2,4 млн – с 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г.

Из статуса военнопленных Г. Ф. Кривошеев и авторы сводного труда выводят от 0,5 до 1 млн, не числившихся в штабах воинских частей [10, с. 500; 17, с. 140, 338–339; 19, с. 143]. Разница заключается в трактовке понятия «военнопленный», в который немецкая статистика включала, в т. ч. личный состав незавершённых формирований народного ополчения, отрядов самообороны городов и местной противовоздушной обороны, истребительных отрядов, милиции, больных и раненых военнослужащих, которые в донесениях советских воинских частей были учтены как санитарные потери. Эти категории не вошли в число военнопленных полностью в статистике «Гриф секретности снят» [19, с. 143] и частично – в «Россия и СССР в войнах XX века».

В современных исследованиях целая группа авторов берёт за основу «немецкие расчёты» в 5 754 тыс. советских военнопленных, но считает, что данные цифры требуют уточнения, т. к. в них упускается примерно 0,45 млн чел. Разница проявляется на 1941 г., где в немецкой статистике числилось 3,9 млн советских военнопленных, а затем из неё «исчезли» 450 тыс.¹ [19, с. 143; 20, с. 234; 21; 22, с. 99]. Таким образом, общая сумма советских военнопленных (суммарно по немецкому, финскому и румынскому плену) высчитывается как 6,3 млн чел., 3,9 млн из которых погибли, 2,4 млн остались в живых [19, с. 144; 20, с. 24, 26, 28].

Попробуем теперь разобраться в подсчётах цифр общих безвозвратных потерь вооружённых сил СССР.

На 22 июня 1941 г. общая численность РККА и Военно-морского флота составляла 4 826 907 чел. К этому необходимо

¹ Эта разница «набегает» между немецкими данными донесений воинских частей и лагерной статистикой – т. е. в 1941 г. 450 тыс. пленных погибли после момента пленения до поступления в лагеря. Эта цифра в 3,9 млн подтверждается в справке канцелярии рейхсминистра оккупированных восточных территорий А. Розенберга на имя рейхсмаршала Г. Геринга от 1 февраля 1942 г. и в сводке донесений немецких штабов.

добавить 74 945 военнослужащих других ведомств, что даёт общую численность – 4 901 852 чел. [9, с. 74; 19, с. 25–26].

В ходе войны, начиная с 22 июня 1941 г. в армию и на флот было призвано 31 812 200 чел., однако 2 237 300 из них (в силу различных обстоятельств) были призваны повторно. Таким образом, реально количество призванных составляет 29 574 900 чел. Сумма этих двух цифр (количественный состав действующей армии на 22 июня + количество призванных за годы войны) – 34 476 752 чел. По состоянию на конец мая 1945 г. КА насчитывала 12 839 800 чел. [9, с. 74; 19, с. 25–26]. Разница составляет 21 636 952 чел. Отсюда берутся утверждения об общем количестве погибших военнослужащих СССР в 20 млн и более.

Однако эта цифра не учитывает большое количество данных об убыли из списочного состава КА, которые не относятся к категории «погибших» (погибшие, умершие от ран, болезней, несчастных случаев, пропавшие без вести).

В ходе войны из армии и флота были уволены по ранению и болезни – 3 798 200 чел.; направлено в органы и войска НКВД и др. формирований – 1 174 600 чел.; перешли на службу в польские, чехословацкие и румынские соединения – 250 400 чел.; передано для работы в промышленность – 3 614 600 чел.; осуждено и направлено в места заключения – 436 600 чел.; отчислено из армии «по неблагонадёжности» – 206 000 чел.; разысканные дезертиры, пропавшие без вести во внутренних округах составили 212 400 чел. [9, с. 74–76; 19, с. 26–27]. Общая сумма этих статей составляет 9 692 800 чел.

Разница между графой «общая убыль» (разница между армией на 22 июня и количеством мобилизованных с количественным составом армии на июнь 1945 г.) (21,6369 млн) и указанными статьями списочной убыли (9,6928 млн) составляет 11 944 100. Собственно, эта цифра и берётся в современных исследо-

ваниях в качестве показателя безвозвратных военных потерь СССР¹.

Напомним, что безвозвратные потери включают погибших, умерших от ран, болезней, несчастных случаев, пропавших без вести и попавших в плен. По итогам войны все найденные пропавшие без вести считаются погибшими, т. е. у нас в этой цифре две составляющие – погибшие и пленные. По окончании войны вернулось из плена – 1 836 000 чел. [9, с. 76]. Т. е. в погибших остаётся 10 108 100 военнослужащих.

Из этого списка Г. Ф. Кривошеев и целый ряд авторов предлагают вычесть 939,7 тыс. чел. – ранее попавшие в окружение и проходившие по документам как о пропавших без вести, но при освобождении территорий Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики вторично призванные [9, с. 76; 10, с. 227]. Логика данного действия не совсем ясна. Эти призванные уже отражаются во всех рассмотренных цифрах, если только не являются дополнительными к уже учтённым «повторно призванным» (однако на это нет никаких указаний ни у авторов исследования, ни у исследователей, опирающихся на эти расчёты). Если принять эти расчёты, то итоговые безвозвратные потери вооружённых сил СССР составляют 9 168 400 чел., из которых 8 668 400 военнослужащих списочного состава² и 0,5 млн военнообязанных, которые были призваны в первые дни войны, но не добрались до частей (пропали без вести по пути следования и не участвовали в боевых действиях) [9, с. 76; 10, с. 227]. Наши расчёты дают 10 млн военнослужащих. Проверка этих расчётов по другому источнику – «книги военкоматов по учёту поступивших извещений на погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих» показывает их недостаточную точность [9, с. 76; 19, с. 27].

¹ 500 тыс. чел. военнообязанных, не дошедших до частей и не попавших в списки [1, с. 74–76]).

² Пограничные войска потеряли 61 400 чел., Внутренние войска – 97 700 чел. [1, с. 76].

Итак, мы получаем общее количество безвозвратных потерь от 8,7 до 10 млн военнослужащих вооружённых сил СССР. Перейдём к потерям немецкой стороны.

Военные людские потери вермахта

Потери немецкой армии погибшими в историографии Германии назывались в размере 3 млн в первое десятилетие после войны [23, с. 597; 24, р. 396], затем цифра выросла в официальной статистике до 4 440 000 [25, р. 78]. Современные немецкие исследования дают безвозвратные потери военнослужащих Германии в 5 318 000 (включая 900 тыс. призванных из-за пределов границ Германии 1937 г.) [26, р. 228–232].

Советская наука установила в 1990 г. цифру безвозвратных потерь нацистской Германии в 5,5 млн чел. [7, с. 234; 8, с. 16].

Проблема немецкой статистики заключается в том, что она велась по потерям военнослужащих только до 1 января 1945 г. Статистика до 31 января 1945 г. даёт 8 333 978 убитых, раненных и пропавших без вести. Из этой цифры производится расчёт погибших: 1) убитые по данной статистике плюс умершие в госпиталях и в плену или 2) от данной суммы минусуется количество вернувшихся из госпиталей и плена. Откуда и появляется цифра между 3 и 4 млн погибших, в зависимости от подсчётов, и точно больше 4 млн на середину мая 1945 г. [10, с. 534; 26, р. 231; 27, с. 208].

Эти статистические данные несут в себе несколько «родовых проблем».

Во-первых, в этих цифрах нет марта, апреля и начала мая 1945 г. – времени больших потерь для вермахта (возможно, наибольших). В связи с отсутствием статистических данных, оценка проводилась ориентировочно, а расчётные данные немецкого командования дают с 1 января по 30 апреля 1945 г. потери в 2 072 тыс. чел., из которых 1 277 тыс. безвозвратные [10, с. 535]. Исследователи обращали внимание на приблизительность этих данных, так как за основу расчётов брались

среднемесячные потери за три месяца 1944 г., а весной 1945 г. они должны были быть выше, и на невключённость в них потерь 1–11 мая 1945 г. [10, с. 535].

Российская историография считает, что безвозвратные потери вермахта и союзников Германии превышают 8 млн чел. (6,5 млн и 1,5 млн, соответственно) [10, с. 545; 28, с. 109; 29, с. 86–87]. Для получения цифры погибших отсюда необходимо вычитать 2,6 млн для немцев и 0,66 млн для их союзников вернувшихся из советского плена после войны. Т. е. количество погибших немецких военнослужащих будет 3,9–4 млн, а союзников Германии – чуть больше 0,8 млн.

Подсчёты коллектива во главе с Г. Ф. Кривошеевым, исходя из численности немецкой армии на 1 марта 1939 г. и 9 мая 1945 г., с учётом уволенных по ранению и болезни (2 463 тыс.), демобилизованных и отправленных в промышленность (2 млн чел.), общие безвозвратные потери составили 11 млн 844 тыс. чел. Погибшими из них являются 4 457 тыс.: среди них 3 600 тыс. немцев, 270 тыс. – австрийцев, 230 тыс. – судетских немцев и эльзасцев, 347 тыс. – граждан других государств и «фольксдойче» [10, с. 539].

Исследователи отмечают, что данные статистики не учитывают (и данные по ним отсутствуют) потери охранных подразделений, военно-полевой полиции, СД и гестапо, не входивших в войска СС, военной администрации на оккупированных территориях (численность около 600 тыс. чел.) [10, с. 540]. На советской стороне эти функции выполнялись людьми в форме, потери среди которых учтены в статистике. Потери военизированных формирований «Фольксштурм» отнесены немецкой статистикой (а вслед за ней и многими исследователями) к потерям гражданского населения Германии [10, с. 541], а это около 6 млн членов организации с неизвестным количеством боевых потерь. При этом потери ополчен-

цев в СССР и большей части партизан¹ отнесены к потерям армии. В подсчётах немецких потерь Р. Оверманса² эта проблема решается (если и не полностью, то значительно).

Таким образом, за основу можно взять цифры, выводимые Р. Овермансом и Г. Ф. Кривошеевым, в размере 5,3–5,5 млн потерь немецких вооружённых сил. Подсчёты Оверманса и группы Г. Ф. Кривошеева (хотя, возможно, не полностью) решается проблема, в границах Германии какого года представляются потери. Такой подсчёт частично снимает претензии к цифрам потерь с точки зрения того, что они не учитывали потери представителей других государств, находившихся на службе в армии Германии: граждан Франции, Нидерландов, Дании, Норвегии, Хорватии и других, – но остаются вопросы по учёту граждан СССР, воевавших на стороне Германии.

Служившие в войсках Германии и Румынии советские граждане с территорий Прибалтики и Молдавии не учитываются в потери этих стран, т. е. «уходят» в демографические потери СССР.

Не учтены (учтены лишь частично) служившие в т. н. «восточных легионах» (нем. *Ostlegionen, Ostgruppen*) – добровольческих соединениях, сформированных из числа военнопленных, призывников и добровольцев с оккупированных территорий СССР, а также военнослужащие «Русской освободительной армии» («власовцы»). В сумме эти подразделения могли составлять до полумиллиона человек³. Численность ОУН-УПА (т. н. «Укра-

инская повстанческая армия») составляла от 150 до 500 тыс. чел. [31].

Неизвестное количество советских военнопленных и гражданских лиц служили в категории *Hilfwilliger* («добровольные помощники») обслуживающим персоналом, объём которого в пехотной дивизии в среднем мог составлять до 10%, а в транспортных колоннах до 50% численного состава, потери которых воинской частью не учитывались [10, с. 540]. В КА такие функции выполнялись в большинстве своём военнослужащими, чьи потери шли в статистику потерь армии.

По различным подсчётам в т. н. «восточных легионах» и добровольческих формированиях, войсках СС и полиции за период с 1941 по 1945 г. прошло службу до 1,5 млн чел. [31; 32, с. 399, 751; 33, с. 150]. Причём главным источником пополнения являлись бывшие советские военнослужащие [32, с. 449].

Таким образом, суммируя погибших немецких вооружённых сил (5,3–5,5 млн) и союзников Германии (900 тыс.) получаем общие потери погибшими военнослужащими 6,2–6,4 млн за 1941–1945 гг. При этом в проблему цифр включается такой неучтённый фактор, как служба на стороне вермахта бывших солдат и офицеров КА, которые отнесены к потерям РККА, а погибли, воюя на стороне Германии.

На восточном фронте воевало 70% военнослужащих, а соотношение разгромленных частей на восточном и западном театре военных действий – 10 к 1 [10, с. 455; 30, с. 397]. По соотношению убитых, раненых, пленных и пропавших без вести советско-германского фронта и других театров военных действий составляет 80% к 20% [10, с. 635; 27, с. 210]. Т. е. 80% потерь вполне логично относить к «восточному фронту».

Таким образом, из 6,2–6,4 млн погибших, как минимум 5 млн должны

чел. [36, с. 540]. Эти части несли потери и пополнялись, так что сумма в полмиллиона не представляется завышенной.

¹ В 1943 г. законодательно партизаны были приравнены к военнослужащим, а командно-политическому составу партизанских сил стали присваиваться офицерские звания.

² Источником выборки для немецкого историка Рюдигера Оверманса («Немецкие военные потери во Второй мировой войне») стала картотека немецкой службы по оповещению близких родственников павших, однако данный источник не даёт полную картину, т. к. тоже зависит от проблемы географических границ Германии 1937–1945 гг.

³ «Восточные легионы» в 1943 г. составляли от 220 до 320 тыс. [27, с. 390]; в РОА речь идёт о 160–180 тыс.

относиться к восточному фронту (4,96–5,12 млн).

Результаты подсчётов дают превышение потерь советской стороны (8,7–10 млн) над немецкой с союзниками (5–5,1 млн) – на 3,65 млн военнослужащих.

Цифры потерь рассматриваются часто не только в общественной мысли, но и среди исследователей, как показатель эффективности армий и ведения войны. Для того чтобы в данном контексте сравнивать сопоставимые цифры, необходимо, как представляется, привести их в «одну систему координат».

Исследователи уже поднимали вопрос, что в случае равноценных потерь среди пленных, общие потери КА и вермахта были бы примерно одинаковыми [34, с. 14]. Посмотрим на эти данные. Процент умерших в плену германских вооружённых сил составляет 14%, а союзников – 18% от общего количества пленных¹. Для советских военнопленных доля умерших в плену составляет более 60%². В случае даже смертности выше, чем у немцев и союзников в плену, но сопоставимых, например: 20%, число погибших советских военнослужащих уменьшилось бы минимум на 1,8 млн. чел. Таким образом, потери погибшими советскими вооружёнными силами составили бы 7–8 млн (в зависимости от финальных расчётов потерь в 8,7 млн или 10 млн чел.)³.

Так как эти цифры в 1,8 млн «сверхсмертности» среди советских военнослужащих в немецком плену не имеют отношения к боевым действиям, а являются вопросом целенаправленного уничтоже-

ния военнопленных, то с т. зр. оценки эффективности ведения войны различными сторонами было бы логичным сравнивать именно в состоянии одинаковых потерь среди военнопленных.

Итак, с одной стороны 5 млн военных, с другой – 7–8 млн.

Недостающие данные по немецким потерям могли бы серьёзно сократить разницу в этих цифрах и определяющее значение здесь имеют цифры погибших среди воевавших на стороне Германии граждан СССР, которые зачисляются в потери СССР, а не Германии (и Румынии), так как эти цифры не учтены для немецкой стороны (с союзниками), но ещё важнее – погибшие на стороне Германии бывшие советские военнослужащие в статистике дают «удвоенный эффект»: они не зачислены в немецкие потери и зачислены в советские потери (так как были призваны в Советские вооружённые силы и, таким образом, учтены в подсчётах потерь): т. е. цифра советских потерь уменьшается, немецких (с союзниками) увеличивается, а разнится в потерях уменьшается в 2 раза. Например, если потери бывших советских военнослужащих на немецкой стороне принять за 0,5 млн, то разница уменьшится на 1 млн (минус 0,5 млн из советских потерь, плюс 0,5 млн в немецкие потери). С учётом количества коллаборационистов, а также других «недосчётов» цифр потерь немецкой стороны, сокращение разницы в рассматриваемых потерях на 1 млн не представляется завышением. Таким образом, высчитываемая теоретически разница в потерях погибшими в боях, умерших после ранений и в плену (при расчёте смертности советских военнопленных на уровне 20% в отношении 14% и 18% потерь немецких и союзнических) между советской и немецкой стороной составляет 1–2 млн.

Заключение

Итак, разница между потерями советских вооружённых сил и немецких с союзниками составляет:

¹ Подсчитано на основании данных: [36, с. 542].

² Подсчитано по разным цифрам военнопленных на основании данных: [1, с. 80; 23, с. 144; 5, с. 24, 26, 28].

³ Разница цифр В. Н. Земскова в основном строится на большем количестве советских военнопленных, умерших в плену, так что, взяв цифры исследователя в 11,5 млн, из неё были вычтены эти погибшие в плену как превышающие уровень погибших немецких военнопленных в советском плену, так что цифра всё равно стремилась бы к стартовому 10 млн.

- 3,6–5 млн военнослужащих в цифрах, которые подтверждаются существующими данными;
- 2–3 млн – в системе координат одинаковой смертности среди военнопленных;
- 1–2 млн – с предположением потерь, неучтённых среди немецких (и союзников), но прибавляемых советским вооружённым силам.

Переводя на язык «эффективности военных действий», руководства и армии, немецкая сторона «воевала лучше» на разницу 1–5 млн военнослужащих. Так можно было бы рассуждать, если бы дело шло об экономических и финансовых показателях, но вряд ли приемлемо к вопросам войны. Например, если бы КА начала мстить на оккупированной территории, расстреливая всех представителей вооружённых формирований, то соотношение цифр потерь поменялось бы местами, но означало бы это изменение военной эффективности Красной армии? Нет, конечно.

При этом эти цифры разницы в 1–5 млн дают возможность порассуждать об уровне противостоящих сторон.

Итак, если сравнивать количество безвозвратных потерь вооружённых сил СССР – от 8,7 до 10 млн военнослужащих – и безвозвратные потери немецкой стороны (Германия плюс союзники), то разница составляет 2,6–4 млн.

Если обратиться к цифрам потерь по годам, то потери КА за первое полугодие войны (убитые, умершие после ранений, пропавшие без вести и попавшие в плен) составили более 3,3 млн чел. [10, с. 236] – собственно, та разница, которая и остаётся в финальных цифрах потерь советских и германских вооружённых сил. Эту разницу можно отнести к преимуществу первого удара. Это преимущество всегда существовало в истории войн, а во Второй мировой войне было доведено вермахтом до решающего значения (что сказалось в Польше и Франции и на первом этапе войны в СССР). Учитывая, что

после капитуляции немецкая армия (как и союзнические) не уничтожались, уничтоженные атакующей стороной не были компенсированы при её поражении.

Рассуждения о том, что обороняющаяся сторона должна была потерять в 5 раз меньше атакующей [34, с. 16] – это заблуждения из Первой мировой, принципы Второй мировой на европейском театре военных действий были существенно иными. Кроме польской и французской кампаний вермахта, обращает на себя внимание ключевая битва в Северной Африке – битва при Эль-Аламейне, 23 октября – 5 ноября 1942 г., где атаковавшие, но проигравшие германо-итальянские войска Роммеля, понесли людские потери сопоставимые с союзническими войсками.

Эффект этого первого удара сказался и на 1942 г., когда РККА пришлось во многом отстраиваться заново, потеряв в 1941 г. боеспособные подготовленные части и технику – КА потеряла 3,26 млн [10, с. 236]. Таким образом, за первые полтора года войны РККА потеряла 60% и более (убитыми, умершими после ранений, пропавшими без вести и попавшими в плен) советских вооружённых сил за всю войну (в зависимости от конечной цифры таких потерь)¹. С точки зрения потерь подтверждается и тезис о коренном переломе в войне в 1943 г., когда потери КА резко снизились.

Планы немецкого командования не учли мобилизационные возможности СССР. План блицкрига сработал с точки зрения нанесения серьёзных потерь вооружённым силам (и экономике) СССР, но не дал победы в войне.

Был ли вермахт сильнее КА в июле–ноябре 1941 г. Ответ очевиден – да. Он был сильнее подготовленностью армии, воюющей уже 2 года, и слаженностью её подразделений и родов войск. Однако в декабре 1941 г. эта армия была разбита под Москвой, и только невероятными

¹ Расчёт по данным: [36, с. 236].

усилиями группа армий Центр была сохранена. В 1942 г. вермахт снова оказывался сильнее за счёт тех же факторов, но зимой 1942–1943 гг. снова получил разгром, уже под Сталинградом. 1943 г.

стал годом условного равенства сил, где победа на Курской дуге ознаменовала коренной перелом в войне, когда в дальнейшем КА начала превосходить своего противника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве / В. Э. Багдасарян, В. В. Журавлёв, А. Э. Ларионов и др. М.: Проспект, 2022. 304 с.
2. Информационные факторы формирования исторического сознания молодёжи (на примере изучения представлений о Великой Отечественной войне) / В. Э. Багдасарян, А. Э. Ларионов, С. И. Реснянский и др. // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 34–49. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202208Statyi17
3. Шульц Э.Э. 22 июня 1941 г.: силы противостоящих сторон // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 40–50. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-40-50
4. Шульц Э. Э. Великая Отечественная война в контексте важности исторических событий для современного российского общества // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 4. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41
5. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: Сталин, глобус и винтовки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 20–29. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-20-29
6. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia / A. Lari-onov, V. Bagdasaryan, S. Fedorchenko, E. Shults // Linguistics and Culture Review. 2021. № 5. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830
7. Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.
8. Моисеев М. А. Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14–16.
9. Кривошеев Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь Вооружённых сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны: сб. / под ред. Н. А. Араловец и др. СПб: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 71–81.
10. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. 624 с.
11. Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М.: Московский рабочий, 1991. 191 с.
12. Соколов Б. В. Вторая мировая: факты и версии. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 431 с.
13. Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998. 348 с.
14. Первышин В. Г. Сталин и Великая Отечественная война. М.: Компания Спутник+, 2004. 424 с.
15. Земсков В. Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (В поисках истины) // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59–71.
16. Земсков В. Н. Остаётся ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941–1945 гг.? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 115–127.
17. Гриф секретности снят: потери вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистические исследования / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
18. Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie uber Besatzungspolitik. Dusseldorf, 1958. 727 p.
19. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
20. Война и общество. 1941–1945. Книга 2 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. 410 с.
21. Земсков В. Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22–32.

22. Штрайт К. Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах / пер. с нем. М.: Прогресс, 1979. 111 с.
23. Арнтц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы победённых: сб. / под ред. И. Н. Соболева. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1957. С. 593–604.
24. Jacobsen H. A. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft, 1959. 492 p.
25. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 1960. Statistisches Bundesamt. Stuttgart-Mainz: W. Kohlhammer Verlag, 1961. 809 p.
26. Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München: R. Oldenbourg Verlag, 2000. 381 p.
27. Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. 558 с.
28. Гуркин В. В. О людских потерях вермахта на советско-германском фронте и во Второй мировой войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны: сб. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 105–110.
29. Михалев С. Н. Великая Отечественная: демографические и военно-оперативные потери // Людские потери СССР в период второй мировой войны: сб. / под ред. Н. А. Араловец и др. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 82–96.
30. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / пер. с нем. М.: ЭКСМО, Изографус, 2002. 800 с.
31. Кирсанов Н. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.
32. Дробязко С. И., Романько О. В., Семёнов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ, 2011. 844 с.
33. Аакен, фон В. «Ведьмин котёл» на Восточном фронте. Решающие сражения Второй мировой войны. 1941–1945 / пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2010. 220 с.
34. Гареев М. А. Факторы, определившие военные потери в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 13–17.

REFERENCES

1. Baghdasaryan, V. E., Zhuravlev, V. V., Larionov, A. E., et al. (2022). *Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, wars of memory and images of the future in the post-Soviet space*. Moscow: Prospect Publ. (in Russ.).
2. Baghdasaryan, V. E., Larionov, A. E., Resnyansky, S. I., et al. (2022). Informational factors of the formation of the historical consciousness of young people (on the example of studying ideas about the Great Patriotic War). In: *Questions of history*, 8-1, 34–49. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi17 (in Russ.).
3. Schulz, E. E. (2025). June 22, 1941: forces of the opposing sides. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 40–50. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-40-50 (in Russ.).
4. Schulz, E. E. (2023). The Great Patriotic War in the context of the importance of historical events for modern Russian society. In: *Science. Society. Defense*, 11-4. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41 (in Russ.).
5. Schulz, E. E. (2022). Stereotypical images of the Great Patriotic War: Stalin, the globe and rifles. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 1, 20–29. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-20-29 (in Russ.).
6. Larionov, A., Bagdasaryan, V., Fedorchenko, S. & Shults, E. (2021). Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia. In: *Linguistics and Culture Review*, 5. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830
7. Kropachev, S. A. & Krinko, E. F. (2012). *Losses of the population of the USSR in 1937–1945: scales and forms. Domestic historiography*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
8. Moiseev, M. A. (1990). Price of Victory. In: *Military History Journal*, 3, 14–16 (in Russ.).
9. Krivosheev, G. F. (1995). On the results of statistical studies of the losses of the Armed Forces of the

- USSR in the Great Patriotic War. In: Aralovets, N. A., ed., et al. *Human losses of the USSR during the Second World War*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS Publ., 71–81 (in Russ.).
10. Krivosheev, G. F., Andronikov, V. M., Burikov, P. D., et al. (2010). *Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Loss Book*. Moscow: Veche Publ. (in Russ.).
 11. Sokolov, B. V. (1991). *The price of victory. Great Patriotic War: unknown about the famous*. Moscow: Moscow worker Publ. (in Russ.).
 12. Sokolov, B. V. (2005). *World War II: facts and versions*. Moscow: AST-Press Book Publ. (in Russ.).
 13. Sokolov, B. V. (1998). *Truth about the Great Patriotic War*. St. Petersburg: Aletheya Publ. (in Russ.).
 14. Pervyshin, V. G. (2004). *Stalin and the Great Patriotic War*. M.: Sputnik+ Company Publ. (in Russ.).
 15. Zemskov, V. N. (2012). On the scale of human losses of the USSR in the Great Patriotic War (In Search of Truth). In: *Military Historical Archive*, 9, 59–71 (in Russ.).
 16. Zemskov, V. N. (2015). Does the question of the scale of human losses of the USSR in 1941–1945 remain controversial? In: *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 17-3, 115–127 (in Russ.).
 17. Krivosheev, G. F., Andronikov, V. M., Burikov, P. D. & Gurkin, V. V. (1993). The secrecy stamp was removed: losses of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts. Statistical studies. Moscow: Military Publishing (in Russ.).
 18. Dallin, A. (1958). *Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie über Besatzungspolitik*. Düsseldorf.
 19. Polyakov, Yu. A., ed. (2001). *The population of Russia in the XX century: Historical essays. Vol. 2. 1940–1959*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
 20. Sevostyanov, G. N., ed. (2004). *War and society. 1941–1945. Book 2*. Moscow: Science Publ. (in Russ.).
 21. Zemskov, B. H. (2011). "Statistical labyrinth." The total number of Soviet prisoners of war and the scale of their mortality. In: *Russian history*, 3, 22–32 (in Russ.).
 22. Streit, K. (1979). Soldiers do not count them: Wehrmacht and Soviet prisoners of war in 1941–1945. Moscow: Progress Publ. (in Russ.).
 23. Arntz, G. (1957). Human losses in World War II. In: Sobolev, I. N., ed. *Results of World War II. Conclusions of the defeated*. Moscow, Foreign Literature Publ., 593–604. (in Russ.).
 24. Jacobsen, H. A. (1959). 1939–1945. *Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*. Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft.
 25. (1961). *Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 1960*. Statistisches Bundesamt. Stuttgart-Mainz: W. Kohlhammer Verlag.
 26. Overmans, R. (2000). *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg*. München: R. Oldenbourg Verlag.
 27. Uralnis, B. Ts. (1994). History of military losses. St. Petersburg: Polygon Publ. (in Russ.).
 28. Gurkin, V. V. (1995). On the human losses of the Wehrmacht on the Soviet-German front and in World War II. In: Aralovets, N. A., et al., eds. *Human losses of the USSR during the World War II*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS, 105–110 (in Russ.).
 29. Mikhalev, S. N. (1995). The Great Patriotic War: demographic and military-operational losses. In: Aralovets, N. A., et al., eds. *Human losses of the USSR during the World War II*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS, 82–96 (in Russ.).
 30. Müller-Gillebrand, B. (2002). *Deutsche Landarmee 1933–1945*. Moscow: EKSMO, Isografus Publ. (in Russ.).
 31. Kirsanov, N. A. & Drobyazko, S. I. (2001). The Great Patriotic War of 1941–1945: national and volunteer formations on opposite sides of the front. In: *Patriotic history*, 6, 60–75 (in Russ.).
 32. Drobyazko, S. I., Romanko, O. V. & Semenov, K. K. (2011). *Foreign formations of the Third Reich*. Moscow: AST Publ. (in Russ.).
 33. Müller-Gillebrand, B. (2010). *Deutsche Landarmee 1933–1945*. Moscow: Centerpolygraph Publ. (in Russ.).
 34. Gareev, M. A. (1995). Factors that determined military losses in the Great Patriotic War. In: *Human losses of the USSR during the Second World War*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS, 13–17 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: nuap1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9067-6228

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults (Moscow) – PhD (History), Assoc. Prof., Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University; Assoc. Prof., Department of Russian history, Federal State University of Education;
e-mail: nuap1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9067-6228

Научная статья

УДК 94(470)19

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-70-80

ТЕМА ТОВАРНОГО ДЕФИЦИТА В ПИСЬМАХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

Колокольчикова Р. С.

Военный университет радиоэлектроники

г. Череповец, Российская Федерация

e-mail: retinovka@mail.ru

Поступила в редакцию 02.10.2025

После доработки 18.10.2025

Принята к публикации 26.10.2025

Аннотация

Цель. Цель представленной статьи – на основе письменных обращений советских граждан в газету «Правда» с жалобами на товарный дефицит в СССР в первой половине 1980-х гг., выявить наименование основной группы дефицитных товаров, причины и последствия товарного дефицита, проверив достоверность информации в письмах делопроизводственной документацией ЦК КПСС.

Процедура и методы. В статье рассматривается комплекс неопубликованных исторических источников по теме исследования. Помимо общенаучных методов, в статье использовались компаративный, историко-генетический и др. методы.

Результаты. В ходе исследования были выявлены основные группы дефицитных товаров, причины товарного дефицита и усилия партийно-государственных структур, общественности по борьбе с товарным дефицитом и его последствиями.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение истории нашего Отечества в предперестроечные годы позднесоветского периода, когда в СССР формировалась питательная почва для распространения чуждых социализму ценностей «потребительского рая».

Ключевые слова: злоупотребления в торговле, искусственный дефицит, письма советских граждан в газету «Правда», позднесоветский период истории СССР, социалистический образ жизни, спекуляция, товарный дефицит, хищения социалистической собственности

Для цитирования:

Колокольчикова Р. С. Тема товарного дефицита в письмах советских граждан в редакцию газеты «Правда» в первой половине 1980-х гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 70–80.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-70-80

Original research article

THE TOPIC OF PRODUCT SHORTAGE IN LETTERS FROM SOVIET CITIZENS TO THE PRAVDA NEWSPAPER IN THE FIRST HALF OF THE 1980S

R. Kolokolchikova

*Military University of Radio Electronics
Cherepovetz, Russian Federation
e-mail: retinovka@mail.ru*

Received 02.10.2025

Revised 18.10.2025

Accepted 26.10.2025

Abstract

Aim. The purpose of the presented article is to identify the name of the main groups of scarce goods, causes and consequences based on written appeals from Soviet citizens to the newspaper Pravda, to complain about the shortage of goods, to verify the accuracy of the information in the letters with the office documentation of the Central Committee of the CPSU.

Methodology. The article examines a set of unpublished historical sources on the subject of research. In addition to general scientific methods, the article used comparative, historical-genetic and other methods.

Results. The study identified the main groups of scarce goods, the causes of the shortage, and the efforts of party and government agencies and the public to combat the shortage and its consequences.

Research implications. The results of this study contribute to study of the history of our country during the pre-perestroika years of the late Soviet period, when in the USSR was creating a breeding ground for the spread of the “consumer paradise” values that were alien to socialism.

Keywords: letters from Soviet citizens to the Pravda newspaper, the late Soviet period of Soviet history, the soviet way of life, artificial shortage, abuse in trade, and theft of socialist property

For citation:

Kolokolchikova, R. S. (2025). The topic of product shortage in letters from soviet citizens to the pravda newspaper in the first half of the 1980s. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 70–80.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-70-80

Введение

Проблеме товарного дефицита в СССР в 1980-е гг. посвящена обширная научная литература. Это труды экономистов, историков, демографов, социологов. Опубликованные преимущественно в 1990-е гг. и в начале XXI в., эти исследования рассматривают сюжеты товарного дефицита либо непосредственно, либо затрагивают их косвенно. Убедительная попытка историографического обзора этих работ представлена в статье А. В. Трофимова и М. А. Вельбей [1]. От-

мечая достижения в изучении проблем товарного дефицита в СССР с различных точек зрения – в рамках макроэкономической и мезоэкономической моделей; на микроуровне экономической системы; анализируя проблемы ценовой политики в СССР, насыщенности потребительского рынка, возможностей доступа различных социальных групп к товарам и услугам и т. п., авторы статьи подчеркнули необходимость дальнейших исследований, поскольку в изучении проблемы имеются многочисленные «белые пятна». На заполнение одной из лакун научного

знания по проблеме товарного дефицита в СССР в первой половине 1980-х гг. и направлено содержание данной статьи.

Важнейшим источником для её написания стали письма советских граждан с жалобами на товарный дефицит, адресованные в первой половине 1980-х гг. редакции газеты «Правда» – ежедневного печатного органа ЦК КПСС.

Письменные обращения советских граждан с жалобами, критическими замечаниями, предложениями во властные структуры, в том числе в редакции общественно-политических изданий, рассматривались в СССР как важнейший инструмент, позволявший обеспечить взаимодействие, обратную связь власти и общества, открывавший возможности реализовывать принципы народовластия. Поэтому коммуникативные практики такого рода получали поддержку со стороны партийно-государственных структур и привлекали внимание учёных самых разных отраслей социогуманитарного знания: историков, социологов, экономистов [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Как исторический источник личного происхождения, письма, отражая мысли, переживания человека в отношении описываемых событий, открывают возможность обстоятельнее понять такое явление повседневной жизни советских граждан в предперестроечные годы как дефицит. В то же время, как эго-документ, письма представляют субъективный взгляд их авторов на событие, его причинно-следственные связи. Кроме того, определённое влияние на тематическое и оценочное содержание писем в печатный орган ЦК КПСС оказывал статус адресата, учитывая его роль в процессе коммуникации. Поэтому, для проверки надёжности и достоверности содержащейся в письмах информации в данной статье использовались тематические подборки писем, составленные редакцией газеты «Правда». В частности – это подборки о товарном дефиците. Для установления достоверности содержания писем источ-

никоведческому анализу была подвергнута также делопроизводственная документация отделов ЦК КПСС, которым редакция газеты «Правда» отправляла сводки писем о дефиците. В частности, было использовано Закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией», составленное с учётом сводок писем о дефиците и адресованное краевым, областным и республиканским партийным организациям. Кроме того, были использованы отчёты первых секретарей краевых, областных и республиканских партийных организаций о результатах обсуждения Закрытого письма в первичных партийных организациях и проделанной работе по борьбе с посягательством на социалистическую собственность, спекуляцией, обманом покупателей, взяточничеством – явлениями, напрямую связанными, помимо прочего, с товарным дефицитом.

Цель представленной статьи – на основе письменных обращений советских граждан в газету «Правда» с жалобами на товарный дефицит в СССР в первой половине 1980-х гг., выявить наименование основной группы дефицитных товаров, причины и последствия товарного дефицита, проверив достоверность информации в письмах делопроизводственной документацией ЦК КПСС.

По словам В. Афанасьева – в изучаемый период главного редактора газеты «Правда», примерно 53% писем, поступивших в начале 1980-х гг. в редакцию, – это письма, которые содержали жалобы и критические замечания¹.

Основные группы дефицитных товаров и причины товарного дефицита, по мнению авторов писем в редакцию «Правды»

Важнейшей темой, которая поднималась в этих письмах, являлась тема товарного дефицита. Авторы писем не жа-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 26.

ловались на отсутствие в продаже каких-либо экзотических товаров, предметов роскоши или особо модных вещей, или, например, на недостаток в продаже новейшей бытовой техники, которая производилась в стране или импортировалась в СССР в недостаточных объёмах. Речь шла о дефиците на товары первой необходимости.

Несмотря на то, что товарная масса в СССР неравномерно распределялась между столичными и провинциальными городами, «закрытыми» и обычными городами, большими и малыми городами и посёлками городского типа, судя по письмам, дефицит на товары первой необходимости в той или иной мере коснулся всех категорий городских поселений.

А. Хворост, инженер из Москвы, писал в «Правду»: «В московских магазинах нет моркови. Месяц назад были перебои с капустой. Без конца что-либо из овощей становится дефицитом»¹. Проживавшие в г. Москве М. В. Шмидт и Н. А. Челядина, сообщали в «Правду»: «В наших магазинах совершенно нет детской обуви (туфель, кедр, ботинок, полуботинок, сапог). Хотелось бы знать, с чем связано создавшееся положение?»². В. И. Родичева, проживавшая в г. Горький-12, пос. Новое Дакино, жаловалась в 1981 г. в газету «Правда»: «Моя дочь живёт в Ленинграде, с 17 января пошла в декретный отпуск и просит помочь купить пелёнки, т. к. в городе на Неве этих изделий нет. Помочь дочери я не могу – у нас, в Горьком, пелёнок тоже нет»³.

Жалобы на отсутствие на прилавках магазинов мяса, мясных продуктов, сливочного масла, сыра, рыбы, круп, макаронных изделий, постельного белья, полотенец, обоев, овощей и фруктов и многого другого поступали в газету из самых разных регионов страны: из Рязанской, Воронежской, Вологодской, Псковской, Пермской, Архангельской,

Астраханской, Смоленской и других областей, Краснодарского края, из союзных и автономных республик страны⁴. Жители г. Котласа Архангельской области, например, в коллективном письме сообщали: «Много лет на прилавках наших магазинов нет в продаже мясных продуктов. Иногда завозят в два-три магазина колбасу, котлеты, суповые наборы. Зная эти дни, жители всех улиц занимают очереди с часу ночи... Привозят продукты не ранее 12 часов дня. За это время многие из очереди приведут детей, родных и начинается такая давка, рёв, крик – уму непостижимо. Ведь продают в одни руки не более 500 грамм»⁵.

Проживавший в посёлке Депо Вытегорского района Вологодской области А. К. Тупорошин, писал: «Вот уже несколько месяцев бегаем из магазина в магазин в поисках чёрного хлеба. Белого хлеба, булок, печенья, сухарей в продаже нет давно. Крупу, молочные изделия привозят один-два раза в месяц. Нет мыла, стиральных порошков, одеколона, зубной пасты»⁶. Житель г. Себеж Псковской области сетовал в письме, адресованном в «Правду»: «Край наш голубой озёрный, испокон веков славился рыбой. А сейчас даже ржавой селёдки не найдёшь в магазинах Себежа. О мясе, колбасе, сметане – не говорю, их давно нет»⁷.

В чём же заключались причины возникновения дефицита? Единого мнения по этому вопросу нет. Одни экономисты полагают, что явление дефицита – органическое свойство плановой экономики. Другие, возражая против обвинений социалистической системы хозяйствования как таковой, считают, что дефицит товаров был связан с недостатком товарной массы и с избыточной денежной массой у населения при социализме [10; 11]. И в первом и во втором случае специалисты стремились выявить объективные

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 3.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 47.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 12-13.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 2-23.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 23.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 22.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 5.

причины дефицита на основе попыток анализа макроэкономических процессов.

В отличие от учёных-экономистов, авторы писем в газету «Правда» причины дефицита объясняли, опираясь на собственный жизненный опыт. Поэтому они акцентировали внимание на субъективных факторах дефицита. На фоне системных недостатков плановой экономики, отмечавшихся многими учёными-экономистами, субъективные причины дефицита не воспринимались ими как сколько-нибудь существенно значимые. Однако, как представляется, недооценка субъективных причин дефицита не позволяет в полной мере реконструировать целостную картину распределения товарной массы в стране. Характерно, что в 1981 г. В. Афанасьев, отправляя в ЦК КПСС очередную сводку писем читателей в «Правду», озаглавил эту сводку так: «Направляю сводку писем в “Правду” об искусственном дефиците и злоупотреблениях в торговле»¹. В преамбуле главный редактор «Правды» пояснял: «...авторы писем рассказывают о фактах грубейшего нарушения правил торговли и широкой практике продажи товаров из-под прилавка; приводят факты, свидетельствующие об умышленном создании явления дефицита»².

Обратимся к письмам. Вот что в этой связи сообщали в «Правду» работники универмага №4 Октябрьского промторга г. Москвы: «Сейчас много говорят о дефиците. Люди порой недоумевают, откуда он взялся...Это умышленное и массовое присвоение товара торговыми работниками и дальнейшая потом спекуляция. Поверьте, мы говорим это со знанием дела, так как сами работаем в универмаге. Вот конкретные факты. В нашем магазине большинство товаров на прилавки не поступают. Директор А. П. Зайцева всё забирает и после перепродажи вносит деньги в кассу. Так было с партиями махера, комплектами араб-

ского белья, обувью, хлопчатобумажными тканями...Свой товар по спекулятивным ценам она отпускает знакомым и целой армии перекупщиков»³. Москвичам в своём письме вторит Е. П. Севрюкова, проживавшая в пос. Чернухино Перевальского района Ворошиловградской области Украинской ССР. Жалуясь на дефицит на многие товары первой необходимости, она так объясняла причины дефицита: «...товары, как правило, продаются, минуя прилавок. Возьмите наш магазин «Радуга» ОРСа «Ворошиловградуголь»: купить в нём практически ничего невозможно, а через «чёрный ход» – пожалуйста»⁴.

А вот как объяснял причины дефицита мясных продуктов на прилавках магазинов М. И. Тарасов, член КПСС, работавший на Шилловском мясокомбинате Рязанской области: «Одной из причин дефицита, считаю бесхозяйственность. Сейчас наблюдаются трудности с мясом. А давайте посмотрим, как работает наш мясокомбинат. Предприятие ежедневно простаивает 2–3 часа. То нет пара, то исчезла горячая вода, то поломалось оборудование. На комбинате скапливается по несколько сот голов скота. Животные сутками стоят голодные, теряют в весе. В результате, колбасный цех выпускает 1–3 т колбасы вместо 7–10 т»⁵.

Дефицит на отдельные виды сельхозпродуктов также во многом объяснялся бесхозяйственностью в колхозах и совхозах, на овощебазах при хранении сельхозпродукции. Так, группа рабочих завода «Сельмаш» (Молдавская ССР, г. Бельцы) сообщала в редакцию «Правды»: «В большинстве колхозов и совхозов республики царит бесхозяйственность. Сколько техники, оборудования валяется, ржавеет на территориях и в открытом поле. Мы – рабочие-шефы это видим своими глазами. В прошлом году (1982 – Р.К.) не было убрано 30% урожая свёклы, кукурузы,

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 10.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 11.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 17.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 4-5.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 4-5.

винограда, яблок. Урожай созрел богатый, план выполнили, а остальное оставили в поле. В хозяйствах низкая трудовая дисциплина, дело доходило до того, что запахивали в землю неубранные овощи, фрукты»¹. Н. М. Петров (Молдавская ССР, г. Кишинёв) сообщал в редакцию: «Молдавия отличается исключительно благоприятными условиями для производства овощей и фруктов. Но пока в республике торговлю свежими овощами и фруктами следует считать крайне неудовлетворительной. Сейчас в середине лета идёт массовое созревание овощей, но в специализированных магазинах города кроме консервов купить нечего»².

В письме, подписанном колхозниками коллективного хозяйства «Путь Ленина» Панинского района Воронежской области, отмечалось: «По радио, телевидению мы видим и слышим о достижениях и успехах нашего народного хозяйства. Но становится горько за свой колхоз. С каждым годом дела в нём всё хуже. Поля обрабатываются плохо, весной они зарастают сурепкой, 40% урожая остаётся в земле»³. Упомянувшийся уже инженер А. Хворост из Москвы, объясняя причины перебоев овощей на прилавках московских магазинов, писал, что «с овощебаз вывозят сотни тонн порченной продукции (знаю точно, сам работал на перборке картофеля)»⁴.

Последствия дефицита на продукты питания и товары первой необходимости подытожил в своём письме М. П. Волков, участник Великой Отечественной войны, проживавший в г. Астрахани: «...Приходится часами простаивать в очередях и зачастую уходить домой без покупки... Дефицит породил бешеную спекуляцию, воровство...»⁵.

Как же реагировали местные власти на товарный голод? Ответ на этот вопрос

в сводках встретился только в одном письме, датированном мартом 1980 г. К. А. Головин из г. Пермь информировал редакцию «Правды»: «...ни в одном магазине города свободно не купить мясо, рыбу, мыло, электрические лампочки, полотенца, наволочки, обои...А в управлении торговли спокойны, считают, что “ЧП” нет»⁶.

Усилия партийно-государственных структур и общественности по борьбе с товарным дефицитом и его последствиями

Реакцией ЦК КПСС на сводки писем о дефиците стало Закрытое письмо «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством, спекуляцией», адресованное в начале 1981 г. краевым, областным и республиканским партийным организациям⁷. Закрытое письмо рассматривало дефицит как важнейшую причину взяточничества, воровства, спекуляции и требовало принять на местах решительные меры по пресечению этих явлений как несовместимых с советским образом жизни.

Отчёты первых секретарей областных, краевых и республиканских партийных организаций, датированные декабрём 1981 г. и сентябрём–ноябрём 1983 г., информировали ЦК КПСС о мероприятиях, осуществлявшихся в русле решения задач, поставленных в Закрытом письме.

В частности, сообщалось, что в первичных партийных организациях были проведены закрытые собрания по обсуждению письма. Содержание письма получило горячий отклик в выступлениях рядовых коммунистов, которые приводили многочисленные примеры отсутствия в свободной продаже многих предметов повседневного спроса, особенно продовольственной группы. Первый секретарь Мурманского обкома КПСС В. Птицын, например, сообщал в ЦК КПСС в декабре

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 29.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 30.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 5.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. оп. 77. Д. 418. Л. 3.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 3.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 2.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 73. Л. 9.

1981 г.: «При обсуждении многие коммунисты говорили о том, что хищения, спекуляция и другие отрицательные факты во многом порождаются отсутствием в магазинах в нужном ассортименте самых необходимых товаров, например, требующихся для ремонта квартир (обои, краска, стекло, сантехнические приборы и т. д.)»¹.

Первый секретарь Архангельского обкома КПСС Б. Попов информировал ЦК КПСС в декабре 1981 г.: «В связи с имеющимися трудностями в обеспечении населения мясом, молоком и маслом, на многих партсобраниях отмечалось, что работники торговли нередко продают эти продукты из-под прилавка своим родным и близким, а остальная часть этих товаров попадает тем, кто не работает и имеет возможность стоять в очереди. В ряде партийных организаций города Архангельска отмечались недостатки в борьбе со спекуляцией на городском вещевом рынке. Предлагалось изменить порядок торговли дефицитными промтоварами. В целях справедливого и равномерного распределения имеющихся в наличии продуктов питания среди населения, усиления контроля за их реализацией, вносились многочисленные предложения повсеместно ввести продажу мяса и молока строго по талонам»².

По итогам обсуждения Закрытого письма, с целью решения задач, поставленных в Закрытом письме ЦК КПСС, областными, краевыми и республиканскими комитетами КПСС были разработаны планы мероприятий. В результате, согласно информации обкомов, крайкомов и республиканских партийных организаций в ЦК КПСС, органы прокуратуры стали активнее использовать правовые средства для пресечения фактов бесхозяйственности и посягательств на социалистическую собственность, особенно в организациях агропромышленного комплекса, строительства, в тор-

говых организациях, на предприятиях пищевой и перерабатывающей промышленности. Укреплялось взаимодействие органов прокуратуры и внутренних дел с постоянными комиссиями местных Советов народных депутатов, со специалистами контрольно-ревизионного аппарата и организациями, осуществляющими межведомственный контроль.

В органах УВД были приняты меры по улучшению работы с заявлениями граждан и другими материалами о фактах хищений, взяточничества, спекуляции; по усилению контроля за быстрым и качественным разрешением таких дел в отделах внутренних дел.

В информационных справках сообщалось о совершенствовании и укреплении служб по борьбе с хищениями социалистической собственности (БХСС). В Архангельской области, например, штатная численность отдела БХСС в 1983 г. по сравнению с 1981 г. увеличилась на 38 человек³.

В информационных справках сообщалось о проведении большой работы по привлечению общественности к борьбе с посягательством на социалистическую собственность, к борьбе со спекуляцией, обманом покупателей. В этом направлении совершенствовалась деятельность добровольных народных дружин и товарищеских судов. В сентябре 1983 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А. Дрыгин информировал ЦК КПСС: «В профсоюзных комитетах области избрано около 6 тысяч общественных контролёров, осуществляющих постоянное наблюдение за работой предприятий торговли и общественного питания. Массовые проверки магазинов проведены в Вологде, Череповце, Соколе. По установленным многочисленным фактам злоупотреблений приняты меры. Штабы и посты «Комсомольского прожектора» участвовали в VII Всероссийском и X областном рейдах-проверках по борьбе с

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 74. Л. 154.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 73. Л. 11.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 63. Л. 13.

бесхозностью, хищениями социалистической собственности»¹.

По словам первого секретаря Карельского обкома КПСС И. Сенькина, «...в конце 1983 г. по линии БХСС в республике работало 128 внештатных инспекторов»². Только за 6 месяцев 1981 г. в КАССР с участием общественности было выявлено и направлено на реализацию припрятанных товаров на сумму свыше 160 тыс. руб.³ Как отмечал в информационной справке в ЦК КПСС первый секретарь Архангельского обкома КПСС Б. Попов, в результате применения карательных мер к расхитителям народного добра по сравнению с 1980 г. количество осуждённых за хищения социалистической собственности в 1982 г. выросло на 36,7%, в т. ч. за мелкие хищения на 17,7%, за взяточничество – на 10,5%, а за спекуляцию увеличилось почти вдвое⁴. А за 9 месяцев 1983 г. органами милиции в Архангельской области было разоблачено 107 преступных групп расхитителей, выявлено 12 случаев взяточничества и 81 факт спекуляции, на 2,3% больше было выявлено преступлений, совершённых должностными и материально ответственными лицами. В счёт возмещения ущерба у преступников было изъято имущества и денежных средств более чем на 200 тыс. руб.⁵

Однако, позитивный тон информационных справок первых секретарей обкомов, крайкомов, республиканских партийных организаций по выполнению задач, поставленных перед партийными организациями в Закрытом письме ЦК КПСС, явно контрастировал с содержанием корреспонденции, продолжавшей поступать на почту «Правды» от советских граждан. В. Афанасьев и его заместитель И. Ворожейкин докладывали в ЦК КПСС в 1983 г., что по-прежнему много писем с жалобами и критически-

ми замечаниями. Одной из самых объёмных стала сводка, которая называлась «О нескромности, злоупотреблении служебным положением некоторых руководящих работников»⁶. Как отмечал В. Афанасьев, «особое возмущение авторов вызывают случаи злоупотребления служебным положением руководителей коммунистов»⁷.

Новой тематической линией в корреспонденциях советских граждан в «Правду» в 1983 г. стали письма с негативной оценкой повышения цен на многие товары массового потребления и на бытовые услуги⁸. При этом, авторы писем выражали недоумение по поводу того, что повышение цен произошло без какого-либо гласного обоснования и противоречило решениям КПСС о сохранении стабильности цен на товары массового спроса и, кроме того, создавало условия для хищений и спекуляций. Так, например, А. Д. Горковенко, председатель группы народного контроля, проживавший в Полтавской области Украинской ССР, г. Кременчуге писал: «Почему такое важное событие в жизни страны, как повышение цен на товары широкого пользования произошло втихомолку? Сейчас под шумок самое время мошенникам сорвать куш: ведь проверить нельзя, что подорожало, а что нет!»⁹. При этом количество жалоб и критических замечаний на работу учреждений торговли, общественного питания, на спекуляцию и хищения социалистической собственности, на усиливавшийся дефицит предметов массового спроса в письмах советских граждан в редакцию газеты «Правда» не уменьшалось¹⁰.

Заключение

Почему это происходило? Отчасти ответ на этот вопрос дали результаты все-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 68. Л. 52-53.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 63. Л. 113.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 74. Л. 44.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 63. Л. 14.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 68. Л. 14.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 10. Л. 31-58.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 27.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 6-15.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 15.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 79. Л. 2-30.

союзного исследования образа жизни советских людей и факторов, препятствующих его совершенствованию. Работа была проведена в 1984 г. Всесоюзным научным центром по изучению общественного мнения на базе Института социологических исследований АН СССР¹.

Директор института социологических исследований АН СССР Н. Н. Иванов сообщал в информационной справке в ЦК КПСС, что выборочный опрос на территории 8 союзных республик по месту жительства людей среди лиц 18 лет и старше, как работающих, так и не работающих, а всего было опрошено 10,5 тыс. человек, позволил установить в целом позитивные тенденции развития советского образа жизни². Однако, как отмечалось в справке, опрос обнаружил у значительной части респондентов «деформацию ценностных ориентиров». В частности, например, опрос обнаружил определённое распространение потребительской психологии, особенно среди молодёжи; одностороннюю ориентацию части населения на материальные блага, «пассивное отношение к таким, противоречащим самой сути социализма, явлениям, как разбазаривание социалистической собственности, нарушения общественного порядка, пьянство, благодушие в отношении подношений»³.

Причины «деформации ценностных ориентиров» социологи усматривали в «росте материального благосостояния народа», в противоречиях «между влиянием пережиточных явлений, потребительской психологии и социалистической моралью», «между индивидуальным негативным социальным опытом...и общественными требованиями и нормами»⁴.

Однако главная причина «деформации ценностных ориентиров» значительной части советских граждан заключалась в другом. Если с началом истории

страны Советов и особенно после Второй мировой войны марксистско-ленинская идеология успешно конкурировала с идеологией Запада, постоянно увеличивалась численность сторонников марксизма-ленинизма за пределами СССР – в странах Западной Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, то в новых условиях постиндустриального общества ситуация стала меняться. Усиливавшееся противостояние двух общественно-политических систем в новых условиях предъявляло всё более высокие требования к идеологическому обеспечению позиций оппонентов. На этом фоне в СССР позднесоветского периода стали нарастать социально-экономические проблемы, которые требовали от партийно-государственных структур адекватных ответов. Вместо этого советское руководство последовательно демонстрировало неспособность перевода экономики на интенсивный путь развития; неспособность к структурным преобразованиям существовавшей экономической модели; неспособность к включению в действие реальных стимулов к труду, к обеспечению необходимой восприимчивости советской экономики к достижениям научно-технического прогресса.

Предлагавшая концепцию будущего идеального общественного устройства марксистско-ленинская доктрина в позднесоветский период, особенно в предпрестроечные годы, всё больше превращалась в набор застывших догм, отрывалась от реального положения дел, демонстрировала неспособность дать адекватные ответы на нарастание в стране социально-экономических проблем.

Кроме того, сказывался усиливавшийся отрыв партийно-государственной элиты страны от интересов народа. Всё это означало кризис марксистско-ленинской доктрины, который создавал питательную почву для распространения чуждых социализму ценностей «потребительского рая», усиленно продвигавшихся Западом.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 133. Л. 34-45

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 132. Л. 34.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 132. Л. 38-39.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 132. Л. 41-42.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимов А. В., Вельбей М. А. Проблема товарного дефицита в СССР 1980-х годов в современной историографии // Известия Уральского государственного экономического университета. 2007. № 1. С. 272–279.
2. Александров Ю. С. «Я хлопотал “по-культурному”»: советский гражданин в системе коммуникативных практик местной элиты (1950–1960-е гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 388–394.
3. Кимерлинг А. С. «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // Вестник РУДН. История России. 2013. № 2. С. 5–15.
4. Никифоров Ю. С., Сироткин Я. Н. Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма // Верхневолжский философский вестник. 2019. № 4. С. 216–221.
5. Проноза А. В. Дефицит и товарный голод в СССР в 70-е годы XX века и его отражение в детской переписке тех лет // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2021. № 4. С. 28–36.
6. Савин А. И. Письма во власть специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8. С. 133–145.
7. Стрекалов И. Н. «Письмо во власть» советских граждан в ходе создания Конституции СССР 1977 года: ломка стереотипа и неожиданные откровения // Исторический курьер. 2022. № 6. С. 154–162. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-154-162
8. Чураева Е. «Мир после войны»: жалобы как инструмент регулирования отношений между государством и инвалидами Великой Отечественной войны // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1945 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, 2008. С. 96–120.
9. Борисевич Д. А. Влияние дефицита в позднем СССР на формирование «культурного кода» новгородцев по их личным воспоминаниям // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2024. № 1. С. 148–155. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52)148-155
10. Гаджиев М. Н. Институциональный подход к исследованию экономики товарных дефицитов // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 5. С. 194–198.
11. Корнай Я. Дефицит. М.: Наука. 1990. 608 с.

REFERENCES

1. Trofimov, A. V. & Velbey, M. A. (2007). The problem of commodity shortages in the USSR in the 1980s in modern historiography. In: *Izvestia of the Ural State Economic University*, 1, 272–279 (in Russ.).
2. Alexandrov, Yu. S. (2018). "I bothered "culturally": a Soviet citizen in the system of communication practices of the local elite (1950–1960s). In: *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 6, 388–394 (in Russ.).
3. Kimerling, A. S. (2013). "I ask you to disassemble this letter and eliminate one-sided views on the workers, otherwise I will be forced to write to the Central Committee of our party": letters to the authorities in the post-war years. In: *Bulletin of the RUDN University. History of Russia*, 2, 5–15 (in Russ.).
4. Nikiforov, Yu. S. & Sirotkin, Ya. N. (2019). Complaints of Soviet citizens as a cultural phenomenon of the era of late socialism. In: *Verkhnevolzhsky philosophical bulletin*, 4, 216–221 (in Russ.).
5. Prognosis, A. V. (2021). Deficit and commodity hunger in the USSR in the 70s of the 20th century and its reflection in the children's correspondence of those years. In: *Actual problems of socio-humanitarian and scientific and technical knowledge*, 4, 28–36 (in Russ.).
6. Savin, A. I. (2016). Letters to power a specific form of political adaptation of Soviet citizens in the 1930s. In: *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 15-8, 133–145 (in Russ.).
7. Strekalov, I. N. (2022). "Letter to power" of Soviet citizens during the creation of the 1977 Constitution of the USSR: breaking the stereotype and unexpected revelations. In: *Historical courier*, 6, 154–162. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-154-162 (in Russ.).
8. Churaeva, E. (2008). "The world after the war": complaints as an instrument for regulating relations between the state and the disabled of the Great Patriotic War. In: Yarskoy-Smirnova E., Romanova P., eds. *Soviet social policy: scenes and characters, 1940–1945*. Moscow, Variant Publ., 2008. P. 96–120 (in Russ.).

9. Borisevich, D. A. (2024). The influence of the deficit in the late USSR on the formation of the "cultural code" of Novgorodians according to their personal memories. In: *Scientific notes of Novgorod State University*, 1, 148–155. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52)148-155 (in Russ.).
10. Gadzhiev, M. N. (2012). Institutional approach to the study of the economics of commodity deficits. In: *Bulletin of Kazan Technological University*, 15-5, 194–198 (in Russ.).
11. Kornai, Ya. (1990) *Deficit*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колокольчикова Римма Станиславовна (г. Череповец) – доктор исторических наук, доцент кафедры № 1 Военного университета радиоэлектроники;
e-mail: retinovka@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5105-3263

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rimma S. Kolokolchikova (Cherepovetz) – Dr. Sci. (History), Assos. Prof., kath. № 1, Military University of Radio Electronics;
e-mail: retinovka@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5105-3263

Научная статья

УДК 94 (470)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-81-96

КАДРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ: НОВЫЕ ЛИЦА, СТАРЫЕ МЕТОДЫ

Новиков И. С.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: no.ilya2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.04.2025

После доработки 10.05.2025

Принята к публикации 22.05.2025

Аннотация

Цель. Выявить закономерности методов кадровой политики, проводившейся И. В. Сталиным и М. С. Горбачёвым.

Процедура и методы. Проведён анализ источников, сборников, монографий и воспоминаний участников событий, связанных с кадровой политикой в СССР в годы перестройки. В работе применены хронологический и качественный методы исследования, а также анализа, синтеза и обобщения.

Результаты. В статье продемонстрированы ключевые методы кадровой политики М. С. Горбачёва, заимствованные у И. В. Сталина. Перестройка, инициированная М. Горбачёвым, привела к значительным изменениям в политической и экономической структурах страны, однако неправильное понимание кадровых перестановок создало уникальную ситуацию, когда попытки реформирования системы наталкивались на сопротивление «выдвиженцев», что в конечном итоге способствовало нарастанию кризиса и распаду советской модели управления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование процессов и методов кадровых перестановок в разные исторические периоды позволяет лучше понять механизмы адаптации политических структур к новым условиям, способствует выявлению зависимости между кадровыми решениями и политическими процессами. Статья может служить основой для сравнительных исследований с другими странами, переживавшими аналогичные переходные процессы.

Ключевые слова: «выдвиженчество», кадровая революция, команда М. С. Горбачёва, перестройка, «Правда», политическая элита, реформы

Для цитирования:

Новиков И. С. Кадровая революция в годы перестройки: новые лица, старые методы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 81–96.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-81-96

Original research article

THE PERSONNEL REVOLUTION IN THE YEARS OF PERESTROIKA: NEW PEOPLE, OLD METHODS

I. Novikov

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: no.ilya2012@yandex.ru*

Received 15.04.2025

Revised 10.05.2025

Accepted 22.05.2025

Abstract

Aim. This study aims to identify patterns of the methods of the personnel policy which was carried out by I. Stalin and M. Gorbachev.

Methodology. In this study the author analyzes the sources, the collection, the monograph and the reminiscences of participants of the events, related to the personnel policy in the USSR in the years of perestroika. To achieve the aim, the following methods have been applied: the analysis, the synthesis, the generalization, the chronological and qualitative methods.

Results. In this article the key methods of the personnel policy of M. Gorbachev, that we borrowed from I. Stalin, are demonstrated. The perestroika, that was initiated by M. S. Gorbachev, led to significant changes in political and economic structures of the country, however, misunderstanding of personnel shifts created a unique situation when attempts to reform the system faced resistance from the 'nominees', that eventually contributed to crisis growing and the collapse of the Soviet model of governance.

Research implications. The study of the processes and methods of personnel shifts during different historical periods allows a better understanding of adaptation mechanisms of political structures to new conditions. It contributes to the identification of a correlation between personnel decisions and political processes. The article can serve as a basis for comparative studies between other countries, undergoing similar transitional processes.

Keywords: "vydvizhenchestvo", the personnel revolution, the Gorbachev's team, perestroika, "Pravda", political elite, reforms

For citation:

Novikov, I. S. (2025). The personnel revolution in the years of perestroika: new people, old methods. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 81–96. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-81-96

Введение

Целью настоящего исследования является комплексный анализ и сопоставление подходов к кадровой политике, реализуемой И. В. Сталиным и М. С. Горбачёвым, с целью выявления преемственности, трансформаций и закономерностей в системе управления кадровым корпусом в различные исторические периоды совет-

ской истории. Особое внимание уделяется влиянию идеологических установок и политического контекста на практики отбора, расстановки и ротации управленческих кадров, а также оценке институциональных и социально-политических последствий реализуемых стратегий.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить ряд задач:

1. проанализировать историко-политические и социально-экономические условия формирования и эволюции кадровой политики в СССР в сталинский и перестроечный периоды;

2. выявить и охарактеризовать ключевые методы и механизмы отбора, продвижения и замещения кадров, применявшиеся И. В. Сталиным и М. С. Горбачёвым;

3. осуществить сравнительный анализ подходов к кадровой политике двух исторических периодов с целью определения элементов преемственности, разрыва и институциональных изменений;

4. оценить влияние кадровых стратегий на устойчивость политической системы, эффективность управления и долгосрочные последствия для функционирования государственного аппарата.

Методологическая основа настоящего исследования опирается на принципы историзма, системного подхода и сравнительно-исторического анализа. Применение этих принципов позволило рассматривать кадровую политику как элемент более широкой политико-административной системы, находящейся в постоянной взаимосвязи с идеологическим, социально-экономическим и институциональным контекстом.

Принцип историзма обеспечил исследование кадровой политики в контексте конкретных исторических условий, позволяя выявить, каким образом трансформировались цели, механизмы и практики управления кадровым корпусом в зависимости от эпохи и политической логики соответствующего периода.

Сравнительно-исторический метод применялся для выявления сходств и различий в кадровых практиках Сталина и Горбачёва. Он позволил провести параллели между двумя противоположными по характеру политическими режимами и выявить структурные и содержательные элементы преемственности. В рамках этого подхода анализировались такие параметры, как принципы отбора кадров,

механизмы продвижения, ротации и контроля, роль партийных структур, идеологические критерии, а также политическая функция кадровых решений.

Системный подход позволил рассматривать кадровую политику как компонент целостной государственной и политической системы, связанный с иными сферами — экономической, правовой, идеологической. Это дало возможность выявить причинно-следственные связи между кадровыми изменениями.

Кадровые решения И. Сталина, взятые на заметку М. Горбачёвым

«Кадры решают всё»¹ – политическая формулировка, появившаяся 6 мая 1935 г. на передовой странице газеты «Правда». Автором нового политического закона большевистской партии, используемым всеми последующими руководителями советского государства, был И. В. Сталин. Выступая 4 мая 1935 г. в Кремлёвском дворце на выпуске академиков Красной Армии [1], Сталин довольно ёмко сформулировал сущность партийно-политического руководства обществом. Она заключалась в подборе и расстановке кадров, особенно – руководящих. Массовые перестановки и выдвиженчество стали на рубеже 1920–30-х годов главным инструментом реализации сталинской кадровой политики.

Официальный характер данной политики Сталина был подкреплён Постановлениями ЦИК и СНК СССР от 1 июля 1929 г. «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций»², что создавало нормативную базу кампании.

Кадровая политика, как замечает А. В. Дожиков, была активной у Стали-

¹ Речь тов. Сталина // Правда. 1935. № 123. С. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1935_123-2975 (дата обращения: 15.03.2025).

² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. 1929. № 35 [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.i/QRNJ> (дата обращения: 12.03.2025).

на потому, что каждый раз, когда перед государством ставились очередные задачи, с ними пыталась справиться предыдущая команда управленцев и быстро показывала свою некомпетентность¹. Поэтому такая «команда» удалялась, поскольку пока её члены держали в руках бразды правления, обладали дарованным им монопольным правом распоряжаться ресурсами и людьми – никакие альтернативные подходы, инновации были невозможны. В. Н. Земсков, к примеру, приводит речь Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г., где руководящие кадры критиковались, а затем были репрессированы².

Получив главное кресло в Кремле, Горбачёв полагался на опыт своих предшественников в аппаратной чистке. Методы, которые он использовал были апробированы И. В. Сталиным. Некоторые копировались полностью, иные брались за основу, но претерпевали изменения, часть им были вовсе забыты или отброшены, что, как покажет практика, станет для него роковой ошибкой.

Приход к власти М. С. Горбачёва. Начало кадровой политики

10 марта 1985 г. умирает К. У. Черненко. Помимо Горбачёва на освободившийся пост претендовал член Политбюро, первый секретарь Московского горкома В. В. Гришин. На вечернем, неофициальном, заседании ПБ Гришин предлагает назначить Горбачёва председателем по организации похорон Черненко. По советской политической традиции это означало, что именно Горбачёв будет назван следующим Генеральным секретарём [2]. Этот шаг Гришина навстречу Горбачёву означал, что борьбы вокруг выборов

Генерального секретаря не будет. Обстоятельства такого поступка Виктора Васильевича выходят за рамки нашего исследования, поэтому оставим эту тему специалистам внутрипартийной борьбы.

О том, что выдвижение Горбачёва не было случайностью говорит Н. И. Рыжков: «Победа Горбачёва не была спонтанной. Нет, это была чётко подготовленная акция» [3]. В так называемой «акции» принимали участие маститые партийные работники:

1. Е. К. Лигачев – руководитель Отдела оргпартрabоты;
2. А. А. Громыко – глава МИДа [4];
3. Е. М. Примаков – директор Института востоковедения АН СССР;
4. А. Н. Яковлев – директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР;
5. В. А. Крючков – начальник Первого главного управления КГБ [5].

Немаловажный фактор в выборе нового Генерального секретаря сыграл возраст Горбачёва, на момент избрания ему было 54 года. Молодой лидер должен был прервать «гонку на катафалках». За последний 2 с небольшим года умерло 3 генсека, и если Брежнев получил кремлёвское кресло в 58 лет и находился у руля СССР 18 лет, оставив свой пост глубоко больным человеком, то Андропов и Черненко становились руководителями страны в 68 лет и 73 года соответственно. О том, что возраст Михаила Сергеевича был важен, сообщает и помощник Горбачёва В. И. Болдин: «А в это время в зале пленумов собираются члены ЦК... Настроение у большинства членов ЦК однозначное – невозможно больше избирать престарелых лидеров» [6].

11 марта 1985 г. М. С. Горбачёв был единогласно избран новым Генеральным секретарём на Пленуме ЦК КПСС, на следующий день об этом событии «говорила» Правда³, выложив про него краткую

¹ Дожиков А. В. Политический менеджмент И. В. Сталина: репрессии как радикальное средство ротации управленческих кадров [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/zwzJS> (дата обращения: 01.07.2025).

² Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/19968> (дата обращения: 04.07.2025).

³ Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза // Правда. 1985. № 71. С. 1 [Элек-

информационную сводку, 13 марта страна прощалась с Черненко¹.

Первое препятствие – выборы – Горбачёв преодолел [7]. После избрания генсеком Горбачёв столкнулся с новой проблемой: власть Генерального секретаря не была зафиксирована в советской конституции. В советском обществе вся власть принадлежала партии. Вождь партии обладал абсолютной властью, но её необходимо было закрепить, и для этого Горбачёв обращается к сталинскому опыту кадровой политики.

Проблемой это ещё было потому, что Горбачёв стал альтернативой престарелой политической элиты, не заинтересованной в каких-либо серьёзных переменах. Возраст высшего слоя партийно-государственной верхушки превышал 70 лет [8]. Новый политический истеблишмент, восходящий в годы хрущёвской оттепели, склонялся к переменам. К тому же нужно было освободиться от всех людей, кто потенциально мог усомниться в правильности выбранной политики. Подобные методы использовал Сталин, активно боровшийся с инакомыслием колеблющихся в партии в 1929–1931 гг. [9]. Характерным примером данного периода является Л. Д. Троцкий, которого первоначально исключили из партии, а затем выслали из страны в 1929 г. Опыт И. Сталина подсказывал Горбачёву, что от подобных кадров нужно избавляться немедленно, иначе они станут серьёзным препятствием при проведении реформ.

Кадровая политика Горбачёва проводилась на протяжении всего периода нахождения его у власти. С хронологической точки зрения исследователи выделяют 3 основные команды:

1. команда прихода к власти Горбачёва – период «подступа к реформам» (1982–1986);

2. «звёздная команда» пика пребывания Горбачёва у власти – время больших надежд (1987–1988);

3. «похоронная команда» – попытки удержать власть (1989–1991) [9].

Новоизбранный Генеральный секретарь стоял перед особенно трудной задачей: ему предстояло заменить брежневских людей своими. Без малого два десятка лет нахождения у власти Леонида Ильича дали о себе знать – люди из его команды прочно занимали ключевые посты в государстве сверху донизу по партийной иерархии.

Рыжков отмечает, что Горбачёв, подбирая кадры, ориентировался на конкретное время и стоящие перед ним и страной задачи, а после от них избавлялся [3]. Похожая ситуация была характерна и для Сталина: постоянная ротация и замена кадров позволила ему контролировать всё партийно-политическое руководство страны на протяжении более двух десятилетий (личные качества и заслуги здесь не берутся в расчёт). Сам же Горбачёв об этом сказал следующее: «Было ребячеством думать о переменах в обществе, не меняя ничего наверху» [2].

Изменения в составе руководства начались практически сразу после утверждения Горбачёва на посту генсека. Открывая Пленум 23 апреля, Горбачёв меняет расстановку сил в Кремле. В состав Политбюро вошёл Е. К. Лигачев [10]. По предложению Горбачёва он стал вести пленумы, что закрепляло за ним вторую строчку в партийной иерархии [2]. Помимо этого, членами ПБ стали Н. И. Рыжков (заведующий Экономическим отделом ЦК), В. М. Чебриков (председатель КГБ). Кандидатами в члены Политбюро были избраны С. Л. Соколов (министр обороны СССР) и В. П. Никонов (секретарь ЦК по сельскому хозяйству) [5].

Произошли большие изменения и в составе аппарата ЦК. Заведующим Общим отделом ЦК стал А. И. Лукьянов, заведующим Отделом организационно-партийной работы – Г. П. Разумовский

тронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RJY2v> (дата обращения: 17.03.2025).

¹ Москва прощается с К. У. Черненко // Правда. 1985. № 72 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RJY4t> (дата обращения: 17.03.2025).

[4], Оборонным отделом – бывший секретарь Ленинградского обкома Л. Н. Зайков.

В первой половине года произошло ещё 2 важные перестановки. В начале апреля в ЦК появился Б. Н. Ельцин, в июне А. А. Громыко становится председателем Президиума Верховного Совета СССР, освобождая тем самым пост главы МИДа.

Лигачев и Громыко, активно содействовавшие выдвижению Горбачёва, в долгу не остались, получив ведущие «портфели» в СССР. Новым главой МИДа был назначен Э. А. Шеварднадзе, не имеющий до того опыта ведения международных дел. Именно поэтому у Эдуарда Амвросиевича, как и у Андрея Андреевича, был шок [2]. Такой шаг объясняется тем, что Горбачёв хотел взять внешнюю политику полностью под своё крыло, где новому главе МИДа оставалось строго выполнять поручения своего «сеньора».

Между тем, с марта 1985 г. по февраль 1986 г. были выведены скрытые «противники» Горбачёва: Г. В. Романов, Н. А. Тихонов и В. В. Гришин. Началась кампания с отставки по «собственному желанию» Романова. Он был главной фигурой, которая вступила в борьбу с Горбачёвым во время болезней Андропова и Черненко [4]. Своё отношение к члену Политбюро Михаил Сергеевич выразил следующим образом: «Встретившись с Романовым, я достаточно откровенно дал понять, что для него нет места в составе руководства» [2].

Избавиться от него заблаговременно не получилось, будучи 13 лет первым секретарём Ленинградского обкома КПСС, Романов сплотил возле себя преданную команду. Этим объясняется поездка нового генсека в Ленинград с 16 по 17 мая 1985 г. Там он не только оглашал свою программу по части антиалкогольной кампании, но и хотел прозондировать почву. Вернувшись 17 мая в Москву, Горбачёв был в хорошем настроении. Воротников так вспоминает эти события: «До-

волен поездкой. Понравилась экономическая программа ленинградцев. По его мнению, активно и напористо работает секретарь обкома Л. Н. Зайков. Линию ЦК в Ленинграде поддерживают» [11].

Убедившись в лояльности ленинградцев, Горбачёв начинает делать нападки на Романова. На заседаниях ПБ 14 и 23 мая Горбачёв критически высказывается о деятельности Романова [4]. Романов уступил, предложил освободить его от должности по собственному желанию. Комментируя данное событие Воротников скажет: «Думаю все понимали – им двоим не ужиться в Политбюро» [11]. Г. К. Романов был освобождён от должности, а вместо него секретарём ЦК по оборонной промышленности стал первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Л. Н. Зайков.

Следующий на очереди был Н. А. Тихонов, также противившийся возвышению Горбачёва при Андропове и Черненко [12]. Единственное, что стоит здесь поставить в защиту нового генсека – возраст Николая Александровича, на момент прихода к власти Горбачёва ему уже было почти 80 лет. «Тихонов же был деятелем не то что вчерашнего, скорее позавчерашнего, сталинского времени», – так об этой кадровой перестановке скажет Горбачёв [2].

На вакантный пост председателя Совмина СССР претендовали Воротников и Рыжков. Выбор генсека сложился в пользу последнего не просто так. Это объясняется отсутствием амбиций Рыжкова быть первым в государстве [13]. Беря это во внимание, Горбачёв не прогадал – Рыжков не будет выдвигать свою кандидатуру на пост Президента СССР в 1990 г.

Затем настал черёд В. В. Гришина. В новой команде Гришин был чужим, нужен был лишь повод для его освобождения. Гришину начали приписывать связь с «торговой мафией» [4]. И хотя Виктор Васильевич эту «нелепость» отрицал, это не помешало Горбачёву заранее спланировать и подготовить членов ПБ. 13 дека-

бря генсек уже высказывал предложение о замене Гришина [11], через 6 дней руководитель МГК был поставлен об этом в известность. Кандидатура на его место уже была найдена – Б. Н. Ельцин [3]. 23 января 1986 г. Москва ликовала, что следует из записи в дневнике Черняева [14], сменили Гришина на Ельцина. Выбор на Бориса Николаевича пал не случайно, ему на долю выпала специальная задача – разрушить Гришинский клан [4], формировавшийся годами, что было исполнено за два с небольшим года.

Черняев своей записью в дневнике демонстрирует очередной метод кадровой политики Сталина, учтённый и доведённый до ума Михаилом Сергеевичем. Критика использовалась И. Сталиным, чтобы избавиться от «старых кадров» – это придавало политике демократический характер [7]. Как это было, например, с Н. И. Бухариным, отстранённым от поста члена Президиума ИККИ, а затем и вовсе выведенным из Политбюро.

Обновление политической системы СССР виделось Горбачёву также через пертурбацию кадров. На осеннем Пленуме ЦК КПСС 1986 г., посвящённом кадровым проблемам, были озвучены 2 задачи: о возможности прямых и альтернативных выборах – от секретаря первичной партийной организации до секретаря обкома и республики и о превращение выборов в общественное мероприятие путём гласности процедуры [8]. Впервые за всю историю руководство КПСС продемонстрировало намерение отказаться от номенклатурного принципа назначения на партийно-государственные должности.

Продолжение кадровых пертурбаций

К началу 1987 г. кадровая политика Горбачёва привела к замене 70% членов Политбюро, 60% секретарей обкомов, 40% членов ЦК КПСС, получивших свои должности в период руководства Брежневом [4]. Такие перемены постепенно стали называть «кадровой чисткой», со-

поставимой со сталинской «кадровой революцией». Горбачёв выдвигал людей преимущественно по принципу «преданности» себе лично. Такие мотивы прослеживались у всех вождей СССР, последний Генеральный секретарь не стал исключением.

Сильнейшая кадровая чистка в 1987 г. произошла в армии. С поста министра обороны был снят С. Л. Соколов, вместо него на эту должность поставили Д. В. Язова, а к концу следующего года свои посты потеряли 150 генералов [14]. Горбачёв и вовсе говорит, что на пенсию было отправлено 1200 генералов [2]. Поводом для таких изменений послужила провокация М. Руста, произошедшая 28 мая 1987 г. В ночь того дня возле Кремля была совершена посадка спортивного самолёта с немецким лётчиком-любителем, которому было всего 18 лет. Матиас заявил милиционерам, что прилетел для встречи с Горбачёвым [5]. Сам генсек в это время находился в Берлине. Система ПВО, охрана Москвы и армия фактически бездействовала, хотя председатель КГБ Чебриков и пытался оправдаться, но этого было недостаточно. Выстрел не был произведён, т. к. никто не хотел брать на себя ответственность, помня трагедию с корейским Боингом. Горбачёв был в ярости, говорил, что ему – лидеру сверхдержавы, было нанесено публичное оскорбление [15].

Несмотря на такую перетряску кадров, чёткой экономической программы выработано не было. Лозунг «ускорение» реализовывался административными методами и был признан провальным уже в середине 1987 г. В медленных темпах изменений М. С. Горбачёв обвинил «гигантский партийно-государственный аппарат», который «плотиной» стал на пути реформ [8]. Оправдывая линию партии, Горбачёв перекладывает ответственность за неудачи на отдельных людей. Михаил Сергеевич пробует применить сталинский метод «успокоения». При проведении коллективизации большеви-

ки столкнулись с массовым нежеланием крестьян вступать в колхозы, эти массовые волнения перерастали в мятежи, нередко заканчивавшиеся погромами и убийствами местных руководителей. В воскресенье, 2 марта 1930 г., на передовой странице газеты «Правда» появляется статья «Головокружение от успехов»¹. Перечисляя достижения аграрного сектора, генсек партии говорил об «опасных и вредных настроениях», которые не имеют «широкого распространения», но в перспективе могут поставить дело колхозного движения под угрозу срыва.

Процесс всеобщей коллективизации был остановлен, особо рьяные руководители на местах отдавались под суд. Никто более не чинил препятствий массовому оттоку из колхозов ранее вступивших туда крестьян. Иосиф Виссарионович своей статьёй сбил кипение страстей. Количество протестных выступлений резко пошло вниз. Но в скором времени политика коллективизации будет доведена до конца.

Угроза кадровой перетряски начала проявляться 19 января 1987 г. Обсуждая в ПБ доклад к пленуму о кадровой политике, Горбачёв прямо заявляет об ответственности высшего руководства за провал реформ, как пишет Черняев, Громыко, услышав эти слова, заволновался [15] – лёд тронулся.

В своём выступлении на январском пленуме генсек разъяснил цель предстоящей реформы: освободить партию от функций хозяйственного управления и передать их Советам, усилив и Советы, и партию путём организации полноценных выборов [16]. Тезис о полноценных альтернативных выборах кардинально менял сложившуюся систему единовластия КПСС. Новая процедура выборов лишала партию возможности формирования планового состава Советов. Альтерна-

тивность и тайное голосование – центральная идея реформы политической системы – кардинально меняли положения партийных управленцев, лишали их главной привилегии – стабильности и независимости от «низов».

Горбачёв отказывается от выстроенного И. Сталиным жёстко-централизованного механизма власти с сильным руководящим центром, где массы представляют собой основание системы, но, как и любое основание, оно должно быть крепким, в противном случае – система даст сбой или вовсе будет разрушена. В сталинском понимании массы должны быть «сознательными и дисциплинированными», такая формула обеспечивает устойчивость. Отказываясь от подобной формулы, используя демократические методы управления, Горбачёв шёл на серьёзный риск. С. Козн этот риск ставит в заслугу М. Горбачёву, говоря о том, что последний хотел сделать так, чтобы партия или значительная её часть стала «нормальной политической организацией», способной побеждать в выборах «строго в рамках демократического процесса» [17]. Сам Горбачёв позже заявит, что его действия не были спонтанными, и принятые решения были рациональными, несмотря на крах СССР, цель – «разрушить тоталитарного монстра» – была достигнута [18].

При Сталине было 3 списка номенклатуры, контроль над которыми обеспечивал его механизм власти. К первой были отнесены должности, назначение на которые производилось только постановлением ЦК, ко второй – с согласия Орграспредотдела ЦК. Затем дополнительно к Номенклатуре № 1 ввели список «выборных должностей», «установив утверждение по ним через специальные комиссии, выделяемые ЦК для проведения соответствующих съездов и собраний», т. е. ещё до того, как кто-либо и куда-либо будет избран: делегат или депутат, народный заседатель в суде или профсоюзный, комсомольский работник и т. д. Подбор

¹ Головокружение от успехов // Правда. 1930. № 60 [Электронный ресурс]. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1930_60-14819 (дата обращения: 20.03.2025).

и назначение на должности, не входившие в Номенклатуры № 1 и № 2, должны были производиться по спискам, устанавливаемым каждым государственным учреждением по согласованию с Орграспредотделом ЦК. Они получили название Ведомственная номенклатура № 3, или Номенклатура № 3¹.

На июньском пленуме ЦК М. С. Горбачёв перегруппировал силы в политическом руководстве страны. Из кандидатов в члены ПБ были переведены Н. Н. Слюньков и А. Н. Яковлев, избран В. П. Никонов. Из состава Политбюро был выведен Д. А. Кунаев, избран кандидатом Д. В. Язов [8].

Разработка политической реформы шла совместно с открытым осуждением сталинского времени. Горбачёв возвращается к вопросу реабилитации жертв политических репрессий 1930–1950-х годов. М. С. Соломенцев курировал эту комиссию, а после его ухода на пенсию – А. Н. Яковлев. Деятельность комиссии имела куда более важное значение, чем первоначально могло показаться. Обвинительный характер Сталина влиял на расстановку сил в ПБ: одни считали, что критику Сталина нужно довести до конца – А. Н. Яковлев, другие предлагали более взвешенную оценку его деятельности, предлагали вспомнить достижения первых пятилеток, повлиявших на исход Великой Отечественной войны – Е. Лигачев [8].

Летом того же года была апробирована первая попытка альтернативных выборов местных Советов народных депутатов. Результаты для Горбачёва были неутешительными: намного чаще голосовали, чтобы в областных и краевых Советах не было депутатов, избирательная явка значительно сократилась, в несколь-

ких округах выборы и вовсе не состоялись [5].

Осложнялась ситуация в самой среде реформаторов. Началось все с июньского пленума 1987 г., посвящённому экономической концепции перестройки. Ельцин раскритиковал перестройку, в особенности Секретариат ЦК, в работе которого ничего не изменилось [5], что напрямую било по позициям Лигачева, так как он руководил работой Секретариата.

На сентябрьском заседании Лигачев, в отсутствие Горбачёва, начинает делать нападки на Ельцина, в связи с демонстрациями, проходившими в Москве. Ельцин в обход ПБ разработал, принял и опубликовал правила проведения митингов и демонстраций в столице. Хотя Горбачёв и дал на это согласие [11], это не остановило Лигачева и его сторонников, отчитать публично Ельцина. Борис Николаевич написал письмо отдохавшему на юге Горбачёву с просьбой снять его с должности МГК КПСС [19]. Это событие вошло в историю как «бунт Ельцина».

Ельцин открыл новую страницу в истории КПСС: закончилось единодушное согласие в Политбюро ЦК КПСС, начиналась пора идейных столкновений уже не только различных характеров и амбиций, но и интересов. Б. Н. Ельцин не только повлиял на своё положение (снятие с поста первого секретаря МГК), но и качество дальнейших реформ – начался внутрипартийный кризис.

С новой силой кризис разросся весной 1988 г. Поводом для этого послужила статья Н. Андреевой «Не могу поступиться принципам», опубликованная 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия». В статье автор даёт высокую оценку деятельности Сталина в 1930–1940-е гг., а также критикует фальсификаторов истории, которые очерняют советское прошлое, связывая его исключительно с ошибками. Выход статьи связывали с непосредственным участием работников ЦК и персонально Е. Лигачевым. Сам Лигачев не скрывал, что её идеи схожи с ним, но

¹ Коржихина Т. П., Фигантер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/korzikhina_1993_201809/mode/2up (дата обращения: 27.04.2025).

ответственность за выход статьи переложил на радикалов [20]. Стоит отметить, что наряду со статьёй доцента-химика (Н. Андреевой), выходили работы профессиональных историков, взгляды которых были схожи с автором резонансной статьи. К таким работам следует отнести статью В. В. Горбунова и В. В. Журавлёва «Что мы хотим увидеть в зеркале революции? Размышления о пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше...»» [5]. В статье авторы объясняют и оправдывают методы, применяемые Сталиным и руководимой им партией, в годы коллективизации и индустриализации. Из вышесказанного следует сделать вывод, что статья Н. Андреевой была не единственной, но именно в её доработке и публикации участвовали члены ЦК, поэтому она стала предметом острой дискуссии на предстоящем заседании Политбюро.

24–25 марта на заседании ПБ Горбачёв раскритиковал статью, назвав её «антиперестроичной» [15], не все были с ним согласны. Тем не менее это не помешало А. Н. Яковлеву подготовить ответ от ЦК, ударив по позициям Н. Андреевой и всех, кто был с ней солидарен, своей статьёй «Принципы перестройки: революционность мышления и действий»¹, вышедшей 5 апреля 1988 г. в газете «Правда».

Случай с обсуждением статьи имел важное политическое значение: несмотря на то, что основной состав ПБ был собран самим Горбачёвым, большинство в нём не было против статьи, а многие считали высказанные в ней соображения линией партии. Для Горбачёва было очевидно, что одной перетряски кадров недостаточно. Он надеялся, что реформа политической системы приведёт к обновлению КПСС, и позволит одержать победу над консервативными тенденциями в партии.

28 июня 1988 г. началась XIX партийная конференция. Впервые после партийных дискуссий 1920-х годов делегаты публично спорили. В докладе, сделанном на конференции, Горбачёв продекларировал необходимость создания в СССР правового государства, объявил о необходимости сужения компетенций партийных органов, закреплении государственных функций исключительно за Советами. Примечательной деталью выступления было то, что в отличие от тезисов в докладе предлагалось избирать председателями Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Подобное совмещение подводило юридическую основу под фактическую подмену Советов партией. Для многих было ясно, что речь идёт о концентрации власти в руках Горбачёва и его выдвиженцев на места.

По итогам конференции было принято предложение о совмещении партийных и советских высших должностей, М. С. Горбачёв был избран на вновь созданный пост Председателя Верховного Совета СССР и стал одновременно главой государства и генсеком руководящей партии. Был также одобрен проект нового закона о выборах, согласно которому выборы становились альтернативными. Сразу после съезда Горбачёв буквально выставил из ЦК КПСС 110 престарелых руководителей [7]. М. С. Горбачёв лишает этих людей власти и части привилегий, но сохраняет им жизнь, что отличает его от методов чисток, которые применял И. В. Сталина. Помимо этого, было решено внести в Конституцию СССР поправки, в апреле 1989 г. провести на основании нового закона выборы народных депутатов СССР [21], а осенью того же года – выборы в республиках.

В начале сентября на ПБ обсуждалась записка Горбачёва «К вопросу о реорганизации партийного аппарата». Смысл её сводился к «передаче функций по оперативному управлению экономикой от соответствующих отделов ЦК правитель-

¹ Принципы перестройки: революционность мышления и действий // Правда. 1988. № 96 [Электронный ресурс]. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1988_96-3022 (дата обращения: 22.03.2025).

ству» и связывался с сокращением партийного аппарата. На практике речь шла об увольнении 700–800 тысяч человек¹, в т. ч. половины работников аппарата ЦК, которых к осени 1988 г. насчитывалось 3215 человек. Преобразуя аппарат, Горбачёв ясно давал понять, что в торможении экономических и иных процессов виновата не партия и руководство, а ведомства, на которые и перекладывается ответственность.

30 сентября Пленум одобрил инициативу Горбачёва. Было проведено наиболее существенное за последние годы обновление состава Политбюро и секретарей ЦК. М. С. Горбачёва пленум рекомендовал на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР (1 октября 1988 г. Горбачёв будет избран на этот пост), А. И. Лукьянова – на пост его заместителя [15].

Своим решением Пленум ликвидировал большинство отраслевых отделов ЦК КПСС. Отделы были заменены шестью комиссиями. М.С. Горбачёв избавился от двух своих недавних союзников (Громыко и Соломенцев), а ещё двух союзников (Лигачева и Чебрикова) отодвинул в сторону. Лигачев в скором времени будет освобождён от руководства идеологией, его переведут на заведомо проигрышную позицию – председатель комиссии по аграрному вопросу, а Чебриков потеряет пост председателя КБГ, его на этом посту сменил В. А. Крючков.

Горбачёв не просто сокращал аппарат управления. Он разрушал стабильность этого строя, того правящего класса, который сложился за годы Советского общества. Партийно-государственные чиновники, коих называли «номенклатурой», управляли государственной ответственностью от лица всего государства. При Сталине из номенклатуры можно

было «выпасть», чаще всего это сопровождалось смертью, при его наследниках – «выпадали» меньше, чаще и наказывали, понижая в должности. Горбачёв же, поднявшись по партийной лестнице на самый верх, будучи олицетворением этой номенклатуры (на это указывает политический путь Горбачёва), разрушил её, что пришлось на период, когда критика в его адрес была уже повсеместной. И причин тому было более чем достаточно: рост цен, ухудшение снабжения населения, нараставшие признаки экономического кризиса, экологические проблемы.

Заключительный этап кадровой революции

К началу 1989 г. со всей очевидностью стали проявляться признаки новой фазы состояния экономики: она теряла стабильность. Реформа политической системы привела к децентрализации власти и хозяйственного управления. Из аппарата ЦК КПСС и Политбюро ЦК были исключены отделы, отвечавшие за различные отрасли экономики. Всё больше приходило понимание необходимости перехода к рыночной экономике.

С ноября 1989 г. начинает разрабатываться новая модель экономической реформы страны. Реформаторов можно разделить на 2 основные группы: 1) Абалкин – Рыжков; 2) Шаталин – Явлинский. Интенсивная работа по подготовке к проведению экономической реформы началась летом 1990 года. Целью реформы глава правительства СССР провозгласил постепенный переход к рынку с товарно-денежными отношениями, сохраняя при этом социализм [3]. Цели первой программы были озвучены Рыжковым, цели второй программы – радикальное реформирование экономики, включая отказ государства от его регулирующей роли, широкую приватизацию. Рыжков критически отнёсся к программе «500 дней», Ельцин – Председатель Верховного Совета РСФСР – программу поддержал [5]. Во избежание российско-союзного кон-

¹ Записка М. С. Горбачёва «К вопросу о реорганизации партийного аппарата. 24 августа 1988 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1 [Электронный ресурс]. URL: [https://ick.kpss.su/1989/1\(288\).pdf](https://ick.kpss.su/1989/1(288).pdf) (дата обращения 21.03.2025).

фликта, 27 июля 1990 г. было подписано совместное соглашение между Ельциным и Силаевым с одной стороны, и Горбачёвым и Рыжковым – с другой [2]. На Шаталина была возложена ответственность доработать совместную программу реформ – «500 дней».

Прежние серьёзные разногласия между Горбачёвым и Ельциным уходили в прошлое. Они оба были заинтересованы в совместной работе, принятию общих решений, разработке единой экономической реформы. Черняев вспоминает, что они не раз созванивались в августе [14], интересовались проделанной работой.

Программа «500 дней» предусматривала передачу широких полномочий от центра республикам, что автоматически делало ненужными целые звенья аппарата управления. Принятая программа вела за собой реформу Правительства, и, возможно, смену его главы – Рыжкова [22]. Поэтому Совет министров воспротивился проведению реформы через атаку на Ельцина. Горбачёву намекали на готовящийся государственный переворот, делали обзор писем, главный акцент в которых был сделан на недовольстве граждан экономической реформой [5]. Главная цель провокаций – разрушить союз Горбачёва и Ельцина.

С конца августа по Правительственной линии на Горбачёва начинают оказывать давление. Итог, которого Ельцин подвёл 16 октября 1990 г., выступая в Верховном Совете России. Борис Николаевич обвинил Рыжков в срыве уже принятой экономической программы, возложил на него ответственность за снижение роли республик, отметил, что Россия будет проводить экономическую политику самостоятельно [23]. Черняев по этому поводу вспоминает, что президентский совет негодовал из-за речи Ельцина, был призыв расправиться с ним [14].

Политическое противостояние с Ельциным, существенно влияло на кадровые изменения в команде Горбачёва. Став Президентом СССР, Михаил Сергеевич,

не доверяя аппарату ЦК КПСС, сотрудников которого он неоднократно сокращал, а сам аппарат переформировывал, создаёт новый орган – Президентский совет. В его состав вошли некоторые министры: Н. И. Рыжков, В. В. Бакатин, В. А. Крючков, Э. А. Шеварднадзе, Д. Т. Язов и др. [6].

Следом за этой инициативой шёл XXVIII съезд ЦК КПСС, целью которого было завершение аппаратной чистки. Состав нового ПБ был расширен, в него вошли 15 первых секретарей республиканских компартий, а также 7 членов ЦК, избранных пленумом и 2 руководителя – генеральный секретарь Горбачёв и его заместитель В. А. Ивашко [7].

Выборы в Центральный комитет сопровождались чисткой, превосходившей по своим размерам всё, что партия до сих пор знала. Между 1934 и 1939 г., ЦК потерял 78% своих членов. Между 1986 и 1990 г. число новых членов ЦК составило 85% [7]. Желая усилить свою власть, Горбачёв её терял. Большой опасностью для него ещё стал тот факт, что им была утрачена поддержка со стороны партийно-государственной элиты. Даже ближайшие сподвижники Горбачёва, Е. Лигачев и Н. Рыжков, перестали его защищать от бюрократического гнева, направленного на его руководство [17].

Требовались и другие механизмы президентской власти. 14 ноября 1990 г. в Кремле открылась очередная сессия Верховного Совета СССР. Тон на ней задавала депутатская группа «Союз». Депутаты потребовали отчёта председателя Совета министров и президента СССР [24]. Деятельность и президента, и правительства была подвергнута резкой критике. Раздавались требования отправить правительство Рыжкова в отставку. Нарастал кризис власти.

17 ноября Горбачёв вышел на трибуну Верховного Совета СССР и объявил свою программу реорганизации власти – свои «8 пунктов», как их назвала пресса. Президент заявил, что Совет министров преобразовывается в Кабинет министров,

которым будет управлять он сам. Вскоре был ликвидирован Президентский совет. Вместо него был создан Совет безопасности [11].

В связи с ликвидацией Президентского совета был создан новый, уже конституционный орган – Совет безопасности. В него вошли В. В. Бакатин, новый министр иностранных дел А. А. Бессмертных (Шеварднадзе попросил своей отставки), В. А. Крючков, В. С. Павлов, ставший с 11 января премьер-министром, Б. К. Пуго, вскоре назначенный министром внутренних дел, академик Е. М. Примаков, Д. Т. Язов, Г. И. Янаев. Прежние либеральные соратники Горбачёва – А. Н. Яковлев, В. А. Медведев, С. С. Шаталин – оказались «за бортом» этого органа [5].

Крайняя кадровая пертурбация будет стоять Горбачёву не только кремлёвского кресла, но и всей страны. События августа 1991 (Путч ГКЧП) окончательно направят корабль, под названием СССР, возглавляемый М. С. Горбачёвым в бездну. Причин краха СССР можно назвать много, одной из которых является номенклатура. Одни исследователи это связывают с предательством элит (В. Багдасарян, С. Сулакшин), другие с её деградацией (А. Степанян) [25]. Так или иначе, поздняя советская номенклатура подвела черту под советским проектом.

Заключение

Проведённое исследование, направленное на анализ и сопоставление методов кадровой политики И. В. Сталина и М. С. Горбачёва, позволило выявить как элементы преемственности, так и некоторые различия в стратегиях управления кадровым корпусом в различные периоды советской истории. Несмотря на принадлежность к разным политическим эпохам – сталинскому режиму и реформаторской позднесоветской системе, оба лидера осознавали ключевую роль

кадрового ресурса в обеспечении политической стабильности и эффективности государственного управления.

Сравнительный анализ методов отбора, продвижения и замещения кадров в сталинскую и перестроечную эпохи позволил установить, что ключевым элементом преемственности между двумя периодами выступала концентрация кадровой власти в руках первого лица государства. Однако в то время как при Сталине эта власть была инструментом жёсткой мобилизационной политики, при Горбачёве она приобрела характер политического маневрирования в условиях идеологического и институционального распада.

Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что кадровая политика в советской системе не являлась изолированной административной практикой, а выступала неотъемлемым элементом политической стратегии. Изменения в подходах к управлению кадрами отражали более широкие трансформации в идеологической парадигме, модели власти и системе принятия решений. Кадровая политика оказывала непосредственное влияние на способность государства к воспроизводству управленческой элиты, сохранению политической стабильности и адаптации к вызовам времени.

Таким образом, в ходе исследования была достигнута его основная цель – выявлены особенности сходства в подходах к кадровой политике И. В. Сталина и М. С. Горбачёва, проанализированы исторические условия их реализации, а также определены последствия для устойчивости советского государственного механизма. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию механизмов функционирования советской политической системы и позволяют рассматривать кадровую политику как важнейший индикатор и фактор её эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Невежин В. А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.: АИРО-XX, 2003. 544 с.
2. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995. 600 с.
3. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. 574 с.
4. Полюнов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.
5. Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти. 1941–1991. М.: Директ-Медиа, 2019. 656 с.
6. Болдин В. И. Крушение пьедестала: штрихи к портрету М. С. Горбачёва. М.: Республика, 1995. 445 с.
7. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1997. 761 с.
8. Елисеева Н. В. История перестройки в СССР. 1985–1991 гг. М.: РГГУ, 2016. 550 с.
9. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооружённого восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1997. 510 с.
10. Спицин Е. Ю. Политбюро и Секретариат ЦК в 1945–1985 гг.: люди и власть. М.: Концептуал, 2022. 704 с.
11. Воротников В. И. А было это так. М.: Совет ветеранов книгоиздания, 1995. 480 с.
12. Жамалутдинов А. Р. Критика концепции номенклатурной революции в процессе распада СССР // Ветер перестройки – 2023: сб. конф. / отв. ред. А. Д. Матлин. СПб.: Скифия-принт, 2023. 596 с.
13. Прокин Д. А. Августовский путч как правый военный переворот: особенности восприятия современниками // Ветер перестройки – 2022: сб. конф. / отв. ред. А. Д. Матлин. СПб.: Скифия-принт, 2023. 520 с.
14. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
15. В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Горбачёв-Фонд, 2008. 800 с.
16. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 94 с.
17. Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / пер. с англ. И. Давидян. М.: АИРО-XXI, 2022. 192 с.
18. Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Родина, 2016. 605 с.
19. Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1990. 240 с.
20. Лигачев Е. Д. Борис был не прав. М.: Алгоритм, 2012. 288 с.
21. Янина П. Н. Автоматическая классификация депутатов Первого Съезда народных Депутатов СССР по фракциям на основе стенограмм выступлений // Ветер перестройки – 2022: сб. конф. / отв. ред. А. Д. Матлин. СПб.: Скифия-принт, 2023. 520 с.
22. Кудряшов Д. В. Специфика политического процесса в решении экономического вопроса на завершающемся этапе Перестройки // Ветер перестройки – 2023: сб. конф. / отв. ред. А. Д. Матлин. СПб.: Скифия-принт, 2023. 596 с.
23. Байдаков И. М. Реализация радикальной экономической реформы Ельцина-Гайдара в программах Правительства Российской Федерации // Ветер перестройки – 2022: сб. конф. / отв. ред. А. Д. Матлин. СПб.: Скифия-принт, 2023. 520 с.
24. Петренко М. С. Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Ветер перестройки – 2021: сб. конф. / отв. ред. А. Д. Матлин. СПб.: Скифия-принт, 2022. 431 с.
25. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик / С. Н. Бабурин, В. Э. Багдасарян, Л. Г. Ивашков, В. Ю. Катасонов и др. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6–41.

REFERENCES

1. Nevezhin, V. A. (2003). *Stalin's table speeches. Documents and materials*. Moscow: AIRO-XX Publ. (in Russ.).
2. Gorbachev, M. S. (1995). *Life and reforms. Kn. 1*. Moscow: News, 1995. 600 s. (in Russ.).
3. Ryzhkov, N. I. (1995). *Ten years of great upheavals*. M.: Association "Book. Enlightenment. Mercy" Publ. (in Russ.).
4. Polynov, M. F. (2010). *Historical prerequisites for perestroika in the USSR. The second half of 1940 is the first half of the 1980s*. St. Petersburg: Aleteya Publ. (in Russ.).
5. Pihoya, R. G. (2019). *Soviet Union: the history of power. 1941–1991*. Moscow: Direct Media Publ. (in Russ.).
6. Boldin, V. I. (1995). *Pedestal collapse: touches to the portrait of M. S. Gorbachev*. Moscow, Republic Publ. (in Russ.).
7. Afanasyev, Yu. N., ed. (1997). *Soviet society: emergence, development, historical finale. Vol. 2. Apogee and the collapse of Stalinism*. Moscow: RSUH Publ. (in Russ.).
8. Eliseeva, N. V. (2016). *History of perestroika in the USSR. 1985–1991*. Moscow: RSUH Publ. (in Russ.).
9. Afanasyev, Yu. N. (1997). *Soviet society: emergence, development, historical finale. Vol. 1. From the armed uprising in Petrograd to the second superpower of the world*. Moscow: RSUH Publ. (in Russ.).
10. Spitsin, E. Yu. (2022). *Politburo and Secretariat of the Central Committee in 1945–1985: people and power*. Moscow: Conceptual Publ. (in Russ.).
11. Vorotnikov, V. I. (1995). *And it was so*. M.: Council of Veterans of Book Publishing (in Russ.).
12. Zhamalutdinov, A. R. Criticism of the concept of the nomenclature revolution in the process of the collapse of the USSR. In: Matlin, A. D., ed. *Wind of perestroika – 2023*. St. Petersburg: Scythia Print. (in Russ.).
13. Prokin, D. A. (2023). August putsch as a right-wing military coup: features of perception by contemporaries. In: Matlin, A. D., ed. *Wind of perestroika – 2022*. St. Petersburg: Scythia Print (in Russ.).
14. Chernyaev, A. S. (1993). *Six years with Gorbachev*. Moscow, Progress Publ. (in Russ.).
15. Chernyaev, A., Weber, A. & Medvedev, V., eds. (2008). *In the Politburo of the Central Committee of the CPSU. According to the records of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhnazarov (1985–1991)*. Moscow: Gorbachev-Fund (in Russ.).
16. (1987). *Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, January 27–28, 1987*. Moscow: Politizdat Publ. (in Russ.).
17. Cohen, S. (2022). The Question of Questions: Was the Soviet Union Worth Saving? Moscow: AIRO-XXI Publ. (in Russ.).
18. Kara-Murza, S. G. (2016). *Collapse of the USSR. Who is to blame*. Moscow: Homeland Publ. (in Russ.).
19. Yeltsin, B. N. (1990). *Confession on a given topic*. Sverdlovsk: Central Ural Book Publ. (in Russ.).
20. Ligachev, E. D. (2012). *Boris was wrong*. Moscow: Algorithm Publ. (in Russ.).
21. Yanina, P. N. (2023). Automatic classification of deputies of the First Congress of People's Deputies of the USSR by factions based on transcripts of speeches. In: Matlin, A. D., ed. *Wind of perestroika – 2022*. St. Petersburg: Scythia Print (in Russ.).
22. Kudryashov, D. V. (2023). Specificity of the political process in resolving the economic issue at the final stage of Perestroika. In: Matlin, A. D., ed. *Wind of Perestroika – 2023*. St. Petersburg: Scythia Print. (in Russ.).
23. Baidakov, I. M. (2023). Implementation of the radical economic reform of Yeltsin-Gaidar in the programs of the Government of the Russian Federation. In: Matlin, A. D., ed. *Wind of perestroika – 2022*. St. Petersburg: Scythia Print (in Russ.).
24. Petrenko, M. S. (2022). The crisis of Soviet identity as a factor in the collapse of the USSR. In: Matlin, A. D., ed. *Wind of perestroika – 2021*. St. Petersburg: Scythia Print (in Russ.).
25. Baburin, S. N., Baghdasaryan, V. E., Ivashkov, L. G. & Katasonov, V. Yu., et al. (2021). The death of the USSR: factor foundations of a civilizational catastrophe. To the 30th anniversary of the tragic events of the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 4, 6–41 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Сергеевич Новиков (г. Москва) – аспирант кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: no.ilya2012@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya S. Novikov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: no.ilya2012@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-97-104

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ БУДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В. В. ЖИРИНОВСКОГО

Воронин Н. С.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: Nikitsvoronin13@gmail.com

Поступила в редакцию 02.10.2025

После доработки 19.10.2025

Принята к публикации 27.10.2025

Аннотация

Цель. Выявление роли семьи на становление мировоззрения В. В. Жириновского.

Процедура и методы. В основе данной статьи лежат мемуары В. В. Жириновского о жизни его семьи, а также опубликованные делопроизводственные документы (в т. ч. Ровенского окружного суда). Анализ этого корпуса источников, а также биографическая литература, посвящённая жизни и деятельности В. В. Жириновского, являются основой для изучения данной проблематики. Основным методом научного исследования стал сравнительно-исторический подход.

Результаты: Проведённый анализ показал, что именно семья сформировала характер будущего политика. Данная статья является частью первого диссертационного исследования, посвящённого формированию политических взглядов В. В. Жириновского. В ходе написания статьи обобщён значительный материал, почерпнутый из мемуаров, посвящённых данной проблематике. Впервые привлечены документы Ровенского областного архива, отражающие ряд эпизодов из профессиональной деятельности деда Жириновского – Ицхака Эйдельштейна.

Теоретическая и/или практическая значимость. Историческая значимость исследования заключается в систематизации и классификации этих данных. Практическая значимость заключается в возможности использования этих материалов в соответствующих спецкурсах в рамках преподавания новейшей истории России и политологии.

Ключевые слова: Варшава, Жириновский, Костополь, Ровенский архив, роль семьи, Саранск, черта осёдлости

Для цитирования:

Воронин Н. С. Роль семьи в формировании будущих политических взглядов В. В. Жириновского // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 97–104.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-97-104

Original research article

THE ROLE OF FAMILY IN SHAPING THE FUTURE POLITICAL VIEWS OF V. V. ZHIRINOVSKY

N. Voronin

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
e-mail: Nikitsvoronin13@gmail.com*

Received 02.10.2025

Revised 19.10.2025

Accepted 27.10.2025

Abstract

Aim. Identifying the role of the family in the formation of the worldview of V. V. Zhirinovsky.

Methodology. This article is based on the memoirs of V. V. Zhirinovsky about the life of his family, as well as published paperwork (including the Rivne District Court). An analysis of this corpus of sources, as well as biographical literature devoted to the life and work of V. V. Zhirinovsky, are the basis for studying this problem. The main method of scientific research has become a comparative historical approach.

Results. The analysis revealed that it was his family that shaped the future politician's character. It should be noted that this article is part of the first dissertation research devoted to the formation of V. V. Zhirinovsky's political views. In writing this article, significant material drawn from memoirs devoted to this topic was summarized. For the first time, documents from the Rivne Regional Archives were used, reflecting several episodes from the professional life of Zhirinovsky's grandfather, Itzhak Eidelstein.

Research implications. The historical significance of the study lies in the systematization and classification of this data. The practical significance lies in the possibility of using these materials in relevant specialized courses in the teaching of modern Russian history and political science.

Keywords: Warsaw, Zhirinovsky, Kostopol, Pale of Settlement, Rivne archive, Saransk, the role of the family

For citation:

Voronin, N. S. (2025). The role of family in shaping the future political views of V. V. Zhirinovsky. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 97–104. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-97-104

Введение

В современных исторических условиях особенно актуальным и научно обоснованным становится обращение к изучению личности в историческом процессе. Через призму выявления и выяснения политических взглядов, установок советских и российских политиков новейшего периода российской истории представляются уникальная возможность навести фокус на ключевые события политической истории России конца

XX – начала XXI вв. Одной из таких личностей, вне всякого сомнения, является Владимир Вольфович Жириновский (1946–2022 гг.), 80-летие со дня рождения которого отметят на государственном уровне. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным подписан указ о проведении в 2026 г. мероприятий, посвящённых этому событию¹.

¹ Веретенникова К., Лейба Г. Юбилей федерального значения // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RJYyf> (дата обращения: 06.09.2025).

Данная статья является первым научным исследованием, посвящённым формированию и становлению личности политика. Целью написания статьи является изучение и выявление влияния, которое оказало ближайшее семейное окружение, формирование характера, основ мировоззрения и выбор жизненного кредо В. Жириновского.

В зрелые годы В. В. Жириновский часто вспоминал сон, который видел в детстве, как он, маленький мальчик 10–12 лет, идёт мимо церкви в одной длинной рубашке и больше ничего на нём нет. Было страшно и волнительно. Этот сон запомнился. Володя почувствовал какую-то сопричастность к чему-то великому, что будет в его жизни [1, с. 16.].

Но все эти события развернутся спустя многие годы в конце 80-х гг. XX в. на волне перестройки, когда СССР будет проходить через социально-экономические реформы и политическую трансформацию. Именно в это время на политическом небосклоне взойшла звезда Владимира Жириновского как политика нового формата, яркого, эпатажного, энциклопедически образованного, владеющего тремя иностранными языками – турецким, французским, английским.

В то, что именно так и будет, верил и отец политика В. И. Эйдельштейн. Его слова, адресованные сыну, станут жизненным девизом для Владимира Вольфовича: «Я верю в твою звезду, твою судьбу»¹. И действительно, поддержка близких, семейное окружение и воспитание зачастую оказывают определяющее влияние на становление и формирование личности.

Влияние семьи на становление мировоззрения В. В. Жириновского

О родословной В. В. Жириновского известно немного. В дореволюционном составлении актов гражданского состояния царил беспорядок и хаос, отсутство-

вала какая-либо системность. Свидетельства о рождении нередко заменялись записями в церковно-приходских книгах. Часто такие записи были с ошибками, что приводило к искажению имён и фамилий. Бывали случаи ошибочного указания места и даты рождения. Сложностей добавляли и постоянные миграции и перемещения населения Российской империи.

По этому поводу спустя десятилетия В. В. Жириновский писал: «Эти вечные переезды, вечные формальности, паспорта, прописки, это можно – это нельзя, переместились через всю страну из Европы в Азию. Вся жизнь в переездах... Всю нацию посадили на колёса... Весь русский народ – на повозке, дребезжа по просёлочным дорогам, по ухабам. Весь двадцатый век. Потеряли архивы, родственные связи. Сколько людей перемешалось, потерялось»².

Для В. В. Жириновского эта проблема всегда была особенно чувствительной. Он никогда не знал своего отца. Судьба лишила его радости и возможности общения с ним. Лишь в 60 лет ему удалось найти место захоронения отца в далёком Израиле и по крупицам восстановить его биографию³.

Вольф Исаакович Эйдельштейн, отец В. В. Жириновского, родился на окраине Российской империи, в г. Костополь, неподалёку от Ровно. Фамилия в переводе на русский язык означает «счастливый камень». Эту фамилию до 18 лет носил и В. Жириновский, но перед поступлением в вуз он сменил её на фамилию отчима по рекомендации матери, знавшей о существовании в СССР так называемого «пятого пункта» [3, р. 39].

Дедом и бабушкой Жириновского по линии отца были Ицхак (Исаак) и Ривка Эйдельштейны. Несмотря на наличие

¹ Жириновский В. В. Мой отец. М.: Изд-во ЛДПР, 2007. С. 57.

² Жириновский В. В. Мой отец. М.: Изд-во ЛДПР, 2007. С. 13.

³ Жириновский нашёл в Израиле могилу отца // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RJZHu> (дата обращения 26.09.25).

ряда формальных ограничений (черта осёдлости и т. п.), в конце XIX – начала XX вв. обозначалась устойчивая тенденция к интеграции еврейского населения в экономическую, особенно в финансовую, сферу деятельности Российской империи. Значительное число промышленных предприятий, банков были основаны и находились в собственности и управлении лиц еврейской национальности. По оценке А. Менеса, «царское правительство терпимо относилось к еврейской хозяйственной активности» [4, с. 31].

К началу XX столетия 35% торговли в России было сконцентрировано в руках еврейского капитала. Это было подмечено и А. И. Солженицыным, который писал: «Уже к началу XX в. черта осёдлости себя изжила. Она не помешала евреям занять прочные позиции в самых жизненно важных областях – от экономики и финансов до интеллектуального слоя» [5, с. 304].

Не остался в стороне от этих процессов и дед Жириновского Ицхак. В 1905 г. в Костополе он основал деревообрабатывающую фабрику, на которой производились мебель и строительные материалы¹. Как позже отмечал сам В. В. Жириновский, «дом деда был одним из самых богатых в городе»².

Ицхак и Ривка Эйдельштейны растили троих детей: дочь Розу (1903 г.р.), сыновей Вольфа (1907 г.р.) и Арона (1911 г.р.)³. Первому сыну по обоюдному решению родителей было дано немецкое имя Вольф, что в переводе означает «волк». Вскоре в стране начались весьма тревожные события, перевернувшие тихую и благополучную жизнь семьи Эйдельштейнов. В 1917 г. прогремели 2 революции – февральская и октябрьская. Ицхак Эйдельштейн испытывал вполне понятное чувство тревоги за будущее своей фабрики, которая в соответствии с

декретами большевиков попадала под национализацию.

Зловещую роль не только в судьбе семейства Эйдельштейнов, но и в целом России сыграл «позорный» Брестский мир, заключённый с Германией 3 марта 1918 г., по итогам которого немцы оккупировали Украину и другие западные области России. В составе оккупированных земель оказался и г. Костополь. Спустя несколько месяцев немцы сожгли фабрику Ицхака.

Наряду с этими событиями в России набирали обороты Гражданская война и иностранная интервенция. В апреле 1920 г. началась советско-польская война, в ходе которой польские войска продвинулись вглубь Украины. В результате военных действий Польша захватила часть территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, что было зафиксировано в Рижском мирном договоре, подписанном 18 марта 1921 г. [6, с. 5–6]. В соответствии с его положениями, Ровенская область и г. Костополь вошли в состав польского государства, а члены семьи Эйдельштейнов стали польскими гражданами. Но этот крутой жизненный вираж был далеко не последним в судьбе семейства В. В. Жириновского. Ицхак попытался начать новую жизнь. В 1920 г. решил восстановить работу своей деревообрабатывающей фабрики, которую в 1918 г. сожгли немецкие оккупанты, и в 1921 г. фабрика вновь заработала. Как отмечал В. В. Жириновский, «Ицхак Эйдельштейн был человеком исключительно целеустремлённым, отличался большой работоспособностью и смог не только восстановить фабрику, но и оснастить её новым оборудованием»⁴.

Чрезвычайно интересные документы удалось обнаружить в Ровенском областном историческом архиве. На основе изучения ипотечных дел Ровенского окружного суда (судопроизводство велось на польском языке), можно сделать вывод,

¹ Жириновский В. В. Мой отец. М.: Изд-во ЛДПР, 2007. С. 57.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 25.

что И. Эйдельштейн был человеком весьма предприимчивым. Вместе с компаньоном он 18 июня 1926 г. основал компанию «Эйдельштейн и Яхнюк», которая в течение 4 лет выкупала земельные участки у жителей Костополя. К 5 ноября 1930 г. компания владела 2 гектарами земли. Под залог недвижимости брали банковские кредиты, чтобы расширять лесопильню. Из документов суда следует, что компаньоны рассчитались по всем кредитным обязательствам и вернули долги. В деле фигурирует платёжная квитанция об уплате ими полной стоимости долга 14 676 злотых¹.

В архиве сохранилась схема участка земли, на котором в 1932 г. располагалась фабрика. Общая стоимость предприятия оценивалась в 59 тыс. долларов США. Сумма на тот исторический период весьма солидная². Бизнес развивался, дети подрастали. Когда встал вопрос о получении высшего образования старшего сына Вольфа, было решено отправить его на учёбу во Францию, в Университет г. Гренобль. Такое решение было продиктовано тем обстоятельством, что получить высшее образование для еврея в Польше в то время было весьма проблематично.

Вольф Эйдельштейн поступил на юридический, а затем на агрономический факультет. Период учёбы продлился с 1925 по 1932 г.³. Он проявил себя пытливым студентом, и, помимо профессиональных знаний, будущий отец Жириновского в совершенстве овладевал французским языком. По окончании университета Вольф остался во Франции, но получив сообщение, что у матери резко ухудшилось здоровье, вернулся в Костополь.

Впереди их семью снова ждали непростые времена. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. В 1939 г. Западная

Украина, включённая в Ровенскую область с Костополем, оказалась в составе СССР.

Международная обстановка становилась всё более напряжённой. Третий рейх проводил политику откровенного геноцида в отношении еврейского населения. В этой связи правительство Советского Союза предприняло меры по эвакуации евреев из западных областей на Урал и в Среднюю Азию. Выбор перед семьёй был очень непростой. Ицхак и Ривка вместе с дочерью Розой решили остаться. Вольф с братом Ароном направились в Алма-Ату. По прибытии Вольфа отправили в трудовой лагерь как сына фабриканта⁴. Но их отъезд спас им жизнь. 16 августа 1941 г. немецкие захватчики провели в Костополе карательную операцию, печально известную как «Акция 470» (по числу разрушенных домов), в ходе которой погибли и Ицхак, и Ривка (дед и бабушка Жириновского), и сестра его отца Вольфа – Люба. Их имена внесены в список жертв Холокоста [7, с. 57].

Вторая линия рода Жириновских (материнская) носила фамилию Макаровых-Сергучевых. Дед В. Жириновского по материнской линии – Павел Иванович Макаров – был родом из уездного городка Краснослободска Пензенской губернии, расположенного на берегах р. Мокша. Основной этнический состав этих мест – это мордва, татары, русские. В советское время в соответствии с новым территориальным делением Краснослободск вошёл в состав Мордовской АССР⁵.

Семья деда принадлежала к сословию крепких крестьян среднего достатка. В своих родных местах в 1906 г. Павел встретил свою будущую жену – Фиону Никифоровну Сергучеву. Молодые люди расписались и вскоре стали счастливой многодетной семьёй. В браке у них родились 2 сына – Пётр, Василий и 3 дочери –

¹ Документы Ровенского архива были опубликованы 4 июля 2007 г. в «Комсомольской правде» (Киев, Украина).

² Там же.

³ Жириновский В. В. Мой отец. М.: Изд-во ЛДПР, 2007. С. 28–29.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ История Мордовского края. Хронология // Геопортал РГО: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RJcxU> (дата обращения: 26.09.2025).

Валентина, Анна и Александра (будущая мать В. Жириновского).

Когда в рамках партийных мероприятий В. В. Жириновский бывал в Саранске он вспоминал: «Это родина матери, и вся семья здесь жила. Мама родилась здесь и про Мокшу рассказывала. Отсюда мои корни по линии матери»¹.

Дед Жириновского, Павел Иванович, прожил короткую жизнь и скончался в возрасте 40 лет от тифа, эпидемия которого разразилась во время Гражданской войны.

Тяжёлая и полная лишений судьба ждала и Фиону Никифоровну. В годы нэпа в деревне Рузаевка она попыталась заработать, чтобы содержать большую семью. Открыла небольшую столовую. Дела шли неплохо. Кое-как удавалось сводить концы с концами. Однако, как известно, вскоре экономическая политика в СССР поменялась. Нэпманы были объявлены чуть ли не врагами нового строя, а их имущество подлежало конфискации. Фиона Никифоровна была арестована и оказалась на Соловках [3, с. 13], прошла через тяжелейшие испытания и выжила. Она дожила до 1960 г.

Из своих дедушек и бабушек В. В. Жириновский знал и помнил только бабушку Фиону. Он часто вспоминал её рассказы об испытаниях, которые она перенесла. Поэтому с детских лет Владимир многое знал о сталинских репрессиях и постепенно закладывался фундамент его будущих политических взглядов, построенных на неприятии авторитарных режимов и коммунистической идеологии.

В. В. Жириновский очень любил свою бабушку. 22 июля 2006 г., во время посещения Алма-Аты, он побывал на кладбище возле Староильинского шоссе, где похоронена Фиона Никифоровна, и почтил её память [1, с. 177].

От своих бабушки и матери В. Жириновский унаследовал многие черты исконно русского характера: открытость, готов-

ность помочь и понять беды «маленького человека», широту и доброту души, кипучую энергию, невероятное трудолюбие и огромное желание «выбиться в люди».

Ещё до своего ареста Фиона успела определить свою младшую дочь Александру в Пензенскую балетную школу, поскольку она с детства увлекалась танцами. Но в школе она чувствовала себя неуютно. В. В. Жириновский вспоминал: «Как-то раз собрали всех детей пионерского возраста, а ей сказали: “Саша Макарова, выйди из зала, мы тебя не принимаем в пионеры, ты из семьи лишённых прав”. И она ходила по городу и плакала»².

Скорее от невзгод, чем по любви, она вышла замуж в 16 лет за лейтенанта ВЧК Андрея Васильевича Жириновского. В браке на свет появилось 5 детей: Юрий, Александр, Вера, Надежда, Любовь. Имена дочерей весьма символичны. Жизнь в бытовом плане налаживалась. Муж как сотрудник органов получал приличную зарплату и хороший продовольственный паёк. В 1940 г. семья отправляется в Алма-Ату в связи с командировкой А. В. Жириновского (к этому времени уже полковника НКВД) [8, с. 23]. Однако здесь происходит трагическая случайность, изменившая всю их жизнь. Андрей Васильевич, как рассказывал Владимир Вольфович, «где-то не в том месте оставил портфель со служебными документами»³. Его уволили из органов НКВД.

При содействии родственника матери Ивана Фёдоровича Богомазова А. В. Жириновский был назначен на должность начальника лесного отдела управления Туркестано-Сибирской железной дороги. Семье выделили трёхкомнатную квартиру на улице Масанчи. Это было невероятной удачей, но счастье было недолгим. Во время Великой Отечественной войны в Алма-Ату стали прибывать беженцы. К Жириновским сначала подселили в одну комнату, потом во вторую. Квартира стала коммунальной. Александра Павловна

¹ Жириновский В. В. Мой отец. М.: Изд-во ЛДПР, 2007. С. 37.

² Там же. С. 40–41.

³ Там же. С. 52.

думала, что это на время войны, а оказалось навсегда. Владимир Вольфович так пишет о событиях тех лет: «...Андрей Васильевич вскоре заболел туберкулёзом. Тяжёлая служба в органах внутренних дел сильно подорвала его здоровье. Когда-то в Ленинграде он очень долго стоял в охране, промёрз. Обмундирование было лёгкое, простыл. Это пагубно сказалось на здоровье. И даже в этом южном краю он зачах, хотя семья хорошо питалась, было много фруктов, мяса. Два года он тяжело болел»¹.

Больного регулярно навещал его сослуживец Вольф Эйдельштейн. В 1940 г. многие польские евреи оказались в Казахстане, спасаясь от нацистов. В армию Вольфа не призвали из-за слабого зрения. Его отправили в трудовой лагерь, где он с 1941 по 1946 г. работал на железной дороге Турксиб. В 1946 г. Вольф добился статуса свободного поселенца, а А. В. Жириновский помог устроиться на работу в его лесной отдел, поскольку Вольф имел юридическое и аграрное образование.

Когда А. В. Жириновский заболел, Вольф Эйдельштейн часто навещал его, приносил лекарства. На Александру Павловну Вольф Исаакович произвёл самое благостное впечатление. Интеллигентный, хорошо образованный, вежливый, внимательный. «Она радовалась, когда он навещал её больного мужа, – пишет В. В. Жириновский, – в доме происходила какая-то психологическая разрядка»².

Однако, несмотря на хороший уход, 15 июля 1944 г. А. В. Жириновский ушёл из жизни в возрасте 44 лет [9, с. 55]. После похорон Вольф продолжал навещать Александру. Поддерживал, чем мог. Вскоре они сблизились и в 1945 г. поженились. В городском отделе ЗАГС г. Алма-Аты удалось разыскать сохранившейся документ за № 639 об этом событии³. Вскоре

от второго мужа Александра Ивановна ждала ребёнка. Но её ожидали новые жизненные испытания. В соответствии с международным соглашением Вольфа Исааковича обязали вернуться в Польшу, гражданином которой он являлся с 1920 г.

Известие об отъезде мужа вызвало преждевременные роды, которые до приезда скорой помощи принимал дядя Иван Фёдорович Богомазов, перерезавший кухонным ножом пуповину у новорождённого⁴. 25 апреля 1946 г., в день рождения их общего сына Владимира, Вольф Эйдельштейн уезжает из Алма-Аты и навсегда покидает СССР. Много лет спустя В. В. Жириновский вспоминал: «Я начал свою жизнь сразу наперекор судьбе и всем тогдашним правилам» [10, с. 31].

После отъезда мужа Александра Павловна горевала, целыми днями плакала. И через 3 месяца, в июле 1946 г., взяв новорождённого Володю, она отправилась в Варшаву, где провела 2 недели. Вольф предлагал ей остаться, но это было невозможно. В Советском Союзе её ждали 5 детей [11, с. 7]. Александра Павловна звала мужа с собой, но в советском посольстве в Варшаве ей сказали, что ей разрешён въезд в СССР, а Вольфу в этом было отказано⁵. К 1946 г. она потеряла окончательно связь со своим мужем, поскольку в СССР подозрительно относились к тем, кто имел контакты за рубежом. На фото, подаренном Александре в Варшаве, Вольф написал пожелание, ставшее жизненным девизом для сына: «Верь в свою звезду, свою судьбу»⁶.

¹ Жириновский В. В. Мой отец. М.: Изд-во ЛДПР, 2007. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Фотоприложения к книге В. В. Жириновского «Мой отец».

⁴ Отец Жириновского Вольф Исаакович Эйдельштейн (1907–1983): биография // FB: [сайт]. URL: <https://clcl.li/bygig> (дата обращения: 26.09.2025).

⁵ Фабриканты и энпманы. Что известно о предках Владимира Жириновского? // Life: [сайт]. URL: <https://life.ru/p/1095735> (дата обращения: 26.09.2025).

⁶ Нилов Я. Е. Владимир Жириновский всегда больше думал о других, чем о себе // ЛДПР: [сайт]. URL: <https://ldpr.ru/event/217863> (дата обращения: 26.09.2025).

Заключение

В ходе проведённого исследования был осуществлён анализ семейных истоков политического феномена российского государственного и политического деятеля Владимира Вольфовича Жириновского, ушедшего из жизни 6 апреля 2022 г. Были изучены биографии членов семьи Жириновского по материнской и отцовской линии, влияние их судеб, черт характеров на формирование личности

будущего политика, дана характеристика и краткий обзор исторических периодов, в которых проходила жизнь ближайшего семейного окружения В. В. Жириновского.

На основе изучения обширного биографического материала установлено, что многие черты характера членов семьи В. В. Жириновского были унаследованы им и получили практическую реализацию в зрелые годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяков И. В. Москва эпохи Жириновского. М.: Империя Игоря Дьякова, 2016. 264 с.
2. Жириновский В. В. Русский вопрос. Пути решения. М.: б.и. 1997. 64 с.
3. Kartsev V., Bludeau T. Zhirinovskii Vladimir. NY: Columbia University Press, 1995. 198 p.
4. Менес А. Еврейский вопрос в Восточной Европе. М., 1939, 313 с.
5. Солженицын А. И. Двести лет вместе. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. 514 с.
6. Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924 гг. М.: Наука, 1974. 288 с.
7. Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941–1944 гг. Хроника событий. Могилёв-Подольский, 1997. 185 с.
8. Плеханов С. Н. Жириновский. Кто он? М.: БИМПА, 1994. 224 с.
9. Андреев А. Р., Андреев М. А., Неистовый Жириновский. Политическая биография лидера ЛДПР. М.: Центрполиграф, 2016, 210 с.
10. Намозов А. Жириновский. Возвращение к истокам. Ровно, 2009. 303 с.
11. Жириновский В. В. Жириновский навсегда. М.: Изд-во ЛДПР, 2023. 538 с.

REFERENCES

1. Dyakov, I. V. (2016). *Moscow of the Zhirinovsky era*. Moscow: Empire of Igor Dyakov Publ. (in Russ.).
2. Zhirinovskiy, V. V. (1997). *Russian question*. Solutions. Moscow. (in Russ.).
3. Kartsev, V., Bludeau, T. (1995). *Zhirinovskii Vladimir*. NY: Columbia University Press.
4. Menes A. The Jewish Question in Eastern Europe. M., 1939, 313 p. (in Russ.).
5. Solzhenitsyn A.I. Two hundred years together. VOL. 1. M.: Russian Way, 2001. 514 p. (in Russ.).
6. Olshansky, P. N. (1974). *Riga Treaty and the development of Soviet-Polish relations 1921–1924*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
7. Kruglov, A. I. (1997). *Destruction of the Jewish population of Ukraine in 1941–1944. Chronicle of events*. Mogilev-Podolsky (in Russ.).
8. Plekhanov, S. N. (1994). *Zhirinovskiy. Who is he?* Moscow: BIMPA Publ. (in Russ.).
9. Andreev, A. R. & Andreev, M. A. (2016). *Furious Zhirinovskiy. Political biography of the leader of the Liberal Democratic Party*. Moscow: Centerpolygraph Publ. (in Russ.).
10. Namozov, A. (2009). *Zhirinovskiy. Return to roots*. Rovno (in Russ.).
11. Zhirinovskiy, V. V. (2023). *Zhirinovskiy forever*. Moscow: Liberal Democratic Party Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронин Никита Сергеевич (г. Москва) – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
e-mail: Nikitsvoronin13@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Voronin (Moscow) – Postgraduate student, Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: Nikitsvoronin13@gmail.com

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-105-116

РЕГИОНАЛЬНОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Суханова Н. И.^{1*}, Литвинов В. П.², Золотарёв В. А.³

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

² Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

г. Елец, Российская Федерация

³ Российская академия естественных наук

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.09.2025

После доработки 29.09.2025

Принята к публикации 10.10.2025

Аннотация

Цель. Выявление особенностей эволюции массового сознания разных слоёв полиэтнического пространства Северного Кавказа в условиях развития революционного процесса в России в начале XX в.

Процедура и методы. Опора при анализе архивных документов и исторической литературы на метод системно-функционального анализа содействовал определению места и роли Северного Кавказа в системе российских социально-политических процессов. Использование компаративного метода позволило выявить уникальность регионального восприятия эпохи революций, разобраться в системе причинно-следственных связей участия местного населения в революции.

Результаты. Анализ использованных источников подвёл к выводу о том, что, несмотря на доиндустриальный уровень развития народов Северного Кавказа, они, в силу географических и социокультурных особенностей региона, понимали важность социального и межэтнического компромисса. Этим объясняется демократическая направленность требований, как элиты, так и рабоче-крестьянской среды. Поэтому большинство населения региона поддержало Февральскую революцию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Подтверждён и обоснован вывод о неразрывности исторических судеб России и Северного Кавказа, несмотря на периодическую дискретность взаимоотношений. Опыт взаимодействия и взаимовлияния центра и региона важен для выявления факторов, содействующих росту интеграционных возможностей развития российского сообщества в условиях меняющегося миропорядка.

Ключевые слова: интеллигенция, казачество, крестьянство, рабочий класс, революция, Северный Кавказ

Для цитирования:

Суханова Н. И., Литвинов В. П., Золотарёв В. А. Региональное массовое сознание в условиях революционной России начала XX в. (на материалах Северного Кавказа) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 105–116. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-105-116

Original research article

REGIONAL MASS CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF REVOLUTIONARY RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

N. Sukhanova^{1*}, V. Litvinov², V. Zolotarev³

¹ State University of Education
Moscow, Russian Federation

² Yeletsy State University named after I. A. Bunin
Yelets, Russian Federation

³ Russian Academy of Natural Sciences
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Received 12.09.2025

Revised 29.09.2025

Accepted 10.10.2025

Abstract

Aim. To identify the evolution of mass consciousness among different strata of the multi-ethnic space of the North Caucasus in the context of the development of the revolutionary process in Russia at the beginning of the 20th century.

Procedure and methods. The use of the system-functional analysis method in the analysis of archival documents and historical literature helped to determine the place and role of the North Caucasus in the system of Russian socio-political processes. The use of the comparative method allowed us to identify the uniqueness of the regional perception of the era of revolutions and to understand the system of cause-and-effect relationships of the local population's participation in the revolution.

Results. The analysis of the sources used led to the conclusion that, despite the pre-industrial level of development of the peoples of the North Caucasus, they understood the importance of social and interethnic compromise due to the geographical and sociocultural characteristics of the region. This explains the democratic nature of the demands of both the elite and the working-class population. Therefore, the majority of the region's population supported the February Revolution.

Research implications. The conclusion about the continuity of the historical destinies of Russia and the North Caucasus was confirmed and substantiated, despite the periodic discreteness of the relationship. The experience of interaction and mutual influence of the center and the region is important for identifying factors that contribute to the growth of integration opportunities for the development of the Russian community in a changing world order.

Keywords: intelligentsia, Cossacks, peasantry, working class, revolution, North Caucasus

For citation:

Sukhanova, N. I., Litvinov, V. P. & Zolotarev, V. A. (2025). Regional mass consciousness in the conditions of revolutionary Russia at the beginning of the 20th century (Based on the Materials of the North Caucasus). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 105–116.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-105-116

Введение

Перспективы развития нашей страны неразрывно связаны с судьбой всех народов, издавна входящих в состав России. Цивилизационной особенностью России является значимая роль регионов в общероссийском историческом процессе. Этим определяется важность государственной национальной политики, призванной содействовать формированию современного многонационального демократического государства. Несмотря на периферийное географическое положение Северного Кавказа, он всегда являлся регионом, занимающим в государственной политике и общественном дискурсе России одно из важных мест. Это касается проблем не только внутренней политики, но и геополитического контекста. Опыт совместного прохождения через многие исторические эпохи, особенно в кризисные времена, является необходимым для выявления условий и факторов, содействующих поиску интеграционных составляющих развития консолидированного многонационального государства.

Реакция населения Северного Кавказа на события революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны

В начале XX в. в России стали утверждаться буржуазные отношения. Новые социально-хозяйственные элементы в меньшей или большей степени проявлялись в развитии национальных окраин. Модернизация происходила во всех сферах, в т. ч. и в потребности осознания собственного статуса в системе российской государственности. Эта эволюция в силу ряда причин обрела революционный характер. Оппозиционные настроения проявлялись широким спектром – от недовольства крестьянства в вопросах земли до политических в интеллигентских, предпринимательских, военных кругах. И хотя до появления Манифеста 17 октября на Северном Кавказе политические партии не формировались ор-

ганизационно, политические интересы в указанных кругах были пёстрыми – от умеренно-либеральных до радикально-революционных. Только на собственно славянских территориях организовывались единые партии социалистов-революционеров и социал-демократов. Имели место политические требования, выдвигаемые местными Советами.

Устав Совета рабочих депутатов Новороссийска допускал руководство политической борьбой с самодержавием и наличие в отдельном регионе государственного образования, действующего до созыва Учредительного собрания, созданного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с целью учреждения в России демократической республики. А Новороссийская городская Дума рассматривала вопрос об оказании помощи бастующим рабочим¹. Промышленные рабочие Ростова-на-Дону, Екатеринодара, Грозного, Владикавказа принимали активное участие в антиправительственных выступлениях. Мощная и длительная забастовка на Владикавказской железной дороге охватила весь регион.

После 9 января 1905 г. активизировались выступления крестьянства, в т. ч. и горского. В октябре 1905 г. Веденской, Грозненский и Хасав-Юртовский округа Чечни были объявлены на военном положении. По признанию начальника Терской области в это время не остались глухими к революционной пропаганде даже некоторые казачьи станицы, где вели агитацию рабочие. Восходящие потоки в развитии революции набирали силу [1, с. 224]. Нередкими были случаи помощи местных крестьян бастующим рабочим. Несмотря на то, что значительная часть горского крестьянства находилась в феодално-зависимых отношениях, активность чеченских и осетинских крестьян, отказавшихся платить подати, была результативной.

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 169.

Летом 1905 г. в Терской области назначение правительственных старшин заменили их избранием на сельских сходах. В Дагестане летом 1906 г. 40 аулов Табасаранского округа выступили с отказом выполнять предписанные повинности. Активность дагестанского крестьянства нарастала и после 1907 г. Помимо отказа исполнять повинности, крестьяне писали жалобы в высшие инстанции на своих хозяев¹. Выступления крестьян с требованием перераспределения земли были преобладающими и достаточно активными. Нередко дело доходило до захвата помещичьих земель, погромов, порубки лесов, отказов от выплаты повинностей. Имели место многочисленные выступления рабочих, но требования их касались в значительной степени экономических вопросов. Массовые митинги проходили в аулах и казачьих станицах Кабардино-Балкарии, несмотря на то, что здесь до 1917 г. не было организации РСДРП. В период обострения революционной активности в 1906 г. в Кубанской области было введено военное положение, отменённое только в 1909 г. Оно распространялось и на горские территории Карачая и Черкессии.

Потребность этнической идентификации в годы революции 1905–1907 гг. в условиях модернизационных перемен рождала элементы психологического дистанцирования от российского государства как государства русских. Формирование национального компонента добавляло активности местному населению и становилось объединяющим северокавказское население фактором. Росту антирусских настроений содействовал новый избирательный закон, принятый после роспуска II Государственной Думы, где от горских народов был 1 депутат – чеченец. В последующих составах Думы горцы не были представлены. Кочевые народы были лишены избирательных прав.

Недовольство политикой России усиливало антирусские настроения, стали распространяться идеи пантюркизма и панисламизма. Если в предреволюционный и революционный период главные чаяния населения Северного Кавказа сводились к вопросам экономическим, то влияние модернизационных процессов и общероссийских революционных событий содействовало вызреванию политического компонента в мировоззрении сообщества южной окраины России. Результатом становилась усиливающаяся политизация общественного сознания населения Северного Кавказа. Основой Горского национального движения была местная элита, интегрированная в российское социокультурное, политико-правовое пространство, а также в элитарную военную среду. Они стремились к позитивным переменам в жизни своего народа в составе России и выдвигали общероссийские требования демократических преобразований. Ориентация на Россию светской интеллигенции не содействовала формированию её консенсуса с мусульманским духовенством [2, с. 358].

События первого десятилетия XX в. обнаружили неспособность общероссийской государственной власти к урегулированию всех общественно-политических и хозяйственных вопросов. Политическая активность славянского населения Северного Кавказа, активизация протестных движений среди горцев и инородцев вынудили возобновить институт наместничества в регионе с предоставлением его главе – графу И. И. Воронцову-Дашкову – прав Главноначальствующего. Ему предоставлялись полномочия на проведение определённых преобразований в военной, земельной, общественно-хозяйственной, административно-территориальной, социальной, судебной, культурной сферах. Их цель состояла в укреплении позиций России в регионе. Планируемые реформы были прогрессивными. С одной стороны, они содействовали росту влияния

¹ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 1. Д. 43-а. Л. 2. 17.

Российского государства на Кавказе, с другой – позитивным переменам в жизни населения Кавказа. Но их реализации не произошло. Политическая модернизация также пока ещё не стала реальностью для Северного Кавказа.

Несмотря на то, что многочисленные проблемы южной провинции рассматривались на заседаниях I и III Государственных Дум, практической реализации проектов не произошло¹. Столыпинская реформа реализовывалась только в Ставропольской губернии. На территории горских и кочевых народов реформа не проводилась. Если учесть, что эти категории населения имели самые маленькие наделы, то можно понять тот факт, что социальная активность, приостановленная в 1907 г., заново усилилась в 1909–1910 гг. Пёстрый этнический и социальный состав Северного Кавказа, жёсткое следование нормам собственной идентичности в условиях нарастания системного кризиса, неспособность власти решать земельный и национальный вопрос, сформировали в регионе сложнейший узел противоречий. В таком состоянии население Северного Кавказа было вовлечено в Первую мировую войну.

Военные мобилизации, изъятие продовольствия, фуража, реквизиции лошадей и скота лишали население необходимого потенциала для существования. От 6% в горских округах до 31% в Терской области мужского населения ушло на войну, до 25% поголовья скота иъяли только за половину 1916 г.². Увеличение количества повинностей, рост цен на продукты первой необходимости – на Кубани подорожание хлеба в 2 раза, масла в 6 раз; в Дагестане в 5–6 раз общее подорожание продуктов – угрожали, по словам начальника Кубанской области, довести недостаток продовольствия «до степени голода»³.

Политика в отношении горцев строилась следующим образом. В первую очередь призывались горцы: христиан и мусульман от 19 до 43 лет призывали в армию по решению схода или для обслуживания работ⁴. Их хозяйства оставались без главных работников.

Основная часть инородческого населения не считала эту войну своей. Ответом стало немалое количество выступлений против мобилизационной политики. Более 4000 вооружённых крестьян Караногайского и Хасавюртовского округов поднялись против мобилизационной политики. Крестьяне Кабарды, Балкарии, Чечни, Ингушетии тоже выступили против военных побороов⁵.

Но имела место и другая сторона участия горских народов в военных событиях. На основании высочайшего приказа из числа добровольцев сформировали 6 полков четырёхсотенного состава, ставших основой известной «Дикой дивизии». Служба в ней давала хорошее денежное содержание и особые условия. Между тем и кавказскую военную элиту не миновала революционная пропаганда, что вносило элементы межнациональной розни и недовольство властью. В солдатской среде активной была антиправительственная пропаганда. Война содействовала переменам в общественном сознании всех слоёв общества.

Между тем война содействовала и росту кооперации, товарного производства и предпринимательства. На фоне обнищания слабых хозяйств это усиливало дифференциацию и рост классового противостояния. Массовыми становились дезертирство, бандитизм и маргинализация определённой части общества. В горских и инородческих регионах последняя не распространялась в силу традиционалистского сознания. Пройдя через поразительную войну, милитаризованное

¹ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

² ГАСК. Ф. 1734. Оп. 2. Д. 1. Л. 6

³ ГАСК. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.

⁴ ГАСК. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

⁵ Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-Алания) Ф. 9. Оп. 1. Д. 24. Л. 77.

массовое сознание наполнялось агрессией и поиском виновных, шёл процесс десакрализации высшей власти. Осенью 1917 г. провалилась попытка царских властей сформировать ещё одну дивизию из горцев и создать из двух дивизий Кавказский туземный конный корпус¹.

Влияние Февральской революции 1917 г. на развитие национальных движений горских народов

Первая мировая война содействовала развитию революционных процессов в государстве и обществе, в т. ч. и усилению регионального политического процесса.

События февраля 1917 г. побудили местное население максимально использовать перемены для реализации собственных целей. Местная власть, поначалу боясь волнений, не торопилась оповещать население об отречении императора. Но население региона, узнав о случившемся, активно приветствовало перемены. Среди славянской части общества региональная демократическая интеллигенция активно поддержала отречение Романовых в надежде на Учредительное собрание. Она играла видную роль не только в общероссийских, но и в региональных социокультурных и политических процессах. Её представители пользовались уважением и авторитетом во всех регионах Северного Кавказа. Политическое влияние на местное сообщество тоже имело место. Деятельность политических партий активизировала выступления местного населения, участие в демонстрациях и митингах в поддержку новой власти. Между тем в защиту самодержавной власти тоже прошли митинги в Екатеринодаре, Ессентуках и ряде других городов [3, с. 113].

Казачество, приняв присягу Временному правительству, тем не менее опасалось, что перемены могут изменить их статус в государстве и права на войсковые

земли. Оно раскололось на сторонников и противников нового устройства. При том, что на места направлялись комиссары Временного правительства, реальная власть сосредоточилась в руках казачьих властных структур – станичных и хуторских правлений во главе с их атаманами. В редких случаях в станицах действительной властью обладали исполкомы Советов. Но и они действовали в одном русле с казачьими органами. Оказав значительное влияние на сознание казачества, революция содействовала трансформации его традиционных социально-политических взглядов и настроений в сторону демократических преобразований. Это было свойственно в значительной степени армейскому казачеству. Для них «крушение самодержавия ассоциировалось с окончанием ненавистной войны» Между тем казачество проявило единство в вопросах сохранения традиционных норм службы, землепользования и быта.

Местное коренное крестьянство и иногородние активизировались в выступлениях за решение земельного вопроса. Они требовали изъятия помещичьих и церковных земель, снижения арендной платы за землю. Так, в мае 1917 г. на съезде крестьянских и казачьих депутатов в Армавире было принято решение о передаче земли крестьянской и казачьей бедноте². В ряде мест проявлялась крестьянская инициатива по формированию собственных Советов. Волостные сходы сёл Летницкого, Медвежьего, Ладовской Балки, Белой Глины и др. в Ставропольской губернии приняли такие решения³. Весной 1917 г. на Северном Кавказе началось воссоздание Крестьянского союза, на съездах которого рассматривались вопросы, связанные с землёй.

Декларирование Временным правительством демократических приоритетов, уважения прав и свобод всех народов страны, преодоление всех несправедливостей и произвола царского

¹ ГАКК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

² ГАКК. Ф.р. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³ ГАСК. Ф.р. 1567. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

режима содействовало тому, что горское движение в самом начале чётко обозначило себя как элемент демократических преобразований, шедших в России в целом. Эта концепция была озвучена на Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. **Главной задачей съезда было решение проблемы самоопределения мусульманских народов России** путём создания демократической республики российских мусульман на федеративной основе. Народам, не имеющим территории, предлагалось предоставить право национально-культурной автономии. Весь спектр требований – национальная армия, образование на родном языке и др. – был направлен на фактическую самостоятельность, но под крылом России. Эта позиция мусульманской элиты будет проявляться на протяжении всей последующей истории многонационального государства.

Длительный процесс совместного проживания на территории Северного Кавказа формировал новый тип исторического сознания, как горского населения, так и русских, проживающих в регионе. У представителей славянского этноса формировалось регионалистское сознание. Глубинная горская среда, вращаясь в общероссийские процессы, сочетала следование своему традиционализму с элементами общероссийского сознания. Так шёл процесс складывания специфической двойной идентичности. Следует учитывать и тот факт, что на территории Северного Кавказа проживали степные кочевые народы: ногайцы, калмыки, туркмены, называемые инородцами. В торговой и социальной сферах преобладали греки, евреи, армяне. В ходе войны в регионе оседали пленённые представители восточно-европейских народов. К тому же это была контактная зона, зона фронта, т. е. исторической нестабильности изначально. При этом все народы региона имели неоднородный социальный состав. Ещё одной провокационной составляющей являлась пёстрая конфессиональная

картина. Все эти черты военно-революционной эпохи усиливали конфликтообразующий потенциал Северного Кавказа.

И, несмотря на особый тип поведения коренного горского населения, выражавшийся в демонстрации своей исключительности, маскулинности в силу длительной изолированности и необходимости сохранения этносов, здесь формировались общие черты северокавказского общества, сложная система взаимовлияния, как основа органичного, устойчивого его функционирования. Именно этим определялись особенности политических процессов в регионе. Такой социально-политический потенциал содействовал превращению Северного Кавказа в субъект политических процессов в Российском государстве. С одной стороны, формы проявления гражданского конфликта в регионе были наиболее острыми и протяжёнными. С другой – при всей многомерности северокавказское общество понимало цену стабильности, социального компромисса, необходимости рационального подхода к разрешению противоречий. Иначе оно не смогло бы столько веков просуществовать на столь незначительной по размерам территории. В этом состояла определяющая особенность развития Северного Кавказа. Но, будучи вовлечёнными в общероссийские процессы, он не остался в стороне от судьбоносных для страны и региона событий.

Наибольшую активность проявила горская политическая элита. Формируясь на русской культурной почве или в системе государственной или военной службы, она понимала необходимость создания регионального политического центра. Стремясь сформировать широкую социальную базу преобразований, её лидеры создали «Союз объединённых горцев», в руководстве которого были представлены все горские народы и инородцы. Его работа была направлена на подготовку и проведение национальных съездов, которые бы подготовили общий

съезд горских народов Кавказа. Эти съезды приветствовали создание демократической власти в центре и на местах.

В мае 1917 г. на I съезде горских народов и казачества была утверждена Конституция Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. Были приняты также резолюции об отношении к войне, Временному правительству, другим народностям, о народной милиции, чиновниках, офицерах, отмене всех национальных ограничений, праве ношения оружия, представительстве в Учредительное собрание, реформе школьного образования, печатном органе ЦК Союза и т. д. [4, с. 8]. Важнейшую задачу делегаты видели в организации национального самоуправления в составе России.

В. Г. Джабагиев – общественно-политический деятель, учёный, автор Декларации независимости Горской республики, ещё в 1905 г. высказывал идею автономного самоуправления Кавказом. Лозунг «автономия есть форма государственности» стал существенным историческим фактором национального самосознания народов Северного Кавказа. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что теоретически «неидентифицированный» концепт даже сейчас является краеугольным для интерпретации многих проблем исторического опыта народов региона [5, с. 115]. И хотя в практической плоскости вопрос автономии ещё ставить было рано, политическая элита готовилась к его реализации. Между тем, российские партии не рассматривали этого вопроса.

В политических исканиях региональных лидеров не было единства. Съезд признал необходимым избрать Верховного муфтия Северного Кавказа – Н. Гоцинского, что отражало важнейшую роль ислама среди местного населения. Это содействовало укреплению группировок, настаивавших на теократических основах автономно-федеративного устройства в составе демократической России. В Дагестане и Чечне было немало сторонников воссоздания имамата – шариатского

государства – как гарантии охранения от революционной анархии. Интересным, но исторически обусловленным представляется переплетение религиозных и демократических взглядов на процесс преобразований. Так, национально-религиозное движение в Дагестане выдвигало лозунги «хурият» (свобода), «шариат» (справедливость), «муссават» (равенство) [6, с. 297]. Между тем, на Северном Кавказе, в отличие от других мусульманских регионов, не произошло слияние действий политической элиты с исламскими лидерами. Решение аграрного вопроса съезд оставил до Учредительного собрания.

Послефевральская революционная стихия обострила все проблемы региона, начался беспрецедентный по активности и напору поиск путей их решения как со стороны представителей модернизационно настроенных, так и консервативных горских элит. Революция дала мощный толчок и структуризацию национального движения на окраинах бывшей империи, в том числе и на Северном Кавказе. В условиях рассматриваемого региона революционно-демократическое движение, в отличие от центральных районов России, выходило за классовые рамки и имело внутри себя чрезвычайно важный национальный компонент, отражая не только классовые, но и не менее значимые в данных условиях национальные проблемы [7, с. 47].

Революционное время представляет собой сконцентрированный процесс перемен, не всегда зависящих от субъективных факторов. Собственная логика этих перемен часто опережает действия заинтересованных структур и лиц. Многое ставится в вину Временному правительству, в т. ч. и недооценка национального вопроса и промедление в его разработке и тем более реализации. Но слишком много проблем стояло перед новой властью в столь сложной стране. Только в сентябре 1917 г. оно опубликовало декларацию с обещанием самоопределения на основе решений будущего Учредитель-

ного собрания. К этому времени революционное нетерпение народов России уже формировало собственные проекты. А социалистические партии выступали под лозунгом самоопределения задолго до февраля. Тем не менее интересы северокавказских, и не только, народов получили шанс на реализацию национально-государственных амбиций.

Северный Кавказ после Октября 1917 г.

Промедление не повлияло на процесс формирования региональных представительных органов. Отсутствие информации из столицы воспринималось как акт полного доверия местной инициативе. Советы, городские Думы, различные формы местного самоуправления, наличие казачьих и горских политических центров, пытавшихся руководить на местах – всё это порождало путаницу, противоречия и политическое противостояние. Продолжала оставаться угроза «растаскивания» власти в регионе. Также бессистемно и стихийно на местах реализовывались захваты земли. Осенью 1917 г. социально-экономическая и политическая ситуация на Северном Кавказе вышла из-под контроля как центральных, так и региональных органов власти. Казачество стало активно выступать против новых властных структур, пытаясь восстановить собственные формы самоорганизации. Атаман А. М. Каледин объявил на Дону о принятии всей власти и борьбе против Советов. Генерал А. И. Дутов как войсковой атаман объявил о принятии всей власти казачьим Войсковым правительством [8, с. 11]. После попыток Л. Г. Корнилова удержать страну от новой революции в некоторых городах Северного Кавказа были созданы Комитеты спасения революции. Но рост влияния большевиков был очевиден. В сентябре 1917 г. во Владикавказе, Пятигорске, Кисловодске, Грозном, Минеральных водах активизировалась их пропаганда и выступления [9, с. 88].

Попыткой сохранить самостоятельность вне анархии, усилившейся в России, стало создание второго октября 1917 г. «Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», поставившего целью объединение антибольшевистских сил от Дона до Урала. В середине октября 1917 г. его представители выдвинули предложение о скорейшем создании Российско-Демократической Федеративной республики¹. Это предложение характеризует задачи Союза, стремящегося к субъектности южных российских регионов в составе демократической России. После 25–26 октября 1917 г. они объявили о непризнании советской власти. Подобная картина имела место при выборах в Учредительное собрание на Кавказе. Половину голосов отдали праволиберальным силам, 40% голосов было у умеренных социалистов, десятая часть избирателей проголосовала за большевиков [10, с. 125].

По мере того, как большевики начали реализацию социальной, национальной, репрессивной политики и утверждение советских форм государственности, раскол северокавказского общества становился всё осязаемее. Формировалась система казачьего управления, было создано Терско-Дагестанское правительство. ЦК Союза объединённых горцев объявил себя «Горским правительством», провозгласившим принцип автономии входивших в неё народов. Важнейшим вопросом оно считало земельный. Но его решение за счёт казачьих земель при том, что собственно у горцев земли было крайне мало, было невозможным.

В 1919 г. правительство прекратило своё существование. Часть населения не признавало Терско-Дагестанского правительства, обвиняя его в неуважении к выборам в Учредительное собрание. В той ситуации, когда рушилась прежняя система центральной власти, рушился

¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). ГАРО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 94. Л. 61.

и интеграционный потенциал, который являлся частью цивилизационных особенностей Северного Кавказа. Даже обращение к Турции за помощью не разрешило ситуации. Этот факт подтверждает, что историческое пребывание региона в орбите российской политики создавало условия для его существования и развития. Центростремительные тенденции не были реализованы, хотя отношение к большевикам у значительного количества местного населения было выжидательно-нейтральным.

Общность исторических судеб народов Северного Кавказа и России доказывала свою жизнестойкость в разные эпохи и при разных режимах, несмотря на значительные сложности и проблемы в выстраивании отношений. Дальнейшая политика большевиков, сочетание в ней методов насилия, согласия и побуждения к конформизму, понимание ими важности региона для развития мировой революции вширь, сделали своё дело. В мае 1918 г. на III съезде народов Терека была принята резолюция, признавшая неразрывную связь с Россией и советскую власть. Но на съезде также была провозглашена независимая Горская республика. Алгоритм общественного регионального сознания всегда утверждал национальную парадигму: мы в России, но мы самостоятельны.

Заключение

Массовое сознание северокавказского населения за первые 12–15 лет XX в. сделало эволюцию в сторону формирования общественного сознания. Групповые интересы разных этнических и социальных групп стали приобретать общерегиональные черты с объективным набором требований. Помимо этого эволюция проявлялась в переходе от хозяйственно-экономических требований к политическим в отношении местных и общегосударственных институтов, системы землепользования, проблем войны, культуры, образования и многих других.

События первых двух революций в России не усилили сепаратистских настроений северокавказского общества. Напротив, решение важнейших вопросов жизни большинство населения региона связывало с Учредительным собранием. Интегрированная в русское социокультурное пространство местная интеллигенция пыталась реализовать либерально-демократические взгляды на поиск форм автономии горских народов в составе федеративного российского государства. Местное крестьянство, составлявшее основную часть населения, сохраняло имперски-иерархичное ментальное сознание, которое содействовало пророссийской ориентации и утверждению федеративной Российской Республики. Славянское население Северного Кавказа, казачество и инородцы позитивно восприняли переход к новым формам государственного устройства.

Между тем, сложность в решении проблем национальной политики состояла в том, что единого рецепта для всех народов быть не могло. В этом состояла опасность роста националистических движений с собственными институциональными проектами. Открывались перспективы или распада, или гражданской войны. Неспособность Временного правительства удержать страну от распада стала одной из предпосылок прихода к власти большевиков. Большевицкая пропаганда умело делала ставку на прогрессивные национальные лозунги, которые срабатывали почти автоматически, особенно среди представителей «низов». Но реальная практическая деятельность партии начала содействовать росту сепаратизма народов Северного Кавказа. Большая часть интеллигенции металась от одного лагеря к другому, пытаясь приспособиться и выжить.

В конечном итоге они признали победу «красных», в глубине души оставаясь несогласными с новым строем [11, с. 91]. Местное крестьянство вынуждено пошло за своими лидерами. Казачество и

славянская часть населения региона оказались в состоянии раскола. Оставшаяся в России их часть тоже пошла за советской властью.

Все исторические вызовы, перед которыми оказывались Россия и Северный Кавказ, разрешались в той или иной степени их совместными усилиями. При этом, несмотря на все сложности означенного революционного периода и

чаяния северокавказского населения о земле, свободе, автономии и т. д., Россия оставалась тем якорем, который притягивал Северный Кавказ на протяжении нескольких столетий, в системе отношений с которым формировался особый тип взаимосвязи и взаимозависимости. Россия и Северный Кавказ нуждались и нуждаются друг в друге по настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарчиева С. В. Государственная дума и формирование новых национальных политических элит на Северном Кавказе (1906–1917 гг.) // *Власть*. 2020. № 6. С. 220–225.
2. Габдрафикова Л. Р. Рецензия на монографию: Матиев Т. Х. Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921). Назрань, 2020 // *Историческая этнология*. 2021. Т. 6. № 2. С. 355–362.
3. Турпалов Л. А. Влияние Февральской буржуазно-демократической революции на процессы политической дифференциации прессы Северного Кавказа // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2019. № 4. С. 112–116.
4. Даудов А. Х., Месхидзе Д. И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа 1917–1924 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 224 с.
5. Кажаров А. Г. Союз объединённых горцев и проблема автономии народов Северного Кавказа в 1917–1920 гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3. С. 112–117.
6. Сулаев И. Х. Февральская революция 1917 г. в Дагестанской области: общественно-политическая ситуация // *Великая война 1914–1918 гг. и Кавказ* / отв. ред. Н. Н. Гарунова. Махачкала, 2016. С. 296–301.
7. Матиев Т. Х. Роль горского национального движения в революциях и Гражданской войне в России (1917–1921): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2022. 61 с.
8. Волобуев О. В. 1917 год в России: хроника революционного процесса // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2017. № 5. С. 8–14.
9. Невская Т. А. и др. Очерки истории Кавказа: XX век. Пятигорск-Ставрополь: ПГЛУ, 2014. 354 с.
10. Кулиев Фарман Муруват оглы. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 г. (февраль–октябрь). Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 141 с.
11. Тучин В. А. Надежды и тревоги представителей российской интеллигенции между Октябрьской революцией и выборами в Учредительное собрание // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2016. № 3. С. 84–93.

REFERENCES

1. Darchieva, S. V. (2020). State Duma and the formation of new national political elites in the North Caucasus (1906–1917). In: *Power*, 6, 220–225 (in Russ.).
2. Gabdrifikova, L. R. (2021). Review of the monograph: Matiev T. Kh. Mountain national movement in revolutions and the Civil War in the North Caucasus (1917–1921). Nazran, 2020. In: *Historical ethnology*, 6-2, 355–362 (in Russ.).
3. Turpalov, L. A. (2019). The influence of the February bourgeois-democratic revolution on the processes of political differentiation of the press of the North Caucasus. In: *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 4, 112–116 (in Russ.).
4. Daudov, A. Kh. & Meskhidze, D. I. (2009). National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus 1917–1924. St. Petersburg: St. Petersburg. University Publ. (in Russ.).
5. Kazharov, A. G. (2011). Union of United Highlanders and the problem of autonomy of the peoples of the North Caucasus in 1917–1920. In: *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13-3, 112–117 (in Russ.).

6. Sulaev, I. Kh. (2016). February Revolution of 1917 in the Dagestan region: socio-political situation. In: Garunova, N. N., ed. *The Great War of 1914–1918 and the Caucasus*. Makhachkala, 296–301 (in Russ.).
7. Matiev, T. Kh. (2022). *The role of the mountain national movement in revolutions and the Civil War in Russia (1917–1921): [dissertation]*. Volgograd (in Russ.).
8. Volobuev, O. V. (2017). 1917 in Russia: a chronicle of the revolutionary process. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 5, 8–14 (in Russ.).
9. Nevskaya, T. A. et al. (2014). *Essays on the history of the Caucasus: twentieth century*. Pyatigorsk-Stavropol: PSLU Publ. (in Russ.).
10. Kuliev Farman Muruvvat oglu (2004). *Political struggle in the North Caucasus in 1917 (February–October)*. Pyatigorsk: PGLU Publ. (in Russ.).
11. Tuchin, V. A. (2016). Hopes and anxieties of representatives of the Russian intelligentsia between the October Revolution and the elections to the Constituent Assembly. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 3, 84–93 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суханова Наталья Ивановна (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2442-3097

Литвинов Владимир Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина;
e-mail: vladlenli@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7082-9805

Золотарёв Владимир Антонович (г. Москва) – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник РФ I класса, вице-президент РАЕН, председатель Секции Военной истории и теории Российской академии естественных наук;
e-mail: zetva1946@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia Ivanovna Sukhanova (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2442-3097;

Vladimir Petrovich Litvinov (Yelets) – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yeletsky State University named after I. A. Bunin;
e-mail: vladlenli@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7082-9805

Золотарев Владимир Антонович (Moscow) – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Professor, Full State Counselor of the Russian Federation, Class I; Vice-President of the Russian Academy of Natural Sciences; Chair of the Section of Military History and Theory of the Russian Academy of Natural Sciences.
e-mail: zetva1946@list.ru

Научная статья

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-117-128

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РОССИИ

Кряжева-Карцева Е. В.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kartseva-ev@rudn.ru

Поступила в редакцию 17.11.2025

После доработки 25.11.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Аннотация

Цель. Выявление тенденций теоретического осмысления и практических мероприятий в современной России по сохранению метакультурной парадигмы российской цивилизации

Процедура и методы. Проведён анализ нормативно-законодательных актов, текущих научных и публицистических материалов, региональных практик с целью определения достигнутых результатов в осмыслении исторического опыта межнационального взаимодействия и определения возможных векторов дальнейшего просвещения в свете реализации Указа Президента РФ № 314 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

Результаты. Выделены ключевые форматы освещения вклада отдельных народов и русского народа как государствообразующего в созидание российской цивилизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для подготовки просветительских мероприятий, лекций, направленных на развитие цивилизационного подхода в историческом образовании, с опорой на традиционные ценности России.

Ключевые слова: национальная политика, русский народ, коренные народы, Русский Север, Крайний Север, Дальний Восток, святители, российская цивилизация, многонациональность

Для цитирования:

Кряжева-Карцева Е. В. Историческое просвещение: основные интерпретации феномена этнокультурного и языкового разнообразия в России // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 117–128.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-117-128

Original research article

HISTORICAL EDUCATION: MAIN DIRECTIONS OF INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF ETHNOCULTURAL AND LINGUISTIC DIVERSITY IN RUSSIA

E. Kriazheva-Kartseva

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Moscow, Russian Federation

e-mail: kartseva-ev@rudn.ru

Received 17.11.2025

Revised 25.11.2025

Accepted 01.12.2025

Abstract

Aim. To identify trends in theoretical understanding and practical measures in modern Russia to preserve the metacultural paradigm of Russian civilization.

Methodology. The article analyzes regulatory and legislative acts, current scientific and journalistic materials, and regional practices in order to determine the achieved results in understanding the historical experience of interethnic interaction, in order to determine possible vectors for further education in light of the implementation of the Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036."

Results. The study identifies key formats for highlighting the contribution of individual peoples and the Russian people as a state-forming nation to the creation of Russian civilization.

Research implications. The results of the study can be used to prepare educational events and lectures aimed at developing a civilizational approach in history education, drawing on traditional Russian values.

Keywords: national policy, Russian people, indigenous peoples, Russian North, Far North, Far East, saints, Russian civilization, multinationality

For citation:

Kriazheva-Kartseva, E. V. (2025). Historical education: the main interpretations of the phenomenon of ethnocultural and linguistic diversity in Russia. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 5, 117–128.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-117-128

Введение

В условиях ситуации бифуркации мировой истории Россия поэтапно выстраивает новую конфигурацию многополярного мира с доминантой нескольких цивилизационных ядер, объединённых в межкультурные союзы. Данная тенденция закреплена в Концепции внешней политики Российской Федерации¹. Работая в этом направлении, наша

страна декларирует право каждой цивилизации на уважительное отношение к своему культурному коду, который был сформирован на определённой территории под влиянием природных, исторических обстоятельств, которые определили уникальный ценностный ряд как способ выживания. Одновременно поэтапно реализуются планы по укреплению суверенитета России, в т. ч. на когнитивном поле.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?ysclid=miiknoqh55709298663> (дата обращения: 15.11.2025).

Среди базовых нормативно-законодательных актов, стимулирующих данный процесс: Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹, Указ Президента Российской Федерации № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»², Указ Президента Российской Федерации № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»³ и другие.

Данные законодательные инициативы, указывающие на ценностное переосмысление места России как государства-цивилизации в историческом процессе, формирование понимания духовных особенностей страны, являются катализатором реализации мероприятий как в сфере образования и воспитания, так и в общегражданском поле с целью формирования духовно устойчивой цивилизации, в которой население понимает текущие исторические процессы как ситуацию исторического выбора, и каждый гражданин может сделать свой шаг к сохранению страны как родного дома

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 15.11.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/3qMOv9R39ALCRS5npj192wOVhfjbjAVAy.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).

не только в материальном аспекте, но и духовном. Единое коллективное понимание и интерпретация событий прошлого страны, а также оценка выбора смыслов предшествующих и нынешнего поколений важны для построения устойчивой цивилизации в будущем.

Трансформации в ментальном поле видны в разнообразных ракурсах: от активной просветительской работы российского общества «Знания», Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества; введения в вузах страны единого курса «Основы российской государственности» до патриотических акций Движения орлят, Движения Первых и других детских и молодёжных объединений.

Публикация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в преддверии 2026 г., который президент России В. Путин объявил годом единства народов России, поддержав инициативу атамана Всероссийского казачьего общества В. Кузнецова на заседании совета по межнациональным отношениям⁴, является катализатором научного анализа исторического контента о взаимодействии народов и народностей в исторической ретроспективе с целью дальнейшего тиражирования на просветительских мероприятиях, в научно-популярных журналах и СМИ, для укрепления государствообразующей метакультурной парадигмы российской цивилизации.

В данной статье предложено видение некоторых аспектов исторического опыта России в контексте формирования единства в многонациональной семье нашей страны, позитивного дискурса с целью формирования гармоничных межнациональных отношений.

Подчёркивая единство многообразия в России, историки могут рассматривать

⁴ Путин поддержал предложение объявить 2026 год годом единства народов России // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RjfGu> (дата обращения: 15.11.2025).

этот вопрос в двух направлениях. Во-первых, изучать культурные достижения отдельных народов, которые могут вызывать интерес у всех остальных народов с целью взаимообогащения, понимания многоцветия культурных импульсов. Во-вторых, подчёркивать значение и роль единых для всех народов страны духовно-нравственных ценностей, русского языка и исторических событий как государствообразующих компонентов.

Говоря о первом аспекте, предстоит масштабная системная работа во всех субъектах Российской Федерации с целью системного сбора информации и аккумулирования, донесения до всего населения страны данных о наиболее интересных достижениях народов, подчёркивающих культурное своеобразие, на всех уровнях общественного бытия (семейные отношения, быт, религиозные верования, особенности реагирования на природные и исторические вызовы). В итоге, рассмотрение частных вопросов должно подводить научный и общественный дискурс к тезису о богатстве и ценностной глубине многонациональной культуры российской цивилизации.

Приведём ряд примеров из истории некоторых народов Севера и Дальнего Востока, которые могут быть рассмотрены в качестве ориентиров для сбора информации во всех остальных регионах страны.

Народы Севера в истории России: на примере ненцев

Освоение северных территорий исторически проходило ранее дальневосточных.

При разговоре о допетровской эпохе обычно используется понятие «Русский Север». Оно не имеет устоявшегося определения, т. к. является историко-культурным понятием. Традиционно к данной территории относят северные регионы европейской части России. Именно на этих территориях проходили первые контакты русского населения с местными северны-

ми народами, формировался уникальный уклад совместного бытования, происходила интериоризация культурных достижений. В отличие от таких терминов, как «Крайний Север» или «Арктическая зона», он используется преимущественно в контексте культурно-исторического наследия, этнографии и туризма.

К 2025 г. также стало активно использоваться понятие «Север», но и оно так и не стало единым в российском законодательстве. Оно раскрывается через несколько определений. Впервые понятие «Север Российской Федерации» было закреплено в современной России после вступления в силу в 1996 г. Федерального закона «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера»¹ (утратил силу 01.01.2005 г.). В соответствии с указанными нормативно-законодательным актом к Северу были отнесены земли современных Республики Карелия, Республики Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Ненецкого автономного округа. С 1 января 2022 г. действует единый Перечень, утверждённый Постановлением Правительства РФ № 1946 о предоставлении льгот, компенсаций и «северных» надбавок. В нём определены районы Крайнего Севера (РКС), которые включают территории с наиболее суровым климатом: Якутия, Магаданская, Мурманская области, Камчатка, Чукотка, Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО полностью, а также отдельные части Архангельской, Иркутской областей и др. В указанном положении отдельно также отмечены местности, приравненные к районам Крайнего Севера (МКС). Одновременно с Постановлением с 13 июля 2020 г. действует ФЗ № 193, в котором введено понятие «Арктическая зона Рос-

¹ Федеральный закон от 19.06.1996 г. № 78-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера» // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9606> (дата обращения: 15.11.2025).

сийской Федерации». Границы АЗРФ частично совпадают с Крайним Севером, но имеют свои особенности (например, в неё входят Новодвинск и Архангельск, которые в перечне льгот РКС/МКС имеют другой статус). Следовательно, можно отметить 2 ракурса интерпретации понятий «Север» и «Русский Север».

Для регулирования экономических вопросов на севере используются 3 режима:

1. *Северный экономический район*, который используется в макроэкономическом планировании и включает Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, республики Коми и Карелию, а также Ненецкий АО;

2. *Крайний Север* (РКС), где юридически большая часть Русского Севера относится к районам Крайнего Севера, а также ряд территорий за Уралом, что даёт право на льготы и надбавки;

3. *Арктическая зона* (АЗРФ), к которой относятся отдельные регионы Русского Севера (Мурманская обл., части Архангельской обл., Карелии и Коми), что даёт доступ к преференциям для бизнеса.

Второй ракурс – культурный, который регулируется федеральными законами, направленными на сохранение культурно-исторического наследия и региональными нормативно-законодательными актами, регулирующими вопросы этнографии и туризма. К такого рода актам относятся: Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера (на период до 2036 г.)¹, региональные законы Архангельской и Вологодской областей, где встречается термин «Русский Север» и др.

Очевидно, что, несмотря на терминологическое разнообразие, сложилось

устойчивое понимание, что северные территории являются уникальным местом, где люди издревле выживают в экстремальных климатических условиях, и где накоплен богатый исторический опыт интериоризации местного населения в единую семью народов России с сохранением культурного своеобразия. Интеграция происходила благодаря заселению территорий поморами – самобытной этнографической группой русских, которые стали проживать на побережье Белого и Баренцева морей. Именно поморы выстраивали первые контакты с ненцами, коми, вепсами, саами, манси и другими народами Севера.

Культура каждого из указанных народов поражает своей уникальностью. Остановимся лишь на некоторых фактах истории ненецкого народа как одного из северных народов, относящихся к самодийской ветви уральской семьи народов, сохранившего самобытность традиционного уклада в тундре в XXI в.

В современной России ненцы проживают в Ямало-Ненецком автономном округе, Ненецком автономном округе, Красноярском крае, Архангельской области, Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Коми и Мурманской области.

Ненецкие оленеводы, как и их предки на протяжении сотни лет, продолжают перегонять оленей по тундре по несколько раз за месяц, централизованно поставляя мясо оленей для предприятий пищевой промышленности. Устоявшейся традицией пищевой культуры является употребление мяса оленя в разных видах – от супов до сырокопченной колбасы. Данный рацион является базовым не только для ненцев, но и других народов, проживающих вместе с ненцами. Также регионы наращивают потенциал по экспорту мяса за границу.

Кроме кулинарных традиций, сохранены и другие элементы традиционной культуры, особенно в кочевых семьях. Среди уникальных изобретений – ис-

¹ Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 г. № 1161-р // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/54976/> (дата обращения: 15.11.2025).

пользование в быту *нярцу* – моха сфагнум для лечения ран, уборки помещений, в качестве наполнителя для женских гигиенических средств и детских подгузников. По сути, ненцы задолго до появления памперсов уже их использовали, притом в экологичном варианте. Следует отметить, что мох активно использовался в годы Великой Отечественной войны для лечения ран и находит применение в современной медицине¹.

Интересно, что ненцев относят к экологичным народам на планете, научившимся при взаимодействии с природой выстраивать гармоничные отношения. Например, традиция частого перегона оленей по тундре связана со стремлением сохранить богатство ягеля. Традиция приучения семьёй *Навка* – ручного оленя, объясняется стремлением иметь посредника со стадом оленей.

Опросы молодёжи указывают на устойчивость традиций, стремление сохранить опыт предков².

Традиционный семейный уклад, воспроизведение идеалов отцовства и материнства через игровые формы и многочисленные игрушки, уважительное отношение к гостям (*мядонзэй* – подарок гостю), доброе целеполагание и восприятие мира, прежде всего, как духовного мира позволили ненцам войти в семью народов нашей страны.

Культуролог, просветитель М. В. Латышева, собравшая коллекцию артефактов повседневной жизни ненцев, хранящуюся в Центре Арктического туризма (г. Нарьян-Мар), отмечала: «Первично ненцы насторожённо относились к русским, пришедшим из новгородских земель. Но постепенно настроение сменилось на позитивное отношение к право-

славным русским, которые, по мысли ненцев, оказываются, также отстаивают идеалы добра в этой жизни, борются против зла. Эта установка является основной в целеполагании ненцев».

Ненцы многократно в истории России подтверждали, что являются неотъемлемой частью единой семьи народов, отстаивали и отстаивают интересы нашей страны, общегосударственные ценности.

Ярким эпизодом является мобилизация оленей, оленьих упряжек и ездовых (каюров) для формирования лыжно-оленьих батальонов в годы Великой Отечественной войны, которые были направлены на Карельский фронт. «На оленьих упряжках доставлялось продовольствие, боеприпасы, вывозились с поля боя раненные и совершались разведывательно-диверсионные вылазки в тыл противника»³. Ненцы гордятся тем, что внесли свою лепту в Победу. Их подвиг отмечен в историографии⁴ и памятниках. В 2012 г. в г. Нарьян-Маре Ненецкого автономного округа был установлен памятник, изображающий бойца с оленем и собакой на фоне полярного солнца. Памятник воинам-оленеводам открыт в 2015 г. в дер. Новикбож Усинского района Республики Коми. В 2020 г. памятник, изображающий оленевода с упряжкой из трёх оленей и бойца с лыжами и собакой, был установлен в Мурманске как символ признания вклада коренных народов Севера в защиту общей Родины.

Необходимо отметить, что и сегодня ненцы активно включены в защиту рубежей страны. Ненцы, ведущие тра-

¹ Гриценко Д. Мох – помощь: как болотное растение спасало жизни в Великую Отечественную войну // Известия: [сайт]. URL: <https://clcl.li/OkOgo> (дата обращения: 15.11.2025).

² Лярская Е., Вануйто А. Нярку, ямдась и другие важные ненецкие слова // Arzamas: [сайт]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1725?ysclid=mjfh5o03u129923402> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Иванов В. Г. На оленях против Гитлера. Ненецкий автономный округ // История. РФ: [сайт]. URL: <https://history.ru/read/articles/na-olienikh-upriazhkakh-protiv-gitlera> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Сизова М. «И раненные тянули сани». Как оленьи батальоны сражались в снегах Заполярья // АиФ-Коми: [сайт]. URL: <https://clcl.li/yCHzb> (дата обращения: 21.12.2025); Канев Ю. Как воевали оленно-транспортные роты в годы Великой Отечественной войны: истории фронтовиков // Красный Север: [сайт]. URL: <https://clcl.li/OHLRH> (дата обращения: 15.11.2025).

диционный образ жизни (оленоводство, промыслы), имеют право на альтернативную гражданскую службу (АГС)¹. Однако многие из них участвуют в Специальной военной операции как добровольцы в рамках контрактной службы.

Народы Дальнего Востока в истории России: на примере нанайцев

Ещё один регион, где мы видим все страницы взаимодействия многочисленных народов, которое в итоге завершилось формированием общероссийской гражданской идентичности, является Дальний Восток.

В российском законодательстве под Дальним Востоком понимаются территории, входящие в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО). С ноября 2018 г. его границы включают 11 субъектов РФ.

Освоение данного региона русскими, начавшееся благодаря казакам, землепроходцам, святителям в первой половине XVII в., которые пересекли Восточную Сибирь и вышли к побережью Тихого океана, отмечено множеством географических открытий, строительством острогов (крепостей), а затем городов, культурным взаимообогащением, христианизацией населения, распространением русского языка, дипломатическим закреплением восточных границ государства.

Уникальным является опыт взаимодействия государствообразующего русского народа с коренными народами, в результате которого последние вошли в единую семью. В настоящее время местная власть, общественные деятели, само население бережно сохраняют историческое наследие. Расширяется масштаб просвещения по вопросу вклада каждого народа в создание единой семьи.

Например, на территории Хабаровского края ежегодно проводятся праздничные мероприятия и конференции,

приуроченные к Международному дню коренных народов мира (9 августа²); проводятся форумы, нацеленные на поддержку многонациональной культуры России. Например, 3 декабря 2025 г. прошёл краевой Гражданский форум «Главное – люди», объединивший сотни активных граждан, экспертов, бизнес и представителей власти. В рамках форума в Общественной приёмной партии «Единая Россия» прошло «заседание Совета по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями». В работе приняли участие представители различных национальных, этнокультурных и религиозных организаций Хабаровского края, а также эксперты и представители власти³.

На заседании было отмечено, что на территории края при большинстве русских (по различным данным до 90% населения), проживают 8 коренных малочисленных народов – нанайцы, эвенки, ульчи, нивхи, эвенки, удэгейцы, негидальцы и орочи.

Власти предпринимают усилия для сохранения языков и культуры коренных народов. Учителя края ежегодно принимают участие во Всероссийском конкурсе учителей родного языка и родной культуры⁴, организованы курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации учителей родных языков коренных народов края, издаются учебники и учебные пособия, литература на языках коренных народов. Одновременно проводится комплекс мероприятий

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» // СПС Консультант Плюс.

² Международный день коренных народов мира отметили в Хабаровском крае // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства Хабаровского края: [сайт]. URL: <https://khakrai.ru/events/news/202592> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Прошёл краевой этап Гражданского форума «Главное – люди» // Краевой Центр гражданских инициатив: [сайт]. URL: <https://clc.li/OobmA> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Лучший учитель родного языка и родной культуры: [Электронный ресурс]: <https://teacher.natlang.ru/?ysclid=mjfmfp4g42i622270749> (дата обращения: 15.11.2025).

для развития туризма, ориентированного на изучение истории коренных народов.

Культура местных коренных народов передаёт уникальность адаптации к природе и историческим событиям края. Остановимся лишь на некоторых фактах истории нанайского народа издревле проживающего на берегах Амура. В настоящее время они в основном проживают в Хабаровском крае. Есть небольшие группы и единичные представители также в Приморском крае и Сахалинской области.

Культурные достижения нанайцев внесены в Государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации в соответствии с ФЗ № 402 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»¹. Среди них: традиционная технология обработки рыбьей кожи, искусство нанайского орнамента. С материалами о культуре нанайцев также можно познакомиться на страницах Интерактивного атласа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры².

Опорными точками сохранения памяти о нанайской культуре являются также туристические базы. Одной из самых уникальных является Стойбище сородичей, национальное нанайское подворье, расположенное в с. Сикачи-Алян Хабаровского края.

Национальное нанайское подворье «Стойбище Сородичей» было создано в 2013 г. семейной общиной коренных малочисленных народов Севера «Сородичи». Община является некоммерческой организацией, созданной в 2003 г. Члены общины – представители коренных народов Приамурья – нанайцы и ульчи.

Организацией встреч с туристами, размещением, проведением экскурсий занимаются хозяин и хозяйка подворья – Александр и Елена У. Педагоги, просветители, работающие в Ассоциации коренных малочисленных народов Севера РФ, погружают гостей стойбища в уникальный культурный мир нанайцев³.

Из уст Елены и Александра туристы узнают о том, как тяжело было выживать нанайцам в тайге и на р. Амур, как появились жизнеобеспечивающие (рыболовство и охота) и вспомогательные (собирательство, домашние ремёсла) промыслы.

Экстремальные природные условия и высокая детская смертность предопределили особенно бережное отношение нанайцев к живым существам. «В отсутствие медицины они создали огромную систему знаний о лечебных свойствах таёжных растений, в окружении диких зверей – о поведении животных и птиц. Эти знания пригодились русским первопроходцам, переселенцам, которые приспособились к новым условиям жизни. Нанайцы сопровождали учёных в экспедициях, потому как знали таёжные тропы лучше, чем кто-либо» [1].

Основой жизни нанайцев стала рыба. Сегодня можно познакомиться с уникальными рецептами приготовления рыбы. На столе народа можно встретить токсу, мелкую нарезку из варёного, а затем обжаренного на рыбьем жире филе тайменя; дэрбиту – вяленую кету, отмоченную и запаренную кипятком, затем нарезанную с огурцами и луком; кету копчёную и многие другие блюда.

Можно отметить, что нанайцы из рыбы делали практически всё: от игрушек для детей до одежды. Развитие торговых обменов с Китаем, влияние русских переселенцев, развитие фабричного производства в Российской империи в XIX в. и в СССР привели к вытеснению рыбьей кожи более простыми тканями [2].

¹ Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

² Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры: [сайт]. URL: <https://ataskmns.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Стойбище сородичей: [сайт]. URL: <https://sikachialyan.ru/> (дата обращения: 15.11.2025).

В настоящее время возрождается искусство выделки рыбьей кожи. За секретами её изготовления к нанайцами приезжают специалисты со всей страны. Современные модельеры и дизайнеры используют рыбью кожу, создавая одежду, которая сочетает в себе традиции и современные образы. На рынке появились рюкзаки, кошельки, браслеты, кепки, модные аксессуары из неё¹.

Александр У., который организовывал экскурсию по подворью для учителей, принимавших участие в краевой педагогической конференции, отметил, что поддерживает интерес к культурам коренных народов. Взаимный интерес, установление причин того или иного культурного феномена расширяют наше понимание механизмов выживания народов на территории России.

Сохранение национальных тунгусо-маньчжурских языков, обладающих уникальной лексикой, позволит сохранить у многих поколений россиян понимание специфического уклада жизни в тайге и на Амуре. Ведь в том же нанайском языке есть такие глаголы, у которых нет точного эквивалента в русском: идти по тонкому льду; проваливаться в снег по колено; обходить препятствие по дуге, чтобы проверить крепость льда; добывать рыбу в огромном количестве; ловить рыбу в ночное время, используя свет факела или фонаря для привлечения добычи; очищать рыбу от чешуи особым образом, чтобы потом использовать эту кожу для изготовления одежды и т.п.².

Являясь народом единой многонациональной страны, нанайцы внесли свой вклад в Победу в Великой Отечественной войне. До 1943 г. малочисленные народы Севера мобилизации не подлежали,

но нанайские мужчины, прирождённые охотники и рыболовы, уходили добровольцами: «Движимые патриотическими чувствами, потомственные рыбаки, оленеводы и охотники, откликаясь на призыв партии, шли в военкоматы, чтобы добровольцами уйти на фронт. Добровольцев было так много, что списки патриотов обсуждались на партийных и комсомольских собраниях»³. Кроме того, нанайцы, как и другие народы Амура, создавали в тылу рыболовецкие фронтовые бригады. Например, в колхозе «Нанайский партизан» была создана первая в Хабаровском крае молодёжная рыболовецкая бригада. Женщины промышляли пушнину для обеспечения бойцов Красной Армии тёплыми вещами⁴.

Трудовой и фронтовой подвиг коренных народов Приамурья увековечен в многочисленных памятниках, например, в с. Троицком, центре Нанайского муниципального района, есть несколько памятников и памятных знаков воинам-нанайцам.

В настоящее время многие нанайские мужчины, также как их предки, участвуют в Специальной военной операции.

Русский народ как государствообразующий

Разрабатывая подходы к введению просветительского контента по истории нашей многонациональной страны, особое внимание педагогов и просветителей должно быть уделено роли русского народа как государствообразующего.

Среди важнейших акцентов, на которые стоит обратить внимание, это особая роль русских в собирании народов, обеспечении безопасности территорий, формировании культурной идентичности.

¹ Ларина А., Решетникова Н. В Сибири придумали новую технологию производства «рыбьего меха» // RG.ru: [сайт]. URL: <https://clcl.li/ENjks> (дата обращения: 15.11.2025).

² Аврорин В. Грамматика нанайского языка. В 2 тт. Ленинград: Издательство АН СССР, 1961; Оненко С. Н. Словарь нанайско-русский и русско-нанайский. Ленинград: Просвещение, 1989.

³ Участие жителей национальных сёл Нанайского района в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/rEEjr> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Коренные народы Приамурья в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: дайджест / сост. Ю. В. Князькина. Комсомольск-на-Амуре, 2020. С. 6.

Например, стоит отметить, что русские из Новгородской республики активно продвигались к Белому и Баренцеву морям уже XI в., достигая Кольского полуострова и р. Печоры. К XV в. оформился уникальный мир поморов, которые активно контактировали с местными коренными народами, создав уникальный хозяйственный уклад. В XVI в. стала проводиться политика культурного окормления коренных народов. Например, в 1526 г. Василий III поручил новгородскому архиепископу Макарию отправить на Крайний Север священнослужителей для совершения обряда православного крещения местных народов. Этому предшествовала большая миссионерская работа.

Христианизация населения способствовала интериоризации местного населения, включению его в единый мир уже централизованного русского государства. Большую роль в этом процессе сыграли монахи, которые основывали обители, фактически закреплявшие рубежи государства. Среди подобных северных монастырей – Печенгский монастырь. В дальнейшем при дипломатическом определении северо-западных границ государства при дискуссиях с Датским королевством в XVI в., как отметил профессор П. В. Фёдоров, «в систему доказательств Москвы включалась и конфессиональная принадлежность местного населения: указывалось, что в восточной Лапландии живут православные лопари, здесь же находится Печенгский монастырь и церковь Бориса и Глеба» [2].

Такие же механизмы закрепления права российского государства на закрепление границ использовались и на востоке страны. Достаточно вспомнить о подвиге святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского¹. Его проповедь православия на Камчатке, Алеутских островах, в Северной Америке (Аляска), Якутии

и Хабаровском крае, совместная деятельность с графом Н. Н. Муравьевым-Амурским, перевод на языки коренных народов Евангелие, Катехизиса и другая работа по составлению алфавитов, написанию трудов по географии, этнографии и языкознанию народов Севера и Востока, принесли ему мировую известность. Самое главное святитель Иннокентий (Вениаминов) и другие святители (Святитель Стефан Пермский, Святитель Иннокентий Иркутский (Кульчицкий) и др.) сформировали платформу гармоничного и доверительного взаимодействия с коренными народами.

В дальнейшем эта традиция была продолжена государственными деятелями.

Российское военно-историческое общество (РВИО) при поддержке исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Минпросвещения России в рамках национального проекта «Молодёжь и дети» 8 и 9 декабря 2025 г. провели научно-просветительскую конференцию «Георгиевские чтения», на которой с докладом «Военно-инженерные аспекты освоения русско-китайских рубежей Иркутской "пограничной" губернии в контексте сибирского варианта Губернской реформы Екатерины II: от фортификационных проектов к реализации» выступила Д. С. Шемелина, старший научный сотрудник Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат архитектуры². В ходе свободной дискуссии она отметила, почему местные коренные народы при установлении границ с Китаем, в рамках обсуждения Кяхтинского договора 1727 г., выбирали Россию. С точки зрения исследователя, российские чиновники и казачество больше заботилась об обеспечении безопасности местного населения, сохранении его культурного своеобразия.

¹ Путешествия и подвиги святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Америки и Сибири. М., 1999. 157 с.

² Научно-просветительская конференция РВИО «Георгиевские чтения» // Российское военно-историческое общество: [сайт]. URL: <https://clc.li/fMYiV> (дата обращения: 15.11.2025).

Добровольным выбором, демонстрирующим доверие к России, были и проекты по переселению народов на территорию нашей страны: приглашение немцев и других европейцев в эпоху Екатерины II, заселение Новороссии переселенцами из Османской империи (проект – Славяносербия), проект по созданию еврейской государственности на Дальнем Востоке, который рассматривался в т. ч. как убежище для евреев, преследуемых в Европе и др.

Важным фундаментом объединения всех народов в одном государстве стал русский язык, стандарт которого стал активно позиционироваться на всех территориях в XIX в. Следует отметить, что подобная политика языковой унификации в КНР начала проводиться лишь с 1956 г., т. е. на век позже. Власти Российской империи уже в XIX в. осознавали, как важно проводить культурную интеграцию различных регионов и укреплять единое политико-экономическое пространство.

Заключение

Многовековая история многонационального народа России свидетельствует, что накоплен исторический опыт использования различных механизмов для интеграции населения страны с учётом культурного своеобразия.

В настоящее время идёт научное осмысление этого опыта учёными нашей страны, которое находит отражение в многочисленных статьях, монографиях, выступлениях на конференциях [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Предстоит масштабная работа по увеличению массива данных о народах России, их систематизации, дальнейшему теоретическому осмыслению исторического материала, и что особенно важно в условиях современных вызовов, популяризации знаний, с учётом национальных интересов нашей страны. Итогом работы просветителей всей страны должно стать сохранение самого большого богатства нашей цивилизации – многонациональной семьи, объединённой в единую культурную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынова Н. В., Слипецкая Д. Р. Народное искусство нанайцев национальное достояние малой родины в этнокультурном воспитании детей и взрослых Хабаровского края // The Scientific Heritage. 2021. № 71. С. 3–19.
2. Фёдоров П. В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 53–75. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.53
3. Глебова Е. В. Рыбья кожа как символ этнической культуры и идентичности коренных народов Нижнего Амура // Россия и АТР. Этнография и этнология. 2020. № 1. С. 169–181. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10013
4. Арутюнян К. А., Мелконян А. А., Дадаян Э. В. Вклад лётчиков-армян в Победу над фашизмом в Великой Отечественной войне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 2. С. 161–172. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-2-161-172
5. Багдасарян В. А. Великая Отечественная война как война цивилизационная: научно-методические рекомендации для новых учебников истории // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 7–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-7-25
6. Безугольный А. Ю. История проекта еврейского национального воинского формирования в составе Красной Армии в 1942–1943 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 2. С. 173–188. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-2-173-188
7. Лескова И. В., Зязин С. Ю. Идеи государственного единства в общественном дискурсе России в XX – начале XXI вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 120–126. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-120-126
8. Лысенко Ю. А., Гундова О. Е. Материальное стимулирование как практика взаимодействия Российской империи с казахской элитой младшего и среднего жузов в XVIII – первой половине

- XIX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 305–316. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316
9. Резвушкина С. А. Непрестанная Литургия: православная антропология в формировании русской цивилизационной идентичности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 37–49. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-37-49
10. Резвушкина С. А. Нематериальное этнокультурное достояние России как основа цивилизационной идентичности: вызовы конструктивизма и инструментализма // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 67–76. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-67-76

REFERENCES

1. Martynova, N. V. & Slipetskaya, D. R. (2021). Folk art of Nanais is a national treasure of a small homeland in the ethnocultural education of children and adults of the Khabarovsk Territory. In: *The Scientific Heritage*, 71, 3–19 (in Russ.).
2. Fedorov, P. V. (2017). On the appearance of the Russian line in Lapland (in the footsteps of one discussion). In: *Arctic and North*, 26, 53–75. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.53 (in Russ.).
3. Glebova, E. V. (2020). Fish skin as a symbol of the ethnic culture and identity of the indigenous peoples of Nizhny Amur. In: *Russia and the Asia-Pacific region. Ethnography and ethnology*, 1, 169–181. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10013 (in Russ.).
4. Arutyunyan, K. A., Melkonyan, A. A. & Dadayan, E. V. (2025). Contribution of Armenian pilots to the Victory over fascism in the Great Patriotic War. In: *RUDN Journal of Russian History* 24-2, 161–172. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-2-161-172 (in Russ.).
5. Baghdasaryan, V. A. (2025). The Great Patriotic War as a civilizational war: scientific and methodological recommendations for new history textbooks. In: *RUDN Journal of Russian History*, 2, 7–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-7-25 (in Russ.).
6. Bezugolny, A. Yu. (2025). History of the Jewish national military unit project as part of the Red Army in 1942–1943. In: *RUDN Journal of Russian History*, 24-2, 173–188. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-2-173-188 (in Russ.).
7. Leskova, I. V. & Zyazin, S. Yu. (2025). Ideas of state unity in the public discourse of Russia in the 20th – early 21st centuries. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 120–126. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-120-126 (in Russ.).
8. Lysenko, Yu. A. & Gundova, O. E. (2025). Material stimulation as a practice of interaction between the Russian Empire and the Kazakh elite of the younger and middle zhuzes in the 18th – first half of the 19th centuries. In: *RUDN Journal of Russian History*, 24-3, 305–316. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316 (in Russ.).
9. Rezvushkina, S. A. (2025). Incessant Liturgy: Orthodox Anthropology in the Formation of Russian Civilizational Identity. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 3, 37–49. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-37-49 (in Russ.).
10. Rezvushkina, S. A. (2025). Intangible ethnocultural heritage of Russia as the basis of civilizational identity: challenges of constructivism and instrumentalism. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 2, 67–76. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-67-76 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кряжева-Карцева Елена Валерьевна (г. Москва) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; e-mail: kartseva-ev@rudn.ru; ORCID: 0000-0001-8667-8127

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Kriazheva-Kartseva (Moscow) – Cand. Sci. (History), Departmentally Head, Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; e-mail: kartseva-ev@rudn.ru; ORCID: 0000-0001-8667-8127

Научная статья

УДК 009+94(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-129-138

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ НА ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ РККА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Бруз В. В.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: vvb54@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.08.2025

После доработки 29.09.2025

Принята к публикации 08.10.2025

Аннотация

Цель. Проведение сравнительного анализа взглядов англо-американских и советских исследователей института военных комиссаров РККА в предвоенные годы.

Процедура и методы. Основными исследовательскими методами стали диахронный и историко-сравнительный анализы. Проведён сравнительный анализ взглядов англо-американских и советских исследователей по вопросам, связанным с введением в 1937 г. института военных комиссаров в РККА. Изучаемые вопросы исследованы в их развитии в течение времени.

Результаты. Выяснено, что западные исследователи связывают введение института военных комиссаров с предстоявшими репрессиями и уделяют основное внимание контрольной функции этого института. Изменений во взглядах в зависимости от времени публикаций не отмечено. В исследованиях советских историков наблюдаются изменения в оценках в зависимости от времени публикаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определены сущность и содержания методологических подходов при изучении института военных комиссаров англо-американскими и советскими историками.

Ключевые слова: задачи, институт военных комиссаров, репрессии, функции, цели

Для цитирования:

Бруз В. В. Сравнительно-исторический анализ взглядов англо-американских и советских историков на цели, задачи и функции института военных комиссаров РККА в предвоенные годы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 129–138.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-129-138

© CC BY Бруз В. В., 2025.

Original research article

A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF THE VIEWS OF ANGLO-AMERICAN AND SOVIET HISTORIANS ON THE GOALS, OBJECTIVES AND FUNCTIONS OF THE INSTITUTE OF MILITARY COMMISSARS OF THE RED ARMY IN THE PRE-WAR YEARS

V. Bruz

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: vvb54@yandex.ru*

Received 17.08.2025

Revised 29.09.2025

Accepted 08.10.2025

Abstract

Aim. Conducting a comparative analysis of the views of Anglo-American and Soviet researchers of the Institute of Military Commissars of the Red Army in the pre-war years.

Methodology. The primary research methods were diachronic and historical-comparative. A comparative analysis was conducted of the views of Anglo-American and Soviet researchers on issues related to the introduction of the institution of military commissars in the Red Army in 1937. The issues under study were examined in their development and changes over time.

Results. It was found that Western researchers associate the introduction of the military commissar institution with the upcoming repressions and focus primarily on the oversight function of this institution. No changes in views were observed depending on the time of publication. In studies by Soviet historians, changes in assessments were observed depending on the time of publication.

Research implications. The essence and content of methodological approaches in the study of the institution of military commissars by Anglo-American and Soviet historians was clarified.

Keywords: tasks, institute of military commissars, repressions, functions, goals

For citation:

Bruz, V. V. (2025). A comparative historical analysis of the views of anglo-american and soviet historians on the goals, objectives and functions of the Institute of Military Commissars of the Red Army in the pre-war years. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 129–138.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-129-138

Введение

К началу рассматриваемого периода институт политработников, несмотря на всю сложность и противоречивость происходивших процессов, фактически сформировался как важный, необходимый элемент Красной Армии. Вырисовался круг проблем, находящихся в его компетенции, в основном были решены вопросы организации, структуры и под-

готовки кадров политработников. Однако последующие события коренным образом повлияли на этот институт. Введение системы комиссаров, репрессии в Красной Армии принципиально изменили функции, цели и задачи, решаемые им. Эти вопросы находятся в центре внимания западных и советских историков. На их сравнительном анализе, а также на некоторых проблемах, оказавшихся вне

поля зрения западных и советских авторов, и предполагается остановиться.

Причины введения института военных комиссаров

В мае 1937 г. в Красной Армии был введён институт комиссаров. Чем было вызвано принятие такого решения? Этому вопросу западные историки уделяют самое серьёзное внимание. Рассматривая предысторию этого вопроса, Д. Эриксон приходит к выводу, что бывший в то время начальником Политуправления РККА Гамарник, проводя линию на дальнейшее ослабление власти политсостава (точнее – на укрепление единоначалия – В. Б.), неверно истолковал намерения Сталина. Хотя, считает Дж. Эриксон, курс, взятый Гамарником, безусловно, лучше служил повышению военной эффективности, которая, казалось бы, всегда и везде должна стоять на повестке дня [1, с. 423]. Эту точку зрения разделяет и Д. Федотофф Уайт. Он подчёркивает, что введение института военных комиссаров в 1937 г. явилось верным признаком стремления советского правительства решительно и жёстко держать в руках вооружённые силы [2, с. ХУІІІ]. Р. Колкович полагает, что восстановление в 1937 г. политических контрольных органов было вызвано глубоким недоверием Сталина к офицерскому корпусу [3, с. 448].

Таким образом, западные исследователи связывают введение института комиссаров с боязнью сталинского руководства значительного усиления позиций командного состава в результате осуществления курса на полное единоначалие и ослабления прежних форм влияния политработников в армии.

По мнению Э. О'Балланса, введение института комиссаров в мае 1937 г. было первым шагом к чистке в армии [4, с. 130]. Эту точку зрения разделяют и другие западные исследователи. Так, Т. Колтон считает, что нет ни малейших сомнений в том, что введение института комиссаров было связано с острым кризисом – гран-

диозной чисткой армии [5, с. 44]. М. Дин видит во введении этого института несомненный признак приближающегося кризиса [6, с. 42]. Л. Шапиро также подчёркивает, что восстановление системы комиссаров, впервые принятой после революции, давало основание полагать, что кризис надвигается [7, с. 68].

Из вышеизложенного следует, что западные историки связывают введение института комиссаров с предстоящими репрессиями в армии.

Советские историки также уделяют внимание объяснению причин введения института комиссаров в Красной Армии. В некоторых работах они ограничиваются констатацией факта введения института комиссаров в 1937 г. и изложением «Положения» о комиссарах [8, с. 153].

В основе наиболее распространённой точки зрения по этому вопросу лежит высказывание К. Е. Ворошилова. Выступая на XVIII съезде ВКП(б), он сказал, что создание института комиссаров было вызвано ростом численности военной техники армии и непрерывно повышающимися культурными и политическими запросами бойцов¹.

Такой взгляд находит подтверждение, в частности, в работе «Советские вооружённые силы. История строительства». В ней говорится, что введение института комиссаров вызывалось необходимостью усилить партийное руководство в армии в связи с её технической реконструкцией, повысить боевитость партийных организаций, улучшить воспитательную работу среди личного состава [9, с. 220].

Некоторые советские историки подчёркивают, что введение этого института было вызвано конкретной исторической обстановкой [10, с. 270]. При этом обращается внимание как на обострение международной обстановки [11, с. 152], так и

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1939. С. 191.

на исключительно сложные внутренние условия¹.

Подчёркивается, что конкретно-исторические обстоятельства того периода вызвали необходимость усиления политического влияния и контроля партии в РККА [12, с. 134]. Такого мнения придерживается и Ю. Н. Арзамаскин. По его мнению, введение института комиссаров было временной мерой, вызванной конкретной исторической обстановкой, необходимостью усилить партийное руководство в вооружённых силах в связи с их техническим перевооружением, улучшить воспитательную работу среди личного состава [13].

О каких же обстоятельствах шла речь? Выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» И. В. Сталин заявил, что по мере нашего продвижения вперёд к социализму классовая борьба должна всё более и более обостряться [14; 18].

Требования необходимости усиления партийного руководства в армии фактически вытекали из сталинского тезиса об «обострении классовой борьбы». Исходя из этого, введение института комиссаров в преддверии ожидаемого обострения этой борьбы выглядит вполне логично.

В мае 1937 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о введении во всех воинских частях и соединениях института комиссаров.

Цели и задачи института комиссаров

В англо-американской историографии эти проблемы находят довольно широкое освещение. По мнению Х. и У. Скоттов, комиссары были введены для обеспечения сохраняющегося партийного контроля над армией [15, с. 280]. Эту точку зрения разделяют и другие западные авторы.

Например, Дж. Адельман подчёркивает, что комиссары должны были осуществлять тщательный партийный контроль за офицерами и гарантировать их лояльность [16]. Дж. Эриксон, конкретизируя задачу комиссаров, видит её в бдительности, т. е. в разоблачении и пресечении происков врагов народа, шпионов, саботажников и вредителей [1, с. 479].

В связи с целями и задачами, поставленными институту комиссаров, по мнению западных исследователей, на первый план вновь выходит функция контроля. Дж. Эриксон полагает, что восстановление института комиссаров возвратило и их прежние контрольные функции в Красной Армии [1, с. 460].

Эту точку зрения разделяет и Т. Колтон. Он считает, что вновь введённый институт комиссаров обрёл вою полноту власти и в полном объёме осуществлял функцию политического контроля [5, с. 44]. М. Барчин и Э. Бен-Хорин приходят к выводу, что в тот период основные функции комиссаров состояли в том, чтобы следить за политической благонадёжностью и поведением военнослужащих и не допускать отклонений от партийной линии [17, с. 72].

В подтверждение того, что контрольная функция становится доминирующей, Л. Шапиро акцентирует внимание на том, что с введением института комиссаров восстанавливалось двуначалие в армии. Система, при которой каждый военный приказ должен был подписываться политическим комиссаром [7, с. 68]. На это обращает внимание и М. Дин. Он пишет, что, хотя приказы исходили от имени командира, они теперь должны были подписываться и командиром, и комиссаром [6, с. 41–42].

Западные историки сходятся во мнении, что введение института комиссаров в 1937 г. означало возврат к 1920-м гг. О возвращении политических комиссаров 1920-х гг. прямо пишет М. Маккинтош [18, с. 83].

¹ Военные вопросы в курсе истории СССР/ А. А. Каралюк, П. Т. Мокряков, А. И. Орлов и др. М.: Воениздат, 1986. С. 137.

Т. Колтон приходит к выводу о возвращении политического контроля комиссаров, сохранявшегося до середины 1920-х гг. [5, с. 44]. О воскрешении системы двуначалия в армии пишут Р. Колкович [3, с. 55] и Д. Федотофф Уайт [2, с. 394]. При этом Л. Шапиро подчёркивает, что от этой системы благоразумно отказались после 1924 г., и к 1934 г. она была полностью заменена системой единоначалия с заместителем по политчасти, отвечающим только за политическую сферу [7, с. 68].

Роль института комиссаров в чистке 1937 г. также оценивается западными исследователями неоднозначно. Ряд западных авторов исходят из того, что институт военных комиссаров был введён в связи с предстоящей чисткой, т.е. отводят ему роль инструмента для проведения репрессий [4, с. 130].

С другой стороны, когда чистка в армии охватила все вооружённые силы, она ощущалась в равной степени как политическими, так и военными офицерами [7, с. 66].

Р. Колкович также считает, что вновь созданные политические контрольные органы тоже пострадали в чистках [3, с. 61]. При этом Дж. Брэдли и М. Дин, подчёркивая, что чистка нанесла самый сильный удар по политуправлению, приводят ряд цифр, подтверждающих это [6, с. 43–45; 19, с. 33]. Согласно их данным, были репрессированы все 17 армейских комиссаров, 25 из 28 корпусных и 34 из 36 бригадных комиссаров, а всего было репрессировано, как минимум, 20 000 политработников.

Оценивая роль, которую сыграл институт комиссаров в чистке, Т. Колтон приходит к выводу, что некоторые комиссары способствовали чистке, некоторые препятствовали ей, но большинство пыталось просто пережить её [5, с. 136]. В принципе, такая точка зрения не лишена логики.

Мнение советских историков по данному вопросу неоднозначно. Так,

Ю. П. Петров подчёркивает, что за короткий срок военные комиссары проделали большую работу по разоблачению бухаринско-троцкистских бандитов и их единомышленников, пробравшихся в армию [10, с. 99]. Эту точку зрения полностью разделяют П. Каширин [20, с. 35], А. Болотин [21, с. 46] и некоторые другие авторы. При этом А. Болотин подчёркивает, что в течение 1937–1938 гг. политический аппарат Советской Армии был полностью очищен от предательских и разложившихся элементов [21, с. 58].

Таким образом, в работах этих авторов акцент делается на активном участии военных комиссаров в чистке армии. Следует подчеркнуть, что такой взгляд на проблему характерен главным образом для работ, вышедших в 1940-х – начале 1950-х гг.

В работах, изданных после XX съезда партии, появляются уже иные оценки. Так, в вышедшей в 1959 г. работе под общей редакцией Ю. И. Кораблева подчёркивается, что Ежов, а затем и Берия, втёршиеся в доверие к И. В. Сталину, подвергли необоснованным репрессиям многих честных и преданных партии и народу командиров и политработников [22, с. 409–410]. Такой подход характерен и для Краткой истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В ней отмечается, что в 1937–1938 гг., а также и в последующее время в результате необоснованных массовых репрессий погиб цвет командного и политического состава Красной Армии. Среди осуждённых и уничтоженных как «агенты иностранных разведок» и «враги народа» были крупные организаторы партийно-политической работы в армии: Я. Б. Гамарник, А. С. Булин, Г. А. Осепян, М. П. Амелин и др., а также все члены военных советов и начальники политуправлений округов, большинство военных комиссаров корпусов, дивизий, бригад и около 1/3 военкомов полков. Всего за 1937–1938 гг. репрессиям подверглась 1/5 часть офицерских кадров [23, с. 39–40].

Н. С. Черушев также подчёркивает, что политический состав в РККА представлял собой вторую по численности группу военнослужащих, подпавшую под гонения и чистки в годы большого террора [24].

В этих работах упор делается на то, что институт комиссаров, как и командные кадры, был жертвой репрессий. Такой подход характерен для исследований, появившихся в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Со второй половины 1960-х гг. просматривается смещение акцентов в освещении данной проблемы. Это особенно хорошо видно на примере упоминавшейся Краткой истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Во втором издании этого исправленного и дополненного исследования, вышедшего в 1970 г., по сути, лишь констатируется факт имевших место репрессий командиров и политработников. При этом подчёркивается, что более четверти из них были возвращены в войска. А в 3-ем издании этой работы (1984 г.) по данной проблеме нет даже упоминаний.

Очевидно, что такие изменения связаны с позицией руководства страны. В свете новых установок освещались и события исследуемого периода. Так, Б. С. Тельпуховский подчёркивает, что в новых условиях¹ комиссары направляли деятельность политорганов, партийных и комсомольских организаций, помогали командирам руководить войсками, заботились об идейно-политическом воспитании командных кадров, поддерживали связь с местными партийными и комсомольскими организациями [25, с. 129–130].

Акцент в деятельности института военных комиссаров в предвоенные годы смещается в сторону идейно-воспитательной, партийно-политической работы. Такой подход характерен для работ совет-

ских историков, появившихся во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг.

В появившихся в конце 1980-х годов работах, касающихся рассматриваемой проблемы, приводятся данные о количестве репрессированных командиров и политработников [26, с. 175]. Появляются новые взгляды на проблему института комиссаров. Так, в работе «История КПСС в вопросах и ответах», вышедшей под общей редакцией профессора В. В. Рыбникова в 1990 г., впервые в советской историографии обосновывается неправомерность введения института комиссаров в 1937 г. [27, с. 124–125].

В целом, можно отметить, что в оценке роли института комиссаров в чистках Красной Армии в предвоенные годы среди советских историков, как и среди западных исследователей, просматривается несколько подходов. Для работ советских исследователей, вышедших с конца 1940-х до середины 1950-х гг., характерна высокая оценка деятельности института комиссаров по очищению армии от врагов народа и шпионов, в то же время отмечается, что и сам институт был подвергнут чистке.

В работах конца 1950-х – 1960-х гг. основной упор делается на то, что институт комиссаров, как и Красная Армия в целом, был объектом чистки. А в работах второй половины 1960-х – середины 1980-х годов акцент делается на его политико-воспитательных функциях.

Положение о военных комиссарах РККА

При анализе взглядов исследователей на рассматриваемую проблему целесообразно обратиться к документам.

15 августа 1937 г. ЦИК и СНК утвердили «Положение о военных комиссарах Рабоче-крестьянской Красной армии»². В нём отмечалось, что целью вновь вводимого института военных комиссаров

¹ Имеется ввиду введение в 1937 г. института военных комиссаров.

² Постановление об установлении института военных комиссаров в РККА было принято ЦИК и СНК СССР 10 мая 1937 г.

являлось политическое руководство и проведение партийно-политической работы в войсковых частях¹. Здесь напрямую ничего не говорится о контрольных функциях института комиссаров.

Перед военкомами ставились следующие задачи. Вместе с командиром он нес полную ответственность за воспитание красноармейцев и всего начальствующего состава в духе преданности Родине и Советской власти и беспощадной борьбы с врагами народа². И хотя последняя фраза звучит с позиции сегодняшнего дня угрожающе, тем не менее здесь речь шла всё же о воспитательной функции.

Однако последующие задачи, поставленные перед комиссарами, свидетельствовали о том, что дело не ограничивалось лишь функциями воспитания. Теперь военный комиссар, наравне с командиром, отвечал за политико-моральное состояние части, боевую, оперативную и мобилизационную готовность, состояние вооружения и войскового хозяйства части³. Понятно, что выполнение этих задач было невозможно без соответствующих прав комиссара.

Кроме того, военный комиссар вместе с командиром аттестовывал командный и начальствующий состав части и составлял на каждого политическую характеристику. Аттестации подписывали командир и военком части.

Также совместно с командиром комиссар осуществлял назначения и представления к назначению, к награждению и присвоению очередных воинских званий, а также смещения командного и начальствующего состава⁴. Понятно, что выполнение военкомом этих задач

отнюдь не укрепляло единоначалие в армии. Как справедливо отмечают А. В. Лебедев и В. В. Рудой, все приказы по части теперь подписывались командиром и комиссаром совместно [28, с. 7].

«Красная звезда» об институте военных комиссаров

Важно отметить, что для разъяснения широким массам сути принятого «Положения», в газете «Красная звезда», центральном органе НКО СССР 15 августа 1937 г. была опубликована передовая статья, озаглавленная «Военный комиссар». В статье говорилось, что военный комиссар – это воинствующий большевик, и не может быть ни одного вопроса в жизни и деятельности воинских частей, где бы не чувствовалось большевистское руководство и партийное влияние комиссара⁵.

Однако, видимо, не все комиссары сумели быстро перестроиться и активно включиться в выполнение поставленных задач. Возможно, что не все сразу поняли, что от них требуется. Поэтому весной 1938 г. в «Красной звезде» появляется передовая статья «Против беззубого помполита, за комиссара – воинствующего большевика»⁶. Статья начиналась с напоминания положений «Инструкции для комиссара полка в действующих частях», разработанной под руководством И. В. Сталина в 1919 г.⁷. Как справедливо отмечает А. Н. Моисеев, в годы гражданской войны комиссары наделялись не только идеологическими, политическими и воспитательными функциями, но и практически неограниченными контрольными и санкционными правами [29]. И теперь, в 1937 г., институт комис-

¹ Законодательство об обороне СССР. Систематический сборник законов, постановлений и инструкций. Составил Синельников М. М.: Воениздат, 1939. С. 15.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

⁴ Законодательство об обороне СССР Систематический сборник законов, постановлений и инструкций. Составил Синельников. – М.: Воениздат, 1939. С. 16.

⁵ Военный комиссар // Красная звезда. 1937. 15 августа.

⁶ Против беззубого помполита, за комиссара – воинствующего большевика // Красная звезда. 1938. 4 апреля.

⁷ Приказ по армиям Южного фронта от 24 ноября 1919 года за № 1836. Инструкция для комиссара полка в действующих частях (Издание Политического отдела Революционного Военного Совета Южного фронта, 1919).

саров фактически приобрёл те же контрольные функции, которыми обладал в период гражданской войны [30, с. 92].

В статье «Красной звезды» отмечалось, что многие комиссары всё ещё не берут на себя всю полноту ответственности, остаются в роли помполитов, пассивных зрителей работы военных специалистов (даже терминология времён гражданской войны! – В. Б.), а то и простым придатком к командиру части. Заканчивалась статья призывом к комиссарам стать полновластным, принципиальным, авторитетным руководителем, первоклассным организатором, неутомимым бдительным коммунистом, воинствующим большевиком¹.

Таким образом, фактически воссоздавалась параллельная система руководства Вооружёнными силами. Вряд ли правомерно говорить о том, что речь шла лишь об известном ограничении прав командира и ни в какой мере не означала отказ от единоначалия. Ведь в соответствии с «Положением», все приказы по части подписываются командиром и комиссаром, хотя и отдаются от имени командира².

Цели и задачи, поставленные перед институтом комиссаров, а также его функции и место в Вооружённых силах, по сути, свидетельствуют о возвращении комиссаров гражданской войны в новых исторических условиях.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ свидетельствует о том, что и англо-американские, и советские историки опре-

делённое внимание уделяли институту военных комиссаров в РККА в предвоенные годы. Рассматривали причины возрождения этого института, его функции, цели и задачи в новых условиях. При этом западные исследователи основное внимание сосредотачивали на контрольной функции института комиссаров и негативных сторонах, связанных с его деятельностью. В то же время недостаточно исследовалась функция политпросвещения и воспитания, которая реализовывалась весьма эффективно.

Что касается оценочных суждений советских исследователей на рассматриваемые вопросы, то они существенно отличались в зависимости от исторического периода. Так, в работах 1940-х – начала 1950-х гг. причина введения института военных комиссаров объяснялась необходимостью усиления политического руководства и партийно-политической работы в войсках. Среди функций этого института назывались воспитательная и, по сути, контрольная. В числе задач – ответственность, вместе с командиром за морально-политическое, военное, техническое, хозяйственное состояние части и борьба с врагами народа.

В 1960-х – начале 1980-х гг. акцент делался на воспитательной функции, идеологической и партийно-политической работе.

Изучение и учёт различных точек зрения, взглядов и подходов, привлечение исторических документов способствует более глубокому и всестороннему раскрытию проблемы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Erickson J. The Soviet high command: A military-political history, 1918–1941. London, 1962. 889 p.
2. Fedotoff White D. The Growth of the Red Army. Princeton, 1944. 486 p.
3. Kolkowicz R. The Soviet Military and the Communist Party. Princeton, 1967. 448 p.
4. O'Ballance E. The Red Army. A Short History. London, 1964. 237 p.
5. Colton T. Commissars, Commanders, and Civilian Authority: The Structure of Soviet Military Politics. London, 1979. 373 p.

¹ Против беззубого помполита, за комиссара – воинствующего большевика // Красная звезда. 1938. 4 апреля.

² Законодательство об обороне СССР Систематический сборник законов, постановлений и инструкций. Составил Синельников. М.: Воениздат, 1939. С. 16.

6. Deane M. Political Control of the Soviet Armed Forces. London, 1977. 297 p.
7. Schapiro L. The Soviet Array. London. 1956. 480 p.
8. Партийно-политическая работа в Вооружённых Силах СССР, 1918–1973. Исторический очерк / под ред. А. А. Епишева. М.: Воениздат, 1974. 366 с.
9. Советские Вооружённые Силы. История строительства / С. А. Тюшкевич, Б. И. Зверев, Ю. И. Кораблев и др. М.: Воениздат, 1978. 576 с.
10. Петров Ю. П. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии (1921–1940 гг.). М.: Воениздат, 1954. 128 с.
11. В. И. Ленин и Советские Вооружённые Силы / под ред. А. С. Желтова. М.: Всеиздат, 1969. 415 с.
12. Политорганы Советских Вооружённых Сил: Историко-теоретический очерк / под ред. Г. В. Средина. М.: Воениздат, 1984. 400 с.
13. Арзамаскин Ю. Н. Комиссары. 1917–1942. М.: Вече, 2020. 464 с.
14. Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. М.: Госполитиздат, 1954. 32 с.
15. Scott H. W. The Armed Forces of the USSR. London, 1984. 447 p.
16. Communist Armies in Politics / ed. by J. Adelman. NY., 1982. 240 p.
17. Barchin M., Ben-Horin E. The Red Army. NY, 1942. 277 p.
18. Mackintosh M. Juggernaut. A History of the Soviet Armed Forces. London, 1967. 336 p.
19. Breadley J. The Russian War Mashine 1917–1945. London: Arms & Armour Press, 1977. 257 p.
20. Каширин П. А. Партия Ленина–Сталина – создатель и вождь Советских Вооружённых Сил. М.: Воениздат, 1948. 68 с.
21. Болотин А. Борьба партии большевиков за укрепление экономической и военной мощи СССР накануне Великой Отечественной войны (1935–1941 гг.). М.: ВПА, 1950. 71 с.
22. КПСС и строительство Вооружённых Сил СССР (1918 – июнь 1941 гг.) / под общ. ред. Ю. И. Кораблева М.: Воениздат, 1959. 452 с.
23. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история / под ред. П. Н. Поспелова М.: Воениздат, 1965. 621 с.
24. Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе М.: Вече, 2003. 544 с.
25. Тельпуховский Б. С. КПСС во главе строительства Вооружённых Сил СССР. Октябрь 1917–1982 гг. Исторический очерк. М.: Политиздат, 1983. 285 с.
26. Советские Вооружённые Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории / П. Н. Бобылев, В. П. Бокарев, С. В. Липицкий, М. Е. Монин М.: Политиздат, 1987. 415 с.
27. История КПСС в вопросах и ответах. Вып. 3 / под ред. В. В. Рыбникова М.: ВПА им. В. И. Ленина, 1990. 158 с.
28. Лебедев А. В., Рудой В. В. Эти люди... составляли главную движущую силу советского сопротивления. Комиссары и политработники на различных этапах развития Вооружённых сил СССР // Военно-исторический журнал 2024. № 6. С. 4–13.
29. Моисеев А. Н. Институт военных комиссаров в частях, учреждениях Красной армии и органах военного управления в годы гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Современная научная мысль. 2023. № 1. С. 83–89.
30. Марченко Г. В., Чимаров С. Ю., Бялт В. С. Деятельность военно-политических органов силовых структур: историческая ретроспектива и современные приоритеты // Управленческое консультирование. 2023. № 3. С. 86–100.

REFERENCES

1. Erickson, J. (1962). *The Soviet high command: A military-political history, 1918–1941*. London.
2. Fedotoff White, D. (1944). *The Growth of the Red Army*. Princeton.
3. Kolkowicz, R. (1967). *The Soviet Military and the Communist Party*. Princeton.
4. O'balance, E. (1964). *The Red Army. A Short History*. London.
5. Colton, T. (1979). *Commissars, Commanders, and Civilian Authority: The Structure of Soviet Military Politics*. London.
6. Deane, M. (1977). *Political Control of the Soviet Armed Forces*. London.
7. Schapiro, L. (1956). *The Soviet Array*. London.
8. Epishev, A. A., ed. (1974). *Party and Political Work in the USSR Armed Forces, 1918–1973. Historical*

- Essay*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
9. Tyushkevich, S. A., Zverev, B. I., Korablev, Yu. I., et al. (1978). *Soviet Armed Forces. History of Construction*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
 10. Petrov, Yu. P. (1954). *Construction of the Party and Political Apparatus of the Soviet Army (1921–1940)*. Moscow: Voenizdat, 1954. (in Russ.).
 11. Zheltov, A. S., ed. (1969). *V. I. Lenin and the Soviet Armed Forces (1969)*. Moscow: Vseiiidat publ. (in Russ.).
 12. Sredin, G. V., ed. (1984). *Political organs of the Soviet Armed Forces: Historical and theoretical essay*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
 13. Arzamaskin, Yu. N. (2020). *Commissars. 1917–1942*. Moscow: Veche publ. (in Russ.).
 14. Stalin I. V. (1954). *On the shortcomings of party work and measures to eliminate Trotskyist and other double-dealers*. Moscow: Gospolitizdat publ. (in Russ.).
 15. Scott, H. W. (1984). *The Armed Forces of the USSR*. London.
 16. Adelman, J., ed. (1982). *Communist Armies in Politics*. NY.
 17. Barchin, M. & Ben-Horin, E. (1942). *The Red Army*. NY.
 18. Mackintosh, M. (1967). *Juggernaut. A History of the Soviet Armed Forces*. London.
 19. Bradley, J. (1977). *The Russian War Machine 1917–1945*. London: Arms & Armor Press.
 20. Kashirin, P. A. (1948). *The Party of Lenin–Stalin – the Creator and Leader of the Soviet Armed Forces*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
 21. Bolotin, A. (1950). *The Struggle of the Bolshevik Party to Strengthen the Economic and Military Power of the USSR on the Eve of the Great Patriotic War (1935–1941)*. Moscow: VPA publ. (in Russ.).
 22. Korablyov, Yu. I., ed. (1959). *The CPSU and the Development of the Armed Forces of the USSR (1918 – June 1941)*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
 23. Pospelov, P. N., ed. (1965). *The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. A Brief History*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
 24. Cherushev, N. S. (2003). 1937: The Red Army Elite at Golgotha. Moscow: Veche publ. (in Russ.).
 25. Telpukhovskiy, B. S. (1983). *The CPSU at the Head of the Development of the USSR Armed Forces. October 1917–1982. Historical Essay*. Moscow: Politizdat publ. (in Russ.).
 26. Bobylev, P. N., Bokarev, V. P., Lipitsky, S. V. & Monin, M. E. (1987). *Soviet Armed Forces. Questions and Answers. Pages of History*. Moscow: Politizdat publ. (in Russ.).
 27. Rybnikov, V. V., ed. (1990). *History of the CPSU in Questions and Answers. Issue 3*. Moscow: VPA im. V. I. Lenin publ. (in Russ.).
 28. Lebedev, A. V. & Rudoy, V. V. (2024). These people... constituted the main driving force of the Soviet resistance. Commissars and political workers at various stages of the development of the USSR Armed Forces. In: *Military History Journal*, 6, 4–13 (in Russ.).
 29. Moiseyev, A. N. (2023). The Institute of Military Commissars in Units, Institutions of the Red Army and Military Command Bodies during the Civil War in Russia (1918–1920). In: *Modern Scientific Thought*, 1, 83–89 (in Russ.).
 30. Marchenko, G. V., Chimarov, S. Yu. & Byalt, V. S. (2023). Activities of Military-Political Bodies of Security Forces: Historical Retrospective and Modern Priorities. In: *Management Consulting*, 3, 86–100 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бруз Владимир Виленович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, кафедра государственной и муниципальной службы Государственного университета просвещения;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Bruz (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public and Municipal Service, Federal State University of Education;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Научная статья

УДК

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-139-151

К 100-ЛЕТИЮ ЛОКАРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И ПЕРВОГО ПАНЬЕВРОПЕЙСКОГО КОНГРЕССА; НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О «СПОРНЫХ» ЮБИЛЕЯХ В КОНТЕКСТЕ «РУССКОГО/СОВЕТСКОГО ВОПРОСА»

Жиряков И. Г.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: ivan1948@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.10.2025

После доработки 29.10.2025

Принята к публикации 07.11.2025

Аннотация

Цель. Восстановить некоторые страницы истории создания Лиги Наций и Панъевропейского движения; изучить основные решения Лиги Наций в Локарне, Первого конгресса панъевропейцев в Вене вообще и через призму «русского/советского вопроса» в частности; раскрыть основные суждения дискуссии в исторической литературе о месте и роли Лиги Наций и панъевропейского движения в 20-е годы XX века в международной жизни.

Процедуры и методы. Исследование выстраивается на принципах объективности и историзма; применён историко-сравнительный и историко-системный методы исторического исследования.

Результаты. Переосмыслены некоторые страницы истории создания Лиги Наций и Панъевропейского союза в 20-е годы XX в.; осуществлён критический анализ некоторых идей Р. Куденхове-Калерги; дана авторская оценка основным решениям Локарнской конференции и Первого панъевропейского конгресса; раскрыты особенности их политики по «русскому/советскому вопросу»; представлены гипотетические последствия действий Лиги Наций и Панъевропейского конгресса в противостоянии с СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья вносит вклад в новое прочтение истории создания Лиги Наций и Панъевропейского союза в 20-е годы XX в., в изучении их политики по «русскому/советскому вопросу»; обобщения и выводы исследования помогут более полному пониманию деятельности Лиги Наций, пацифистов, Панъевропейского союза в указанное время; результаты работы могут быть использованы при написании научных статей или подготовки к научным докладам, касающихся соответствующей проблематики.

Ключевые слова: Лига Наций, Локарнская конференция. Панъевропейский конгресс, пацифизм, панъевропеизм, «русский/советский вопрос»

Для цитирования:

Жиряков И. Г. К 100-летию Локарнской конференции и Первого Панъевропейского конгресса; некоторые размышления о «спорных» юбилеях в контексте «русского/советского вопроса» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 139–151.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-139-151

© СС ВУ Жиряков И. Г., 2025.

Original research article

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE LOCARNO CONFERENCE AND THE FIRST PAN-EUROPEAN CONGRESS; SOME REFLECTIONS ON "CONTROVERSIAL" ANNIVERSARIES IN THE CONTEXT OF THE "RUSSIAN/SOVIET QUESTION"

I. Zhiryakov

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: ivan1948@yandex.ru*

Received 10.10.2025

Revised 29.10.2025

Accepted 07.11.2025

Abstract

Aim: To restore some pages of the history of the creation of the League of Nations and the Pan-European Movement; to study the main decisions of the League of Nations in Locarno, the First Congress of Pan-Europeanists in Vienna, in general, and through the prism of the "Russian/Soviet question," in particular; to reveal the main discussions in historical literature about the place and role of the League of Nations and the Pan-European Movement in the 1920s in international life.

Methodology. The study is based on the principles of objectivity and historicism, and employs the historical-comparative and historical-systemic methods of historical research.

Results. The article reinterprets some pages of the history of the creation of the League of Nations and the Pan-European Union in the 1920s; provides a critical analysis of some of Richard Kudenhove-Kalergi's ideas; offers an author's assessment of the main decisions made at the Locarno Conference and the First Pan-European Congress; reveals the specifics of their policies on the "Russian/Soviet issue"; and presents hypothetical consequences of the League of Nations and the Pan-European Congress' actions in their confrontation with the USSR.

Research implications. The article contributes to a new interpretation of the history of the creation of the League of Nations and the Pan-European Union in the 1920s, as well as to the study of their policies on the "Russian/Soviet issue." The research's generalizations and conclusions will help to gain a better understanding of the activities of the League of Nations, pacifists, and the Pan-European Union during this period. The findings can be used in writing scientific articles or preparing research reports on related topics.

Keywords: League of Nations, Locarno Conference. Pan-European Congress, pacifism, pan-Europeanism, "the Russian/Soviet question"

For citation:

Zhiryakov, I. G. (2025). On the 100th anniversary of the Locarno conference and the First Pan-European congress; some reflections on "controversial" anniversaries in the context of the "Russian/Soviet question". In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 139–151.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-139-151

Введение **(из истории создания Лиги Наций** **и Панъевропейского движения)**

В историческом сообществе принято обращать внимание на юбилейные исторические даты, осмысление которых через большой промежуток времени помогает глубже понять суть тех или иных свершившихся событий.

Прошло 100 лет после Локарнской международной конференции, созванной Лигой Наций. В 2026 г. пройдёт столетие со дня Первого Панъевропейского конгресса, проведённого в Вене. Роднит эти события, как утверждалось много десятилетий во многих исторических исследованиях, идея формирования системы коллективной безопасности в Европе в межвоенный период и замысел о политическом и экономическом объединении европейских стран. Однако не только это указанное сближает названные события; их связывает и «русский/советский вопрос»¹.

Сегодня возникает потребность осмыслить по-новому эти два «спорных» (т. е. неоднозначных в оценке) юбилея, особенно в контексте «русского/советского вопроса».

Кстати, современная историография о Лиге Наций в постсоветское время стала объёмной. Причинами роста интереса к истории первой универсальной международной организации, по мнению отечественного исследователя А. С. Ходнева,

послужили «не только столетие Первой мировой войны, Версальского договора и создания Лиги Наций, но и погружение глобального мира с 1990-х гг. в многополярность, напоминающую эпоху 1920–1930-х гг.» [1, с. 77]. Довольна обширна и историография панъевропейского движения в *Interbellum*.

Какой необходимостью была предопределена конференция членов Лиги Наций – Великобритании, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Польши и Чехословакии в Локарно в октябре 1925 г.? Дело в том, что в 1922–1923 гг. государства Европы захлестнула очередная волна серьёзных международных конфликтов. Было ясно, что необходимо пересмотреть основные моменты послевоенного урегулирования и остановить явные угрозы экспансионизма. Основные государства Запада приняли решение перейти к лояльному диалогу стран Антанты со странами, проигравшими войну. Для предотвращения реваншистских идей следовало утвердить систему безопасности и сотрудничества.

Намерения пересмотреть характерное для Версальской системы чёткое разделение на победителей и побеждённых имели место в 1922–1923 гг. и реализовывались по инициативе Лиги Наций. Принятая в сентябре 1922 г. 14-я резолюция Ассамблеи Лиги наций давала её государствам-членам возможность заключения между собой договора о коллективной безопасности².

Следствием данной резолюции в 1923 г. стало рассмотрение проекта договора о взаимной помощи. Вместе с тем появились существенные противоречия по поводу механизмов отпора гипотетическому агрессору и нюансам оказания друг другу взаимопомощи. И только после окончания Рурского кризиса и смены правительств Великобритании и Фран-

¹ Термин «русский вопрос», как хорошо известно, появился в ходе подготовки и проведения Парижской мирной конференции; его сущность в понимании ведущих стран Запада сводилась, прежде всего, к тому, чтобы покончить с социалистической революцией в России и тем самым восстановить целостность мировой капиталистической системы (Штейн Б. Вопросы истории, 1947. № 8. С. 3–29). Но уничтожить советское государство в 1917–1919 гг. не удалось. Тем не менее недруги социализма никогда не исключали из повестки своих геостратегических целей идеологическую, политическую и даже вооружённую борьбу с СССР, вплоть до его развала. Потому, думается, что в данном случае с полным основанием можно использовать термин «русский/советский вопрос».

² Лига Наций: [сайт]. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/about/league-of-nations/at-wor> (дата обращения: 06.10.2025).

ции в 1924 г. ситуация начала существенно изменяться.

Под руководством Лиги планировалось претворить в жизнь план разоружения, а также создать систему международного арбитража и коллективной безопасности. Эти планы нашли отражение в Женевском протоколе, принятом в начале октября 1924 г. Советом Лиги Наций¹.

В это же время германское правительство поставило перед правительствами стран – членов Совета Лиги вопрос о вхождении Веймарской республики в Лигу Наций, требуя их согласия на то, что бы ей было предоставлено место постоянного члена в Совете, непризнания ответственности за развязывание Первой мировой войны, неприменения положений о взаимной помощи, содержащихся в ст. 16 Устава Лиги в отношении Германии [2, с. 32]. Затем появилось дополнительное условие: до вступления Германии в Лигу и до заключения гарантийного пакта союзники должны эвакуировать Кёльнскую зону и окончательно урегулировать вопросы, касающиеся разоружения [3, с. 166–167].

В ответе союзные державы подчёркивали, что вопрос об ответственности за войну решён Версальским договором, а переговоры о гарантийном пакте не могут внести изменения в мирный договор, и что Германия должна выполнить обязательства по разоружению, предусмотренные мирным договором [3, с. 168].

Одним словом, вызревание спорных вопросов в версальской системе международных отношений требовало рассмотрения их на международной конференции. Начавшиеся в декабре 1924 г. предварительные переговоры о гарантийном пакте

между Германией и союзниками к середине сентября 1925 г. были закончены.

В это же время разворачиваются пацифистское и панъевропейское движения. Пацифизм, как известно, – это идеология, политика и общественное движение, которое выступает против войн и любого рода насилия², а панъевропеизм – это движение, выступавшее с проектами континентального объединения Европы, с созданием «Соединённых Штатов Европы»³. Как же связано было пацифистское движение с панъевропейским движением и Лигой Наций?

Панъевропейские идеи распространялись на фоне пацифизма. Первая мировая война (1914–1918 гг.) стала катализатором панъевропейского движения. Российский исследователь А. М. Корженяк справедливо подчёркивает: «После войны, когда стала очевидной вся зыбкость Версальской системы, вновь появляются наработки проектов объединения Европы» [4, с. 128].

Создание и деятельность Лиги Наций способствовали распространению пацифистских идей, особенно среди деятелей культуры и политики. У этих влиятельных деятелей, «заражённых» пацифистскими мыслями, находили отклик замыслы о мирном объединении Европы; так начинает разворачиваться панъевропейское движение.

Одним словом, пацифистские концепции довольно быстро породнились панъевропейскими проектами. И во главе всего этого зарождающегося процесса встал австрийский граф Рихард Куденхове-Калерги. Его происхождение было смешанным: отец – гражданин многонациональной Австро-Венгрии, мать – японка, сохранявшая тесные духовные связи с родиной даже после эмиграции в Европу

¹ Женевский протокол от 02.10.1924 // Документы XX века: [сайт]. URL: <https://doc20vek.ru/node/3510> (дата обращения: 06.10.2025); Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть III: От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской Революции. Выпуск II: Акты дипломатии иностранных государств / сост. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. М.: Литиздат НКВД, 1929. С. 265–271.

² Пацифизм // Большая Российская Энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/patsifizm-266761> (дата обращения: 06.10.2025).

³ Панъевропеизм // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RJhJQ> (дата обращения: 06.10.2025).

[5, с. 5]. Без сомнения, значительное влияние на мировоззрение и деятельность Куденхове-Калерги оказало глубокое понимание много этнической сущности его «родной» Австро-Венгерской империи, где особенно ярко проявлялось стремление к укреплению взаимосвязей между народами Европы. Примечательно, что распад этой империи лишь усилил, а не ослабил эти интеграционные тенденции, что делает вполне логичным факт, что именно австрийский мыслитель стал первопроходцем в выдвижении идей европейской интеграции.

Как отмечают российские исследователи С. В. Арапина и М. А. Гетман, Куденхове-Калерги чётко осознавал возможность нового масштабного конфликта в Европе в 1920-х гг., что и подтолкнуло его к разработке идеи объединения европейских стран во имя мира и стабильности [6, с. 8].

В начале 1920-х гг. действия и пацифистов, и панъевропейцев носили, скорее, морально-нравственный характер. Но постепенно они нащупывали практическую, «политическую», почву. Их задача заключалась в повышении уровня политической культуры общества с целью формировании демократической идеологии в практике международных отношений.

Основные решения Локарнской конференции. Попытки их переосмысления

В Локарно 5–16 октября 1925 г. прошла международная конференция¹. Пожалуй, самым важным из всех подписанных документов на этой конференции стал Рейнский пакт, в котором Германия и Бельгия, Германия и Франция взаимно обязывались соблюдать постановления Версальского договора о западных границах и не прибегать к войне друг против друга².

¹ Локарнские договоры от 01.12.1925 // Документы XX века: [сайт]. URL: <https://doc20vek.ru/node/3917> (дата обращения: 06.10.2025).

² Рейнский гарантийный пакт 1925 // Локарнская конференция 1925. Документы. М.: Госполитиздат, 1959.

Главная цель Великобритании в рамках Локарнских соглашений, по словам Чемберлена, заключалась в том, чтобы вернуть Германию в состав европейских держав. Одновременно стремились снизить опасения Франции по поводу возвращения Германии к активному участию в европейских делах. Франция и Великобритания искали пути совместного принятия решений. В частности, требования Франции о полном разоружении Германии были существенно ослаблены, что отражало новую политическую реальность.

Германия была официально принята в Лигу Наций; Веймарская республика вошла в европейскую и мировую политику, получив статус равного со странами-победителями в прошедшей войне. Среди ключевых итогов Локарнских договоров – ускоренное завершение оккупационного периода (в 1930 г. вместо изначально запланированного 1935 г.) и отмена местного контроля за выполнением мер по разоружению.

Отрицательный опыт, связанный с Первой мировой войной, побуждал участников конференции в Локарне искать новые инструменты обеспечения глобальной безопасности и служил основанием для сохранения насторожённости по отношению к Германии.

Локарнские договоры, которые официально вступили в действие в 1925 г., явились шагом на пути создания системы коллективной безопасности в Европе; это подчёркивают и современные российские исследователи [7, с. 187]. Хотя «в реальности Рейнский гарантийный пакт содержал достаточно серьёзные противоречия» [7, с. 178].

Высоко отзывалось о Локарнских соглашениях немало глав больших и малых европейских государств; в их числе и руководство Австрии. В посольстве СССР в Вене отмечали: «Канцлер Австрии Рамек приветствовал Локарнские соглашения»³.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд (Ф).04. Опись (Оп.)1. Папка (П).4. Дело (Д) 60. Лист (Л)15.,

Советская сторона Локарнские договоры рассматривала через призму «объединение империалистических держав (как бывших победителей, так и побеждённой Германии) – с целью «создания единого антисоветского фронта». Она утверждала, и не без оснований, что это объединение «остриём своим» было направлено против СССР¹.

Локарнские договоры действительно способствовали антисоветскому объединению; правда, при этом внутри этого объединения несколько менялась расстановка сил в Европе. Она свидетельствовала об ослаблении позиций Франции. Больше всего от Локарнских договоров выиграла Великобритания².

Некоторые современные российские исследователи считают чуть ли не «своим долгом» защитить от критики Англию. Они утверждают, что оценки властей СССР, а затем советских историков относительно степени антисоветизма Локарнского проекта и последующих британских действий были гипертрофированными [8, с. 146], не признавая, что цели дипломатической изоляции Советского Союза были присущи британской дипломатии как в 1925 г., так и позднее [9, с. 181–188]. Другим «выгодоприобретателем» локарнских соглашений была Германия, засматривавшаяся отныне западными державами как «равноправный партнёр».

Германия согласилась решать все территориальные споры посредством международного арбитража, в который обязательно должны были быть вовлечены Бельгия, Польша, Франция и Чехословакия. Это решение признавалось как подтверждение права немцев на объединение, но одновременно стремилось урегулировать спорные вопросы в правовом поле.

В Локарно были подписаны двусторонние соглашения между Германией и

Польшей, Германией и Чехословакией по пограничным вопросам. Но эти соглашения не были объединены с Рейнским пактом. Получилось, как справедливо констатировал в своё время известный советский историк В. М. Турок-Попов, что Локарнская система гарантировала лишь «западную безопасность» [3, с. 169].

Министр иностранных дел Веймарской республики Г. Штресеман не скрывал амбициозных и агрессивных планов в отношении восточных соседей, которые включали возвращение Германии Данцига и Польского коридора, исправление границ Верхней Силезии и даже возможное присоединение Австрии [2, с. 33].

Итак, после подписания Локарнских соглашений в октябре 1925 г. внешнеполитическое положение Германии стало довольно твёрдым; уверенность германским властям придавала, в частности, полученная безопасность с западных границ страны, приобретение равного статуса международного субъекта. Более того, немецкое руководство dorосло, можно считать, до высокой степени решительности в том, что было готово поднимать тему бывших германских колоний, отмены военного ограничения, даже возвращения некоторых территорий в Европе. Именно в «постлокарнское время» внешняя политика Германии начинает приобретать первичные черты милитаризма.

Указанное обстоятельство и беспокоило советское руководство. Но не только это... Оно опасалось усиления международной изоляции и укрепления лагеря враждебных СССР держав (включая теперь и Германию) во главе с Великобританией. Ведь «Германию могли привлечь к участию в активной или пассивной форме в возможной агрессии против третьей стороны (читай СССР), как это было предусмотрено Статутом Лиги наций» [10, с. 100].

Так что английская «антисоветская изворотливость» была продемонстрирована во всей «своей красоте»: снятие локарнскими решениями ограничений с

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970.

² Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982.

Германии (казалось бы, назревшая мера) означало обострение «советского вопроса». Теперь Германии грозило превращение в плацдарм для грядущих выступлений против СССР [10, с. 113].

Кстати, советская сторона Локарнские договоры рассматривала через призму «объединение империалистических держав (как бывших победителей, так и побеждённой Германии) – с целью «создания единого антисоветского фронта»¹. Она утверждала, и не без оснований, что это объединение «остриём своим» было направлено против СССР².

Локарнская конференция была и остаётся предметом изучения и спора большого отряда отечественных и зарубежных исследователей. Одни из них придерживаются высокой оценки значимости этой конференции и документов, принятых её. Эта группа исследователей считает, что подписанный пакет Локарнских соглашений стал чуть ли не фундаментом для настоящей политической интеграции Европы.

Другая часть исследователей делает акцент на проблемах европейских межгосударственных отношений, которые были или не разрешены, или разрешены половинчато, не окончательно. В частности, остались нерешёнными вопросы, касающиеся восточных границ Германии с Чехословакией и Польшей, где проживала значительная часть немецкого населения.

Одни историки считают, что оценки властей СССР, а затем и советских историков относительно степени антисоветизма Локарнского проекта были гипертрофированными [8, с. 146]. В начале 2000-х гг. наши аналитики, повторяя западные мантры, не без ехидства писали: «Москва, которую преследовал кошмар “единения антисоветского фронта” считала, что в Локарно был создан новый

блок империалистических государств» [11, с. 10]. А разве советское руководство ошиблось в своих оценках?

Другие вспоминают известный тезис о том, что Локарнская конференция явилась «началом подготовки Второй мировой войны» [12, с. 3], выступление Сталина на XIV съезде ВКП(б), в котором подчёркивалось, что «Локарно есть план расстановки сил для новой войны, а не для мира»³.

Третьи – задаются вопросом: насколько можно было пересмотреть Версальский договор, не разрушив стабильности в Европе?

Дискуссия в исторической литературе о роли и месте Локарнской конференции в стабилизации международных отношений продолжается.

Панъевропейские идеи и практика в 1920-е гг.: малоизвестные страницы; критический анализ

В целом результативные итоги Локарнской конференции сказались на росте популярности панъевропейским движением в середине 20-х годов XX в. В 1922 г. в Вене Куденхове-Калерги инициировал создание движения «Пан-Европа», а в последующей книге с таким же названием он изложил свою концепцию политического объединения европейских государств [5].

К поддержке «Пан-Европы» присоединились видные французские политики, среди которых Л. Блюм, А. Бриан и А. де Гаспери⁴. Лозунги «континентального союза», «Соединённых штатов Европы» так или иначе пропагандировали каждый в своё время – С. Ю. Витте, Вильгельм II, У. Черчилль, Т. Масарик, А. Бриан и др. [13, с. 83].

Одобрительно к плану относились и в Австрии, её руководство. И. Зайпель, федеральный канцлер Австрии в 1922–

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1973–1982.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970. С. 245.

³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 261–352.

⁴ The Coudenhove-Kalergi plan. The genocide of the Peoples of Europe: [сайт]. URL: www.westernmspring.co.uk ((дата обращения: 06.10.2025)).

1924 гг. и 1926–1929 гг., являлся председателем австрийского отделения Панъевропейского союза. Не без его участия штаб-квартира панъевропейского объединения будет размещена в замке Габсбургов – Хофбурге.

В современной историографии и политической литературе деятельность Р. Куденхове-Калерги обычно воспринимается в высшей степени комплиментарно, считая его одним из ключевых «духовных основателей» Европейского союза.

Вместе с тем существуют исследования, которые подвергают сомнению благородство его замыслов и даже обвиняют его в идеях, которые можно интерпретировать как попытки подрыва права на самоопределение народов и последующего устранения национальных государств через использование этнических сепаратистских движений и масштабных миграционных процессов. Есть даже утверждения, распространяемые Википедией о том, что «План Калерги» есть не что иное как «заговор Куденхове-Калерги» – некий антисемитский план, предполагавший «смешать белых европейцев с другими расами путём миграции»¹.

Хорошо известны и нелюбимые суждения Р. Н. Куденхове-Калерги об СССР вообще и его внешней политике (напомним, что внешнеполитическим преемником СССР является Российская Федерация) в частности.

Отечественный публицист А. Кулепов, оценив работу Куденхове-Калерги «Сталин и Ко» (в русском переводе 1932 г. название звучит как «Большевизм и Россия»), считает необходимым подчеркнуть, что в «его тексте чувствуется идеологическая ярость и непримиримость», причём «Куденхове-Калерги “выступает совершенно однозначно, не стремясь сохранить пространство для

компромисса”»². В планах Панъевропейского союза, сформулированных Куденхове-Калерги, по мнению А. Кулепова, многое покажется современному человеку очень знакомым и напоминающим нынешние европейские реалии³.

Куденхове-Калерги считал, что вторжение России на европейский континент произойдёт непременно (и это заявление делается на фоне тяжелейших экономических проблем, требующих от советских властей оперативных решений и позитивных результатов). Он писал в своём манифесте: «Два наступающих десятилетия явят истории зрелище состязания между единением Европы и восстановлением России. Если Россия воспрянет после экономической катастрофы прежде, чем объединится Европа, Европа безвозвратно попадёт под русскую гегемонию; если Европа объединится до того, как Россия восстановит свою экономику – Европа будет спасена от русской опасности»⁴. Более того, лидер панъевропейцев полагал, что Россия, свершив свою экспансию, может превратить европейские государства в свои западные провинции!?

Потому, как писали советские дипломаты в Вене в своих сообщениях в Москву: «Программа Пан-Европа исключает СССР из предполагаемой организации Соединённые Штаты Европы»⁵.

Итак, в манифесте Р. Куденхове-Калерги главной целью европейского объединения объявлена «защита» от России. То есть автор ставит вопрос о существовании объединённой Европы в зависимости от «русского вопроса». Из дальнейшего разворота темы следует, что это

¹ План Калерги // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/План_Калерги (дата обращения: 06.10.2025).

² Кулепов А. Мироустроительная война // Красная Весна. Информационное агентство: [сайт]. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/paneuropeyskiy-proekt-riharda-kudenhove-kalergi> (дата обращения: 06.10.2025).

³ Кулепов А. Мироустроительная война // Суть времени. 2016. 26 августа.

⁴ Европейский манифест от 1 мая 1924 года. Публикация // Европейский альманах. История. Традиции. Культ. М., 1991. С. 112.

⁵ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 4. Д. 59. Л. 28.

никак не зависит от политического строя в самой России¹. И при этом нет абсолютной готовности понять логику действий России (советской или иной), ведь она тогда была озабочена не «стремлением к экспансии, а попыткой создать “зону безопасности”, отгораживающую СССР от новой потенциальной агрессии с Запада» [6, с. 10].

И ещё под «Пан-Европой» Куденхове-Калерги понимал создание единого союза, направленного не только против СССР, но и такого объединения, которое могло бы стать противовесом США и Великобритании.

Но, так или иначе, если отбросить в сторону ненависть (идеологическую и политическую) Куденхове-Калерги к СССР и коммунизму, а смотреть на его рассуждения и действия в рамках панъевропейской парадигмы, то нельзя не признавать тот факт, что он стал первым, кто концептуально обосновал и чётко сформулировал идею интеграции европейских стран в единую структуру, охватывающую территорию от Португалии до Польши.

Концепция Куденхове-Калерги основывалась на понимании того, что к началу XX в. Европа потеряла своё доминирующее положение на мировой арене, а эпоха гегемонии «белой расы» ушла в прошлое. По мнению австрийского графа, дальнейший политический упадок Европы может привести к его превращению в зависимую структуру, управляемую другими глобальными центрами влияния, и эту тенденцию следовало пресечь.

В 1926 г. в Вене состоялся Первый Панъевропейский конгресс, в котором приняли участие 2000 представителей 24 народов Европы. Среди участников форума были известные тогда европейские общественные и политические деятели: Э. Эррио, Л. Блюм, Э. Даладье и

П. Бонкур из Франции, Я. Шахт, К. Вирт, А. Эйнштейн, братья Томас и Генрих Манн из Германии, Ф. Ноэль-Блокер из Великобритании и З. Фрейд из Австрии.

Кстати, организаторы намечавшегося съезда планировали видеть на нём и делегацию СССР! И это при том, что Куденхове-Калерги считал, что восточная граница Европы сместилась и проходит теперь не «по Уралу, а по политической границе между Россией и её демократическими соседями» [5, с. 19]. То есть, по мнению графа, Европа кончается там, где кончается «демократическая политическая система». Именно этим он обосновывал недопущение России до единого европейского пространства [6, с. 7–11].

Но, тем не менее, журнал «Пан-Европа», издаваемый Куденхове-Калерги, в целом, как писали советские дипломаты в Вене, проявлял «благоприятное отношение к нам»².

Руководитель советского внешнеполитического ведомства Г. В. Чичерин просил своих подчинённых в Вене объяснить организаторам Конгресса, что поскольку в СССР ещё не создано панъевропейское общество, то и советская сторона не может послать делегацию³. Некая «пикантность» данной ситуации заключается в том, что Г. В. Чичерину уже было известно о том, что «директивная инстанция» (читай: партийно-государственное руководство) не дала согласие на создание пацифистского общества в СССР⁴.

Тем не менее Г. В. Чичерин считал необходимым использовать обстановку Конгресса, «большое количество прибывших» для того, чтобы «объяснить им нашу миролюбивую политику»⁵.

Так что советской делегации не было на Венском конгрессе пацифистов. Но его делегаты приветствовали одного русского гостя – им был бывший глава Временного правительства А. Керенский. Совет-

¹ Кулепов А. Мировоустроительная война // Красная Весна. Информационное агентство: [сайт]. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/paneuropeyskiy-proekt-riharda-kudenhove-kalergi> (дата обращения: 06.10.2025).

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 4. Д. 59. Л. 26.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 4. Д. 59. Л. 33.

ские дипломаты в Вене писали в Москву, что его речь была «бесцветной» и «встречена с иронией»¹.

Советская сторона выражала неудовольствие по поводу его выступления на Конгресс; Куденхове-Калерги, по словам советских дипломатов, оправдывался, отмечая, что Керенский приглашён был не как представитель России и говорил «от своего имени»².

Работа Первого панъевропейского движения в либеральной прессе Австрии и многих других стран была оценена высоко; однако посольство СССР в Вене было иного мнения. Оно писало М. М. Литвинову: «...проведённый конгресс оказался более рекламным и более реакционным, чем можно было ожидать»³.

Так или иначе, но идеи панъевропейского движения получили поддержку среди некоторых влиятельных политиков в Европе, включая известных французских политиков и государственных деятелей, как Э. Эррио и А. Бриана. В январе 1925 г. Эррио впервые (как государственный деятель) предложил концепцию создания «Соединённых Штатов Европы», которые должны были действовать под покровительством Лиги Наций.

С середины 1920-х гг., по мнению сегодняшних отечественных исследователей, в международной политике начинается новый этап, ознаменовавшийся противоречивыми событиями; с одной стороны, шёл процесс обострения внутренних противоречий версальско-вашингтонской системы, постепенного расшатывания этой системы усилиями враждебных ей государств; с другой, вступлением Запада на путь дипломатического признания Советского государства [14, с. 75].

Сторонниками панъевропейских идей представляли себя Болгария, Греция, Румыния, Чехословакия, Югославия. Тогда как Великобритания, Бельгия и Нидер-

ланды смотрели на инициативы «панъевропейцев» с опаской из возможных потерь связей с колониальными владениями. Германия рассматривала проект как возможность пересмотра итогов Версальского договора, а фашистская Италия поддерживала идею конфронтации «молодых наций» со «старой Европой».

Некоторые исследователи пытаются связать распространение пацифистских идей в Европе с Пактом Бриана-Келлога, подписанным в 1928 г. В нём, как известно, был закреплён отказ от применения насилия для решения международных конфликтов и поощрявший мирные способы урегулирования споров.

Вдохновлённый успехом А. Бриана на 10-й сессии Лиги Наций представил Меморандум, где панъевропейская интеграция рассматривалась как ключ к «установлению прочного мира и устранению анархии международных отношений в Европе, способствующей возникновению конфликтов» [15, с. 189–197].

Поскольку обстоятельства требовали усиления внимания к экономическому сотрудничеству, Бриан предложил создать «общий рынок», направленный на объединение европейских стран в сферах производства, таможенного дела и финансов [4, с. 129]. Он направил меморандум европейским правительствам, которые в итоге заблокировали панъевропейскую идею. Эта идея, выдвинутая Брианом, была, как отмечают некоторые современные российские исследователи, «расплывчатой и открытой для интерпретации, поскольку она явно стимулировала создание независимых институтов нового Европейского Союза, но, в свою очередь, подчиняла их практическому уровню Общества Наций» [15, с. 189–197]. А в Лиге Наций – лидеры, как известно, борющиеся друг с другом Франция и Англия; тогда все «заботы» Бриана о европейском сотрудничестве становятся ясными.

Потому и идеи Бриана были с неприятием встречены рядом европейских государств, поскольку в них изначально

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 4. Д. 59. Л. 84.

² Там же..

³ Там же. Д. 60. Л. 84.

заложены, прежде всего, французские, а затем уже общеевропейские интересы.

Заключение

В соответствии с методологической традицией, требующей делать акцент, прежде всего, на позитивных последствиях того или иного изученного исторического события, нужно отметить, что Локарнская конференция явилась знаковым событием 20-х гг. XX в. В результате локарнских договоров укрепились концепция, что международные отношения должны опираться на новые принципы, исключающие применение насилия для достижения политических целей. Но, а если говорить о конкретных решениях, то важнейшие из них, как уже отмечалось, были или не разрешены, или разрешены половинчато, не окончательно.

И при этом отрицать явное проявление «антисоветизма» во внешней политике ведущих стран Лиги Наций просто невозможно. И речь идёт не только о политико-идеологическом противостоянии, а о сознательно выработанном антисоветском курсе, результатом которого должно быть исчезновение независимого, имеющего все права на существование, государства. «Исторические параллели» напрашиваются самими собой: как похожа та ситуация на сегодняшнее поведение «демократического Запада» в отношении нашей страны...

Создание и деятельность Лиги Наций способствовали переводу пацифистских

идей на практическую, «политическую», почву. Их цель должна была заключаться не в навязывании государствам – участникам Лиги Наций каких-либо жёстких норм и ограничений, а в демократизации системы международных отношений в целом, повышению уровня политической культуры государств-участников, формировании и распространении демократической идеологии системы международных отношений среди европейских народов.

В пацифистских кругах, особенно среди деятелей культуры и политики, находила отклик идея мирного объединения Европы; разворачивается и панъевропейское движение, возглавил которое австрийский граф Р. Куденхове-Калерги. Нельзя обойти молчанием известно сложившееся утверждение о том, что он стал первым, кто концептуально, как уже отмечалось, обосновал и чётко сформулировал идею интеграции европейских стран в единую структуру.

Однако размышления Куденхове-Калерги о «русском/советском вопросе», о России как о некоем монстре, стремившемся к военному поглощению Запада, с исторической точки зрения не могут не вызывать неприятие. Сохраняется устойчивое ощущение о том, что в планах Панъевропейского союза, сформулированных Куденхове-Калерги и в его некоторых действиях, есть очень знакомое и напоминающее нынешние европейские реалии...

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходнев А. С. Зыбкая память: отношение к Великой войне в Лиге Наций // Новый исторический журнал. 2024. № 2. С. 76–99.
2. Костромина Н. Г. Франко-германские отношения между первой и второй мировыми войнами (1919–1939 гг.). Кемерово, 2012. 127 с.
3. Турок-Попов В. М. Локарно. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 268 с.
4. Корженяк А. М. Развитие концепции формирования Европейского союза (XIX – первая половина XX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 124–133.
5. Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа / пер. с нем. Б. Швегловой, И. Абдуллиной. М.: Вита Планетаре, 2006. 119 с.
6. Арапина С. В., Гетман М. А. Отношения России и Европы во взглядах Р.Н. фон Кундехове-Калерги // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2. С. 7–11.

7. Хахалкина Е. В., Дзюба В. С. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации Версальской системы: взгляд из Лондона // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. № 1. С. 157–195.
8. Сергеев Е. Ю. Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Т-во научных изданий КМК, 2024. 396 с.
9. Магадеев И. Э. От нормализации к кризису и обратно. Рецензия: Сергеев Е. Ю. Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Т-во научных изданий КМК, 2024 // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2024. № 4. С. 181–188.
10. Матвеев Г. Ф., Матвеева Е. Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 3. С. 100–122.
11. Аршинцева О. А., Глушков А. Е. Локарно, 80 лет спустя // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. С. 7–11.
12. Карой Л. Великобритания и Локарно. М.: Издательство ИМО, 1961. 144 с.
13. Суслов А. Ю. Социалистическая Лига Нового Востока как проект объединения эмиграции (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 82–86.
14. Цыплин В. Г. Поиск новых векторов внешней политики России в Европе в начале 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 75–80.
15. Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Европейская идея А. Бриана в межвоенный период // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 2. С. 189–197.

REFERENCES

1. Khodnev, A. S. (2024). Shaky memory: attitude to the Great War in the League of Nations. In: *New Historical Journal*, 2, 76–99 (in Russ.).
2. Kostromina, N. G. (2012). *Franco-German relations between the first and second world wars (1919–1939)*. Kemerovo (in Russ.).
3. Turk-Popov, V. M. (1949). *Locarno*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russ.).
4. Korzhenyak, A. M. (2022). Development of the concept of the formation of the European Union (19th – first half of the 20th century). In: *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 3, 124–133 (in Russ.).
5. Kudenhove-Kalergi, R. N. (2006). *Pan-Europa*. Moscow: Vita Planetare Publ. (in Russ.).
6. Arapina, S. V. & Getman, M. A. (2015). Relations between Russia and Europe in the views of R.N. von Kundekhove-Kalergi. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 3-2, 7–11 (in Russ.).
7. Khakhalkina, E. V. & Dziuba, V. C. (2021). Locarno agreements of 1925 in the context of the transformation of the Versailles system: a look from London. In: *Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*, 1, 157–195 (in Russ.).
8. Sergeev, E. Yu. (2024). *Deceptive dawn: Soviet Union and Great Britain in 1925–1932*. M.: T-in scientific publications KMK Publ. (in Russ.).
9. Magadeev, I. E. (2024). From normalization to crisis and vice versa. Review: Sergeev E. Yu. *Deceptive dawn: Soviet Union and Great Britain in 1925–1932*. M.: T-in scientific publications KMK, 2024. In: *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: History. Political science. International relations*, 4, 181–188 (in Russ.).
10. Matveev, G. F. & Matveeva, E. Yu. (2020). Lokarnsky turn 1925 through the eyes of Soviet newspaper commentators and politicians. In: *Bulletin of Moscow University. Series 8. History*, 3, 100–122 (in Russ.).
11. Arshintseva, O. A. & Glushkov, A. E. (2005). Locarno, 80 years later. In: *Izvestia of Altai State University*, 4, 7–11 (in Russ.).
12. Caroy, L. (1961). *Great Britain and Locarno*. Moscow: IMO Publ. (in Russ.).
13. Suslov, A. Yu. (2022). Socialist League of the New East as a project to unite emigration (1920s). In: *Bulletin of Tomsk State University. History*, 77, 82–86 (in Russ.).
14. Tsyplin, V. G. (2013). Search for new vectors of Russian foreign policy in Europe in the early 1920s. In: *Izvestia Saratov University. Series: History. International relations*, 13-1, 75–80 (in Russ.).
15. Shchuplenkov, O. V. & Shchuplenkov, N. O. (2024). European idea of A. Briand in the interwar period. In: *Bulletin of Bryansk State University*, 2, 189–197 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жиряков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: ivan1948@yandex.ru; ORCID:

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhiryakov Ivan Georgievich – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: ivan1948@yandex.ru; ORCID:

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 94(477)"17"/929(045)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-152-158

МАЛОРОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО XVII ВЕКА В ТРУДАХ М. О. КОЯЛОВИЧА (ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА)

Володихин Д. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация*

*Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)*

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: volodih@mail.ru

Поступила в редакцию 12.10.2025

После доработки 30.10.2025

Принята к публикации 09.11.2025

Аннотация

Цель. Приложить методы цивилизационного подхода к концепции социально-политической борьбы малороссийского казачества, изложенной Михаилом Осиповичем Кояловичем в его фундаментальном научно-учебном труде «Чтения по истории Западной России»

Процедура и методы. Предварительно проводится анализ сущности так называемых партий казачества, появившихся в XVII столетии, — как их историческая роль и программа политической борьбы поданы М. О. Кояловичем. Затем к систематизированному материалу прилагается цивилизационный подход.

Результаты. Делается вывод о том, что наличие и борьба казачьих партий в середине XVII — начале XVIII столетия на территории Малороссии отражают гораздо более глобальное историческое явление, а именно наличие сложного цивилизационного разлома в указанный период на малороссийских землях.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье проводится анализ фундаментального классического исторического труда, актуализированного в настоящее время событиями политической реальности.

Ключевые слова: М. О. Коялович, история казачества, историография, цивилизационный подход к истории, цивилизационный разлом, Малороссия, история России, царь Алексей Михайлович, политическая борьба, русский народ

© СС ВУ Володихин Д. М., 2025.

Для цитирования:

Володихин Д. М. Малороссийское казачество XVII века в трудах М. О. Кояловича (под углом зрения цивилизационного подхода) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 152–158.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-152-158

Original research article

THE LITTLE RUSSIAN (MALOROSSIA) COSSACKS OF THE 17TH CENTURY IN THE WORKS OF M. O. KOYALOVICH (FROM THE POINT OF VIEW OF A CIVILIZATIONAL APPROACH)

D. Volodikhin

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsk

(First Cossack University)

Moscow, Russian Federation

e-mail: volodih@mail.ru

Received 12.10.2025

Revised 30.10.2025

Accepted 09.11.2025

Abstract

Aim. To apply the methods of the civilizational approach to the concept of the socio-political struggle of the Little Russian Cossacks, outlined by Mikhail Osipovich Koyalovich in his fundamental scientific and educational work "Readings on the History of Western Russia".

Methodology. A preliminary analysis is carried out of the essence of the so-called "parties" of the Cossacks, which appeared in the 17th century, as their historical role and the program of political struggle were presented by M. O. Koyalovich. Then a civilizational approach is applied to the systematized material.

Results. It is concluded that the presence and struggle of Cossack parties in the middle of the 17th and early 18th centuries on the territory of Little Russia reflect a much more global historical phenomenon, namely, the presence of a complex civilizational rift in the Little Russian lands during this period.

Research implications. The article analyzes the fundamental classical historical work, which is currently actualized by the events of political reality.

Keywords: M. O. Koyalovich, history of the Cossacks, historiography, civilizational approach to history, civilizational rift, Little Russia (Malorossia), history of Russia, Tsar Alexei Mikhailovich, political struggle, Russian people, in the west and in the east of the country

For citation:

Volodikhin, D. M. (2025). The Little Russian (Malorossia) Cossacks of the 17th century in the works of m. O. Koyalovich (from the point of view of a civilizational approach). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 152–158.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-152-158

Введение

Классический русский историк XIX столетия Михаил Осипович Коялович оставил целый ряд крупных работ, к которым специалисты обращаются до сих пор. Но прежде всего он широко известен своими трудами по истории «Западной России» (его собственный термин), что означает территории нынешних Белоруссии, Украины, Литвы [1; 2; 3; 4].

В конце XX – начале XXI столетия в научной среде оказались актуализированы его труды, связанные с последовательно охранительным, русским и православным взглядом на исторические процессы. В связи с этим о Михаиле Осиповиче много писали, как о крупном историке-консерваторе [5, с. 3–12; 6; 7; 8; 9, с. 223–228].

В работах М. О. Кояловича по западно-русской истории последовательно и ясно отстаивается мнение о цивилизационном единстве великороссов, малороссов и белорусов. Современный историк В. А. Теплова, чётко показала суть этого взгляда на историю Западной России: «С точки зрения Кояловича, белорусы, малороссы и великороссы – один народ – славяне, создавшие своё первое государственное объединение под названием Русь. Несмотря на длительный период политического обособления, этот народ сохранил и выработал великую культуру, высшим достижением которой явился литературный русский язык. Коялович полагал, что все эти 3 ветви русского народа генетически, материально и духовно связаны между собой и составляют в совокупности единую русскую цивилизацию». Михаил Осипович, таким образом, поставлен в фокус цивилизационного подхода к истории. Притом его биограф отмечает, что учёный не сосредотачивался на единообразии культур этой цивилизации, скорее, можно говорить о том, что он говорил о духовном единстве при наличии заметных региональных различий¹.

Период литовского владычества не мог длиться долго, поскольку внёс религиозное раздвоение в жизнь русского народа, замутнив и осложнив её тем самым. М. О. Кояловичу принадлежит чеканная формулировка: «Непрочность самостоятельности Литвы объясняется двойственностью её начал – латинством и православием».

Наиболее известным трудом Михаила Осиповича, где выражена эта позиция, являются «Чтения по истории Западной России». Книга была издана в Петербурге в 1864 г. по итогам курса лекций, прочитанных М. О. Кояловичем ряду лиц высшего общественного круга, которые в условиях подавления польского сепаратистского мятежа пожелали ознакомиться с теми историческими условиями, которые его породили. Только при жизни историка книга была переиздана 4 раза. Позднее, в советское время, она не подходила новым властям по идеологическим причинам, как, впрочем, и большая часть научного наследия М. О. Кояловича. Но относительно недавно, в XXI в., «Чтения по истории Западной России» получили мощную актуализацию.

Политический конфликт России и киевского режима вновь сосредоточил внимание огромного количества людей, как специалистов-историков, так и широкой публики на трудах, которые дают классическую, фундаментальную концепцию, объясняющую исторические корни современных проблем. Книга неоднократно переиздавалась, как в Белоруссии, так и в России. И в «Чтениях по истории Западной России», и в публицистических статьях, Михаил Осипович проявлял себя сторонником самых тесных связей между общерусским центром и западными окраинами страны. Он считал необходимым поддерживать в этой «конфликтной зоне» всё русское и православное.

¹ Теплова В. А. М. О. Коялович и православная историческая школа Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3R3aNA> (дата обращения: 01.10.2025).

Цивилизационный подход применительно к концепции казачества

Как уже было показано выше, современная наука пришла к обоснованному применению цивилизационного подхода к трудам М. О. Кояловича. Сам он этого сделать не мог, поскольку труды русских теоретиков цивилизационного подхода, в первую очередь Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, вышли позже его «Чтений», а именно в 1870-х гг. [10; 11].

В настоящей статье решается задача применения методов цивилизационного подхода к той концепции казачества Малороссии в XVII столетии, которую М. О. Коялович изложил на страницах «Чтений по истории Западной России».

Итак, отталкиваясь от его стремления видеть в цивилизационном единстве региональные различия, стоит обратить внимания на то, что середина – вторая половина XVII столетия, по Кояловичу, была временем даже не столько борьбы различий вокруг цивилизационной нормы, сколько становлением самой нормы.

С этой точки зрения, фактически оспаривалась принадлежность земель Малороссии к цивилизации, которая в своей основе была Русской, а конфессионально православной. Казачество явилось наиболее активным общественным элементом общества того времени, и через его устремления названная борьба видна лучше всего.

Казачество Малороссии, его исторические задачи и «партии»

Михаил Осипович видел историческую задачу, можно сказать, историческое призвание казачества в борьбе с «азиатским элементом», т. е. пребывание в постоянной боевой готовности на границах цивилизационной территории Креста. Однако жестокая политическая борьба, а затем и долгая война, в которой определялась государственная принадлежность Малороссии (1654–1667 гг.), привели отчасти к деморализации каза-

чества, а затем и к частичному искажению его изначальных интересов и задач. Сформировались своего рода казачьи «партии».

Так, например, собственно-русская партия была представлена в первую очередь гетманами Петром Сагайдачным и Богданом Хмельницким. При неоднозначном, колеблющемся отношении к России, они всё же значительную часть времени своего гетманства занимали прорусскую и пророссийскую позицию, безусловно православную.

Вторая партия, а именно пропольская или просто «польская» (так у самого М. О. Кояловича), выведена Михаилом Осиповичем как результат своего рода мировоззренческого отравления казачества Малороссии.

Так, по его словам, «выступила на сцену партия, проникнутая шляхетскими принципами польской жизни. Начало ей положено было в казачестве в очень давнее время... В казачество поступали и польские шляхтичи, не уживавшиеся почему-либо в польском государстве. Польское управление, так часто тяготившее над казаками, самозванческие и польские смуты увеличивали число поляков между казаками и помогали последним приобретать значение... Двигателем шляхетско-польской теории в казачестве был Выговский, генеральный писарь при Хмельницком, а после его смерти сперва попечитель нового гетмана, молодого сына Хмельницкого – Юрия, а потом происками добившийся сам гетманства. Выговский занял самое двуличное положение. Он постоянно уверял московское правительство в своей верности и в то же время сносился с польским правительством. Такое положение он занял, впрочем, по необходимости. Простой народ и низшее казачество преданы были Москве и опасно было сразу затронуть их народные симпатии к России. Польские симпатии жили в высшем казачестве и отчасти в малороссийском мещанстве. Очевидно, что план Выговского – оторваться от Рос-

сии и отдаться Польше – находил больше ручательств в успехе на западной стороне Днепра, более ополяченной и ошляхетченной, чем на восточной, которая заселялась самыми горячими и чистонародными ревнителями малороссийских интересов» [4, с. 177–179].

Однако обращение Выговского к плану разделения Малороссии на 2 части, одна из которых отдрейфует в сторону Речи Посполитой, по мнению М. О. Кояловича, совершенно обоснованному, должно было встретить на Левобережье Днепра восстание против него. А это восстание могло уничтожить и тот частичный успех, которого Выговский мог добиться на Правобережье Днепра. Одна мысль об обратном движении к католической панской Польше способна была остудить пыл самых горячих поборников союза с ней и, тем более, подчинений ей. Поэтому Выговский первое время действовал тайно и лишь затем развязал открытую войну.

Третья партия – «турецкая» или «турецко-татарская». Она стремилась к мягким условиям подданства у турецкого султана, что означало автономию Малороссии при общем главенстве султана. Сама эта партия родилась в условиях тяжёлой, непримиримой войны, когда умы части казачества на время оказались подвержены полному отрицанию любых вариантов подчинения Речи Посполитой или России.

Как пишет М. О. Коялович, «Представителем турецко-татарской партии был войсковой есаул Пётр Дорошенко. Дорошенко воспользовался раздражением татар и турок против Польши за Андрусовский мир с Россией и поднял их против Польши, обещая Турции подданство Малороссии. Дорошенко, по-видимому, достиг успешно своей цели. На словах турки давали Малороссии полную независимость. Но не так было на деле. Утверждаясь в Малороссии, они нарушали самые священные её права – превращали церкви в мечети, попирали ногами право-

славную святыню, забирали народ целыми сотнями и тысячами и обращали в магометанство. Народ приходил в отчаяние и проклинал Дорошенко. Малороссия теперь имела полную возможность оценить идею малороссийской независимости и то, под чьей властью ей лучше быть.

Народные симпатии к России ожили с новой силой. Опять, как во время неудач Хмельницкого, народ Украины устремился на восточную сторону Днепра, в пределы Московского государства. С 1674 по 1678 г. западная часть Малороссии страшно от этого обезлюдела. Сам Дорошенко увидел необходимость идти по этому направлению и умолять русское правительство даровать ему прощение и принять под свою власть несчастную часть Малороссии, попавшую под турецкое иго» [4, с. 183–184].

Стоит повторить и подчеркнуть этот момент: поражение «турецкой» партии связано было с попытками насильственного введения ислама и презрительным отношением к православным святыням.

В итоге победила «русская», точнее пророссийская православная партия. Причина её победы заключалась в «низовом факторе». Его можно также назвать фактором цивилизационного выбора. Казачество массово тянулось к России и выбирало её как более родную в этническом, культурном и конфессиональном плане.

М. О. Коялович с полным на то основание замечает: «Над всеми этими партиями и их делами возносился единый, русский православный дух малороссийского народа, равно стремившийся как к тому, чтобы Малороссия была едина, так и к тому, чтобы в этом единстве она осталась русской и православной. Этот-то русский православный дух малороссийского племени обладал... строительной исторической силой и обнаружил её в таких поразительных явлениях, над которыми глубоко может задуматься всякий мыслитель и принести дань глубокого уважения историческим способностям русского народа к доблести» [4, с. 185].

Заключение

С точки зрения цивилизационного подхода, это означает существование на землях Малороссии XVII в. «цивилизационного разлома» (термин, введённый в теорию цивилизационного подхода С. П. Хантингтоном [12]). Иначе говоря, существования границ разных цивилизаций, притом границ, пребывающих в динамике, не успевших застыть.

Можно резюмировать: территория Малороссии в XVII столетии оспаривалась тремя цивилизациями, которые влияли на настроения казачества, выстраивая потенциал перехода земель Малороссии под строго определённый

цивилизационный контроль. Это Православная цивилизация, представленная государством Россия, Католическая цивилизация, представленная государством Речь Посполитая, и Исламская цивилизация, представленная двумя государствами: султанской Турцией и Крымским ханством. Борьба между ними и вылилась в создание казачьих «партий».

В конечном итоге пространством Малороссии было поделено между первой и второй цивилизациями с безусловным перевесом первой, поскольку в границах Речи Посполитой сохранялся большой казачий анклав, сохранявший верность православию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коялович М. О. Три подъёма русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут: Речь, произнесённая в собрании С.-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1880 г. Михаилом Кояловичем. СПб., 1880. 74 с.
2. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 602 с.
3. Володихин Д. М. Профессор и рыцарь. Историк Западной России М.О. Коялович // Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. М.: Воздушный транспорт, 2012. С. 3–12.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
5. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Тип. Суворина, 1884. 604 с.
6. Коялович М. О. Литовская церковная уния. Т. 1–2. СПб.: тип. Н. Тихменева, 1859–1861. 758 с.
7. Черепица В. Н. Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества. Гродно: ГрГУ, 1998. 327 с.
8. Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. М.: Воздушный транспорт, 2012. 350 с.
9. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1876. 132 с.
10. Чернобаев А. А. Коялович Михаил Осипович // Историки России. Биографии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 223–228.
11. Смолин М. Б. Очерки имперского пути: Известные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX в. М.: Журнал «Москва», 2000. 301 с.
12. Теплова В. А. М. О. Коялович и православная историческая школа Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/byCpI> (дата обращения: 06.10.2025).

REFERENCES

1. Koyalovich, M. O. (1880). *Three Upsurges of the Russian National Spirit for the Salvation of Our Statehood During the Time of the Imposter's Troubles: Speech Delivered at the Assembly of the St. Petersburg Theological Academy on February 17, 1880 by Mikhail Koyalovich*. St. Petersburg (in Russ).
2. Huntington, S. (2003). *The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order*. Moscow: AST Publ. (in Russ).
3. Volodikhin, D. M. (2012). Professor and Knight. Historian of Western Russia M. O. Koyalovich. In: Koyalovich M. O. *Readings on the History of Western Russia*. Moscow: Air Transport Publ. (in Russ).
4. Danilevsky, N. Ya. (2008). *Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. (in Russ).

5. Koyalovich, M. O. (1884). *History of Russian Self-Consciousness Based on Historical Monuments and Scientific Works*. St. Petersburg: Suvorin Printing House (in Russ).
6. Koyalovich, M. O. (1859–1861). Lithuanian Church Union. Vol. 1–2. St. Petersburg: N. Tikhmenev Printing House (in Russ).
7. Cherepitsa, V. N. (1998). *Mikhail Osipovich Koyalovich: History of Life and Work*. Grodno: Grodno State University (in Russ).
8. Koyalovich, M. O. (2012). *Readings on the History of Western Russia*. Moscow: Air Transport Publ. (in Russ).
9. Leontiev, K. N. (1876). *Byzantium and Slavism*. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University (in Russ).
10. Chernobaev, A. A. (2001). Koyalovich Mikhail Osipovich. In: *Historians of Russia. Biographies*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 223–228.
11. Smolin, M. B. (2000). *Essays on the Imperial Path: Unknown Russian Conservatives of the Second Half of the 19th – First Half of the 20th Century*. Moscow: Magazine «Moscow» Publ. (in Russ).
12. Teplova, V. A. M. O. *Koyalovich and the Orthodox Historical School of Belarus*. Available at: <https://clclib.byCpI> (accessed: 06.10.2025) (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володихин Дмитрий Михайлович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет); e-mail: volodih@mail.ru; ORCID:

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodikhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; research vice-rector, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University); e-mail: volodih@mail.ru; ORCID:

Научная статья

УДК

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-159-172

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА УПРАВЛЕНИЯ БАШКИРАМИ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Литвинов П. П.

независимый исследователь, г. Елец, Российская Федерация

e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Поступила в редакцию 02.08.2025

После доработки 29.08.2025

Принята к публикации 14.19.2025

Аннотация

Цель. Исследовать эволюцию законодательной базы системы управления башкирами в составе Российского государства в дореволюционный период.

Процедура и методы. Исследование формирования системы управления башкирским населением в составе Российского государства потребовало использовать комплекс методов, сочетающих общенаучные и социально-исторические подходы. Выбор методологии обусловлен необходимостью анализа правовой базы, социальных процессов и изменения статуса башкирского населения.

Результаты. Дореволюционный опыт пребывания башкир в его составе, сотрудничество с русским и иными этносами, способствовали в дальнейшем их успешному развитию в рамках советской автономии и в настоящее время.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование системы управления башкирским населением позволяет глубже понять механизмы интеграции нерусских народов в состав Российского государства, определить специфику административных и правовых походов к управлению этническими группами. Исследование вносит вклад в дискуссию о «кочевом феодализме» и характере подданства кочевых и полукочевых народов. Изучение исторического опыта взаимодействия Российского государства с разными этническими группами полезно для выработки стратегий межэтнического диалога в современной России.

Ключевые слова: башкиры, кочевой социум, Российское государство, царская власть, административное управление, законодательные акты, воинские формирования

Для цитирования:

Литвинов П. П. Нормативно-правовая база управления башкирами в дореволюционный период: источниковедческий анализ // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 159–172.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-159-172

Original research article

THE LEGAL FRAMEWORK GOVERNING BASHKIRS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: A SOURCE ANALYSIS

P. Litvinov

Independent Researcher, Yelets, Russian Federation

Received 02.08.2025

Revised 29.08.2025

Accepted 14.19.2025

Abstract

Aim. To study the evolution of the legislative framework of the Bashkir governance system in the Russian state in the pre-revolutionary period.

Methodology. The study of the formation of a management system for the Bashkir population within the Russian state required the use of a set of methods combining general scientific and socio-historical approaches. The choice of methodology is conditioned by the need to analyze the legal framework, social processes and changes in the status of the Bashkir population.

Results. The pre-revolutionary experience of Bashkir membership, cooperation with Russians and other ethnic groups, further contributed to their successful development within the framework of Soviet autonomy and at the present time.

Research implications. The study of the management system of the Bashkir population allows us to better understand the mechanisms of integration of non-Russian peoples into the Russian state, to determine the specifics of administrative and legal campaigns for the management of ethnic groups. The study contributes to the discussion of "nomadic feudalism" and the nature of the subjugation of nomadic and semi-nomadic peoples. Studying the historical experience of the Russian state's interaction with different ethnic groups is useful for developing strategies for interethnic dialogue in modern Russia.

Keywords: bashkirs, nomadic society, Russian state, tsarist government, administrative administration, legislative acts, military formations

For citation:

Litvinov, P. P. (2025). The legal framework governing Bashkirs in the pre-revolutionary period: a source analysis. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 159–172.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-159-172

Введение

Башкиры составляли одну из наиболее значительных кочевых агломераций в дореволюционной России. Об их истории существует серьёзная научная литература. Система управления башкирами в составе Российского государства также стала предметом многих исследований. На эту тему имеется несколько значительных монографий. К числу таких сле-

дует отнести труды А. З. Асфандиярова, А. Р. Аетбаева, Б. А. Азнабаева и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. В этих трудах достаточно подробно рассматривается система управления, авторы анализируют административные, социальные и правовые аспекты этой системы. Отдельно следует выделить многотомное издание «Истории башкирского народа» [9]. Издание посвящено разным периодам истории

башкирского народа, в т. ч. в нём достаточно подробно рассматривается процесс интеграции башкирских земель в административную систему Российской империи. Важным источником материалов по истории башкир является сборник документов, изданный в 2012 г. [10]. Также значительный вклад в исследование данной проблемы вносят научные публикации статейного формата современных исследователей, среди которых необходимо выделить работы И. Р. Кунафиной, И. З. Самситдинова и др. [11; 12].

Считаем важным начать с того, что башкиры расселились на территории современного Башкортостана ещё в начале новой (нашей) эры. В последующем они кочевали в Предуралье и на Южный Урал, а также между реками Волгой и Яиком (Уралом). В арабских источниках IX–X вв. башкир называли *башгурд*. В средневековье в их среде шёл процесс разложения родоплеменных (патриархальных) и формирования феодальных отношений. Долгое время сохранялось рабство. С X в. в башкирском социуме начал распространяться ислам. Однако, как и у многих иных кочевых народов Евразии, мусульманская религия у башкир сохраняла много пережитков доисламских народных верований, о чём тоже существуют научные исследования. В X–XIII вв. башкиры подчинялись Волжско-Камской Булгарии. В 1229–1236 гг. земли башкир были завоёваны монголо-татарами. После распада Золотой Орды южные и юго-восточные земли башкир оказались в Ногайской Орде, западные – в составе Казанского ханства, а северные – Сибирского ханства.

После завоевания Россией Казанского ханства Башкирия вошла в состав Московского государства. Русские власти относились с осторожностью к жизни новых подданных, оставив им традиционные институты управления и суда. Историография башкир дореволюционного времени создала над проблемой солидную научную рефлексию, основанную

преимущественно на материальных, архивных, публицистических и иных материалах. Многие её выводы несомненны, однако в целом она так и не отразила истинную сущность политики Российского государства по отношению к башкирам, поскольку нередко игнорировала правовую сторону проблемы. А ведь именно законодательные акты царской власти о ней свидетельствовали с действительной безупречной и доказательной научной истиной. Вот почему мы решили посвятить это исследование историко-правовому аспекту административного управления башкирами в дореволюционный период.

Политика умиротворения: становление системы управления башкирами

Соборное Уложение 1649 г. (ст. 43) призывало русских людей у башкир «всяких земель не покупать, не менять и в заклад, и сдачей и в наём на многие годы не иметь»¹. Таким образом царская власть оберегала кочевников от посягательств на их имущество и права со стороны корыстных русских бояр, чиновных и «деловых» людей.

Вместе с тем царизм изначально старался подчинить башкир своей власти и влиянию. Советская историография писала о том, что это вызывало сопротивление трудящихся масс кочевников, однако есть основания полагать, что, пожалуй, не меньшее, а большее недовольство политика русских вызывала у башкирской трайбальной верхушки, не желавшей ни с кем делиться своей властью над соплеменниками. Поэтому в XVII–XVIII вв. башкиры неоднократно восставали против царской власти. «В пику» последней они охотно принимали у себя беглых русских – крепостных, старообрядцев, преступников, скрывавшихся от наказания и др., оказывая им помощь и покровительство.

¹ ПСЗРИ-I. Т. 1. СПб., 1830. № 1. Глава XVI. Статья 43-я. С. 81

Первые цари из династии Романовых вынуждены были мириться с башкирским своеволием, но суровый и решительный Пётр I начал последовательно бороться с ним. В 1720 г. он направил в Башкирскую степь отряд под командованием графа Г. И. Головкина¹. Он был снабжён царской инструкцией, которая содержала не только угрозы строгого наказания за «возмущения» против царской власти, но и обещание прощения за смирение башкир перед её установлениями². Фактически одновременно царь направил грамоту башкирскому народу, в которой повторял положения инструкции, данной Головкину, и призывал к покорности и подчинению русским властям. Беглым русским, по возвращении их, обещалось прощение³. Однако башкиры не реагировали на царские угрозы, продолжая восставать против власти, грабя при этом русские крепости и поселения.

В короткое царствование малолетнего императора Петра II был издан указ об укреплении городов и острогов в Уфимской и Соликамской провинциях от нападения «башкирцев», и о постройке на горах и в высоких местах маяков для сигналов жителям в случае неприятельского нападения⁴. В указе также отмечалось, что башкиры вместе с калмыками и другими «степными» народами часто нападают на города и остроги в указанных местностях, и надо принимать все меры по пресечению их грабежей.

В мае 1736 г. императрица Анна Иоанновна издала «именной» указ Казанскому губернатору А. И. Румянцеву о принятии мер к отвращению бунта, производимого «башкирцами»⁵. Губернатор постарался исполнить предписания царицы, но полностью погасить мятеж кочевников не смог. Тем не менее через

год Анна Иоанновна приказала генерал-майору Ф. И. Соймонову переселить всех пойманных башкирских бунтарей в отдалённые места Сибири с тем, чтобы они не могли вернуться в родные места и снова устраивать мятежи против царской власти⁶. В марте 1739 г. последовал очередной «именной» указ императрицы Соймонову о том, чтобы он запретил «башкирцам» совершать вооружённые набеги на кочевья в Киргиз-кайсацкой степи⁷: башкиры числом в 530 чел. напали на киргиз-кайсаков, ограбили их кочевья, взяли в плен 30 чел., угнали 3000 лошадей, 70 верблюдов и это надо решительно пресечь, чтобы это в последующем не вызвало более серьёзных случаев вражды между ними и киргиз-кайсаками.

Царизм не только предпринимал строгие меры против бунтующих башкир, но и старался привлечь их к реализации своих региональных проектов. Так, например, в начале июня 1714 г. Пётр I издал «именной» указ о привлечении «башкирцев» к строительству нового города в Сибирской губернии⁸. В мае 1734 г. императрица Анна Иоанновна в инструкции, данной статскому советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье р. Ор, указывала, что русским служилым людям, регулярным и иррегулярным, платить за стройку, а «башкирцев» не привлекать, т. к. они и так должны служить бесплатно⁹. Она назначила полковника Тевкелева командиром Башкирского иррегулярного войска. Нелишне заметить, что он отличился на этом поприще карательными экспедициями против степных повстанцев – башкир.

Утвердившись у власти, императрица Елизавета Петровна обнаружила, что недовольство башкир русской властью во многом вызывалось порочным поведением царских чиновников, начальство-

¹ В 1720 г. он был назначен президентом Коллегии иностранных дел – П.Л.

² ПСЗРИ-I. Т. 6. СПб., 1830. № 3565. С. 179–180.

³ ПСЗРИ-I. Т. 6. СПб., 1830. № 3566. С. 180–181.

⁴ ПСЗРИ-I. Т. 8. СПб., 1830. № 5248. С. 17–19.

⁵ ПСЗРИ-I. Т. 9. СПб., 1830. № 6972. С. 835–836.

⁶ ПСЗРИ-I. Т. 10. СПб., 1830. № 7243. С. 135–136.

⁷ ПСЗРИ-I. Т. 10. СПб., 1830. № 7782. С. 749.

⁸ ПСЗРИ-I. Т. 5. СПб., 1830. № 2818. С. 112.

⁹ ПСЗРИ-I. Т. 9. СПб., 1830. № 6572. С. 330.

вавших над ними. В ноябре 1745 г. при Императорском Дворе была учреждена комиссия для исследования злоупотреблений при управлении бывших командиров над «башкирцами»¹. Комиссии было предписано собирать сведения о таких фактах и принимать первичные меры реагирования на них через различные государственные ведомства. Естественно, что образование комиссии повлияло на поведение царских администраторов в Башкирской степи, сдерживало совершение ими корыстных поступков по отношению к её кочевому населению.

«Дщерь» Петра Великого проводила политику разумного умиротворения отношений власти с башкирами. 1 сентября 1755 г. Елизавета Петровна издала «именной» указ «О Всемиловейшем прощении «башкирцев», которые, учинив разные злодеяния, бежали с жёнами и детьми, если добровольно из бегства возвратятся»². Это было «высочайшее» подтверждение предложения, с которым 14 августа 1755 г. к башкирам обратился Оренбургский губернатор, действительный тайный советник, адмирал И. И. Неплюев.

При этом императрица не забывала и о мерах подавления антивластных выступлений кочевников. 26 сентября 1755 г. она издала соответствующий «именной» указ³. Но линия на достижения мира с башкирами считалась более предпочтительной. В марте 1756 г. была установлена отсрочка для возвращения на прежние места проживания башкир, бежавших от преследования русских военных экспедиций⁴.

Поскольку башкиры, спасаясь от царских войск, часто бежали с семьями в Киргиз-кайсацкую степь, где их, несмотря на прошлые обиды, охотно принимали казахи, сочувствовавшие кочевым собратьям, то беглецы неохотно возвращались

домой, опасаясь мести со стороны властей. Эта проблема стала заботой и правительств императрицы Екатерины II.

1 ноября 1763 г. Оренбургская губернская канцелярия направила рапорт в Правительствующий Сенат, в котором предлагала продлить срок возвращения башкир на прежние места жительства, но не более чем на 1 год. Сенат признал её мнение разумным и издал соответствующий указ⁵.

В 1775 г. Екатерина II провела знаменитую губернскую реформу⁶. Она закрепила ту систему административно-территориального разделения страны, которая просуществовала не только весь дореволюционный период, но советский и постсоветский, хотя и под иными названиями составляющих её элементов. По реформе Башкирия (Уфимская и Исетская провинции) в административном отношении входила в состав Оренбургской губернии. В июне 1781 г. царица «именным» указом разделила Российскую империю на 40 губерний, включая Уфимскую и Симбирскую⁷. В декабре того же года было учреждено Уфимское наместничество в составе 2 областей – Уфимской и Оренбургской, с разделением их на уезды⁸. Во главе нового административно-территориального образования был поставлен генерал-поручик И. В. Якоби. В Уфимскую область входило 8 уездов, в Оренбургскую – 4. Центром наместничества стала Уфа.

В декабре 1789 г. был издан указ о разрешении башкирам вступать в податные сословия⁹. Это способствовало ускорению среди них процесса седентаризации, приобщению к земледелию и деловой активности.

Император Павел I, не любивший новаций своей матери, вступив на престол, начал менять многие её преобразования.

¹ ПСЗРИ-I. Т. 12. СПб., 1830. № 9227. С. 479.

² ПСЗРИ-I. Т. 14. СПб., 1830. № 10453. С. 413–414.

³ ПСЗРИ-I. Т. 14. СПб., 1830. № 10469. С. 436–437.

⁴ ПСЗРИ-I. Т. 14. СПб., 1830. № 10519. С. 52.

⁵ ПСЗРИ-I. Т. 16. СПб., 1830. № 11994. С. 471.

⁶ ПСЗРИ-I. Т. 20. СПб., 1830. № 14392. С. 229–287.

⁷ ПСЗРИ-I. Т. 21. СПб., 1830. № 15171. С. 135–136.

⁸ ПСЗРИ-I. Т. 21. СПб., 1830. № 15307. С. 365–366.

⁹ ПСЗРИ-I. Т. 23. СПб., 1830. № 16824. С. 99–100.

Буквально через месяц с небольшим после её кончины, 12 декабря 1796 г., «именным» указом государство было поделено на губернии¹. Документ интересен тем, что в нём Уфимская губерния уже *именуется Оренбургской*. В марте 1797 г. Оренбург получил статус губернского центра². Через год в управлении башкирами произошли серьёзные изменения. Их земли были разделены на кантоны³. В Уральском казачьем войске оказалось 2 башкирских кантона, в Оренбургском казачьем войске – 5, в Ставропольском Калмыцком – 1, в Пермской губернии – 2 и в Оренбургской – 8. Башкиры привлекались к иррегулярной линейной службе на границах Оренбургской губернии. Так закладывались основы Башкиро-Мещеряцкого войска.

Император Александр I ослабил статус Оренбурга переводом губернского управления в Уфу⁴. В апреле 1802 г. он писал Оренбургскому военному губернатору, генерал-майору А. Н. Бахметеву о том, что получил жалобу от башкир Бирского уезда о злоупотреблениях чиновников Земского суда и приказывал ему разобратся и наказать их по закону и суду, обеспечив жителям уезда благополучное существование⁵.

В сентябре 1806 г. последовал указ о прекращении самовольных переходов башкир из Оренбургской в другие губернии, о назначении им границ в их собственности и об употреблении их на службу⁶. В апреле 1811 г. Александр I издал акт о формировании 3 полков: 1 – из Ставропольских калмыков и 2 – из башкир⁷. В каждом полку должно было состоять по 500 чел., т. е. по 5 сотен всадников, с окладом на каждого по 12 руб./год.

В апреле 1824 г. правительствующий Сенат издал указ о правах «башкир, ме-

щеряков, тептерей, бобылей и прочих разного наименования казённых поселян на занимаемые ими земли в Оренбургской губернии»⁸.

В конце мая 1836 г. император Николай I утвердил штат по управлению Башкирским и Мещеряцким войском⁹:

– *командующий войском* в чине генерала (ему жалованье по чину, столовых – 4000 руб./год, на разъезды – 1500 руб.);

– *2 адъютанта* (жалованье по чинам, но старшему также 500 руб. столовых);

– *Канцелярия*:

- *письмоводитель* (1500 руб./год);

- *2 столоначальника* (по 800 руб.)

- *2 помощника* (по 500 руб.)

- *8 канцелярских служителей* (по 350 руб.); из них 2 писаря «татарского» языка;

- *переводчик с «татарского» языка* (500 руб.);

- канцелярские расходы – 1500 руб./год;

– *6 попечителей кантонов* из штаб-офицеров (жалованье по чинам, столовых – по 1500 руб., на разъезды – по 650 руб., на канцелярские расходы – по 200 руб.); при них: 6 переводчиков (по 250 руб./год), 6 писарей (по 150 руб.), 6 стряпчих из войск (по 750 руб., им же на разъезды – по 600 руб. и на канцелярские расходы – по 150 руб.), 17 кантонных начальников (по 650 руб./год), при них 17 письмоводителей (на жалованье и канцелярские расходы – 15 000 руб.)¹⁰.

Царское правительство изначально вело борьбу с конокрадством среди кочевников. В 1840-х гг. оно приобрело угрожающие размеры, и Государственный совет в начале 1848 г. принял постановление о

¹ ПСЗРИ-I. Т. 24. СПб., 1830. № 17702. С. 259.

² ПСЗРИ-I. Т. 24. СПб., 1830. № 17888. С. 515.

³ ПСЗРИ-I. Т. 25. СПб., 1830. № 18477. С. 189–197.

⁴ ПСЗРИ-I. Т. 27. СПб., 1830. № 20170. С. 67.

⁵ ПСЗРИ-I. Т. 27. СПб., 1830. № 20231. С. 106–107.

⁶ ПСЗРИ-I. Т. 29. СПб., 1830. № 22284. С. 743–744.

⁷ ПСЗРИ-I. Т. 31. СПб., 1830. № 24583. С. 608–609.

⁸ ПСЗРИ-I. Т. 39. СПб., 1830. № 29870. С. 258–277.

⁹ ПСЗРИ-II. 12. Отд. 2. СПб., 1838. Прибавление к XI-му тому. № 9242-а. С. 7.

¹⁰ ПСЗРИ-II. 12. Отд. 2. СПб., 1838. Прибавление к XI-му тому. № 9242-а. С. 7.

мерах к отвращению конокрадства¹. Закон распространялся лишь на часть губерний: Астраханскую, Оренбургскую, Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую, Тамбовскую, Тульскую, Казанскую, Вятскую, Нижегородскую, Владимирскую и Костромскую. В начале июня 1851 г. он был распространён также на башкир Оренбургской, Вятской и Пермской губерний². Следует обратить внимание на то, что в законе упоминались Оренбургская и Вятская губернии. Получается, что тогда он не касался башкир, проживавших на их территории.

В феврале 1854 г. Николай I утвердил «Положение о продаже казённого вина и изделий из оного в великороссийских губерниях на четырёхлетие – с 1855 по 1859 г.»³. В §62 указывалось, что в кантонах Башкиро-Мещеряцкого войска «распивочная и дробная продажа питей на вынос воспрещается, а потому ввоз в означенные места вина и открытие там вновь каких бы то ни было заведений для продажи оного ни под каким видом не дозволяется»⁴.

В феврале 1855 г. к Башкиро-Мещеряцкому войску присоединили «тептярей» и «бобылей»⁵. Осенью 1855 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор, генерал-адъютант В. А. Перовский направил в Военный совет представление о новом разделении Башкирского войска на кантоны и юрты, об устройстве управления этим войском и о штате командующего им. Военный совет рассмотрел документ в декабре 1855 г. и постановил:

1. устроить в Башкиро-Мещеряцком новые кантоны и юрты;

2. назначить генерал-губернатору Перовскому «особого гражданского чиновника», служащего по военному министерству, с окладом содержания: жа-

лованье – 1300 руб., столовых – 400 руб. и квартирных – 300 руб.

3. одобрить временный штат Канцелярии командующего войском, с присвоением её сотрудникам мундиров военного министерства⁶.

Одновременно был утверждён временный штат Канцелярии командующего Башкиро-Мещеряцким войском⁷. Всего в Канцелярии – 38 чел., годовой расход на её содержание – 10.060 руб. 65 коп.:

- правитель Канцелярии – в VIII классе (815 руб./год);
- помощник правителя канцелярии – IX классе (500 руб.);
- 4 столоначальника – в IX классе (по 443 руб. 20 коп.);
- 4 помощника столоначальников – в X классе (по 300 руб.);
- 4 младших помощника – в XII классе (по 220 руб. 20 коп.);
- 6 канцелярских служителей 1-го разряда (по 150 руб.);
- 6 канцелярских служителей 2-го разряда (по 114 руб. 40 коп.);
- 6 канцелярских служителей 3-го разряда (по 85 руб. 57½ коп.);
- регистратор и архивариус – IX класс. (300 руб.);
- помощник регистратора и архивариуса – XII класс. (200 руб. 20 коп.);
- казначей – IX класс (443 руб. 20 коп.);
- помощник казначея – X класс (300 руб.);
- экзекутор – IX класс (343 руб. 20 коп.);
- переводчик татарского языка – X класс (300 руб.);
- канцелярские расходы (985 руб. 60 коп./ год).

В феврале 1856 г. военный министр объявил Положение Военного совета о разделении Башкирского войска на кантоны, юрты и попечительства, и о штате

¹ ПСЗРИ-II. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1849. № 21905. С. 50–51.

² ПСЗРИ-II. Т. 26. Отд. 2. СПб., 1852. № 2555. С. 376.

³ ПСЗРИ-II. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 27912. С. 77–175.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ ПСЗРИ-II. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1856. № 29060. С. 170–171.

⁶ ПСЗРИ-II. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1856. № 30008. С. 775.

⁷ ПСЗРИ-II. Т. 30. Отд. 2. СПб., 1856. Штаты и таблицы. № 30008. С. 423.

кантонных управлений этого войска¹. Он состоял из: 9 попечителей кантонов (штаб-офицеров) (по 429 руб.), также выделялись средства на разъезды и канцелярские расходы. При них 9 письмоводителей (по 150 руб.). При них писари и переводчики. На всё войско 12 стряпчих. Они также получали средства на разъезды и канцелярские расходы. Начальников кантонов – 28 чел. (по 185 руб. 90 коп.). Также в войске работали 97 русских писарей, 56 татарских. Кантонных помощников – 77 чел., юртовых старшин – 394 чел. Всего на содержание нового штата Башкирского войска выделялось в год 70.413 руб. 50 коп.

В конце марта 1857 г. был издан царский указ о форме обмундирования и вооружения Башкирского войска². Он устанавливал:

1) генералам, штаб и обер-офицерам присваивались эполеты;

2) офицерам и нижним чинам в обычное время надлежало носить светлосиние бешметы со стоячим воротником (офицерам – суконным, нижним чинам – китайчатым) с красными погонами, на которых был обозначен номер полка;

3) отменялись бывшие у нижних чинов манишки.

В октябре 1861 г. Государственный совет постановил: усилить штат Канцелярии командующего Башкирским войском 5 чиновниками (с окладом в 300 руб./год) и 5 писарями (с окладом в 150 руб./год). Кроме того, добавили 100 руб. к окладу казначея и 470 руб. на канцелярские расходы всего штата³.

Реформы 1860–1890 гг.: переход к гражданскому управлению и новые вызовы

В мае 1863 г. царь Александр II утвердил новое «Положение о башкирах»⁴. До-

кумент свидетельствовал о кочевниках, составляющих Башкирское войско и правах башкир дворянского сословия. Для устройства жизни башкир по «общим основаниям Империи» надзор за ними возлагался «на Кантонных Начальников и Общее Управление башкир, под непосредственным наблюдением Оренбургского и Самарского генерал-губернатора и ведением Военного министерства»⁵. Сельские общества составлялись из башкир одного большого или нескольких мелких селений. Волостные общества образовывались из смежных сельских обществ. Поскольку некоторые волости делились границами уездов, что затрудняло управление ими, то вопрос об этом губернаторы решали с министром внутренних дел.

Сельское общественное управление составляли:

1) сельский сход;

2) сельский Староста.

«Положение» указывало, что «сельский сход составляется из домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества, а, кроме того, из всех назначенных по выбору сельских должностных лиц. Сельский сход созывается, смотря по надобности, Старостой, преимущественно в дни праздничные»⁶.

Вместе с тем документ отмечал, что сход мог созываться по приказу кантонного начальника, когда ему это было необходимо. Статья 31 гласила: «Ведению сельского схода подлежат:

1) выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход;

2) приговоры об удалении из общества вредных и порочных членов его, временное устранение башкир от участия в сходах не более, как на 3 года;

3) увольнение из общества членов его и приём в состав общества лиц других башкирских обществ;

¹ ПСЗРИ-II. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1857. № 30138. С. 70-71; ПСЗРИ-II. Т. 31. Отд. 2. СПб., 1857. Штаты и табели. № 30138. С. 26-29.

² ПСЗРИ-II. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31667. С. 262.

³ ПСЗРИ-II. Т. 36. Отд. 2. СПб., 1863. № 37538. С. 384.

⁴ ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39622. С. 442-464.

⁵ Там же. С. 443.

⁶ Там же. С. 447.

4) назначение опекунов и попечителей, проверка их действий;

5) разрешение семейных разделов»¹.

Всего в перечне обязанностей сельского схода было 18 пунктов, в т. ч.: «Выделение участков в частную собственность».

Вопросы о земле, удалении из общества и др. решались 2/3 участников схода. По мелким вопросам сход решал их 50% + 1 голос. Приговоры сельского схода исполнялись без разрешения начальства, кроме вопросов об удалении «порочных» башкир из общества; о выделении участков в частную собственность, об избрании лиц в духовные должности и строительстве мечетей.

На сельских старост налагались полицейские обязанности, включая их право налагать на виновных в проступках штраф не более 1 руб. и арест – на срок не более 2 дней.

Волостное (юртовое) управление составляли: 1) волостной (юртовый) сход; 2) Волостной (юртовый) старшина с Волостным управлением; 3) Волостной (юртовый) суд. Волостной сход составляется из выборных – по одному от 25 хозяйств.

«Положение» устанавливало предметы ведения волостного схода из 9 пунктов, похожие на аналогичные prerogatives сельских сходов, обязанности сельского старосты (ст. 39–46), волостного старшины (ст. 58–66).

К полицейским обязанностям волостного старшины относились:

1) объявлять распоряжения властей, следить, чтобы не было ложных слухов, антиправительственных высказываний и т. п.;

2) охрана благочиния и спокойствия;

3) задерживать беглых, дезертиров и т.п., предоставляя их полицейскому начальству;

4) «доносить полиции о самовольно отлучившихся из волости и о преступлениях и беспорядках, случившихся в волости»;

5) доносить полиции о приписке к обществам, увольнении из них и т.п. 6) Распоряжаться на пожарах и прочих общественных бедствиях;

7) «предупреждать и пресекать преступления и проступки, принимать полицейские меры для открытия и задержания виновных и представлять их на дальнейшее распоряжение начальства»;

8) «наблюдать за исполнением приговоров народного суда»;

9) рассылать метрические книги через сельских старост, которые выдавать им для регистрации рождений, браков, смертей и т. п.

К числу прочих его обязанностей законодатель отнёс следующие: созывать сходы, наблюдать за дорогами, мостами и др., выдавать увольнительные билеты, наблюдать за порядком в училищах, больницах, богадельнях, мечетях и проч. заведениях, раскладку и сбор податей и т. п. За маловажные проступки волостной старшина имел право взыскивать с башкир так же, как и сельский староста. Недовольные его взысканиями имели право подавать жалобы Кантонному начальнику или его помощнику в 2-х недельный срок. Закон указывал: «Волостное правление составляется из: Старшины, всех сельских старост или помощников Старшины и из сборщиков податей там, где есть особые сборщики... Волостное правление собирается по возможности и удобству в праздничные дни»².

Закон устанавливал порядок назначения и удаления сельских и волостных должностных лиц, их правах и ответственности (ст. 91–110)³. Должностные лица у башкир избирались, но, по усмотрению общества, они могли и назначаться по найму.

Обязательно избирались должностные лица:

1) волостной старшина;

2) сельские старосты;

3) помощники Старшины;

¹ ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39622. С. 447.

² Там же. С. 454

³ Там же. С. 457-459

4) сборщики податей и заседатели волостных правлений;

5) судьи волостного суда,

6) смотрители магазинов, лесные и полевые сторожа, смотрители общественных заведений.

А волостные и сельские писари и т. п. могли назначаться по найму обществ.

Устанавливался возрастной ценз для выборных – не моложе 25 лет, ранее не судимы и не состояли под следствием. Срок службы всех выборных (кроме сборщиков податей) составлял 3 года. Сборщики податей избирались на 1 год. Волостной старшина утверждался в должности Кантонным начальником и приводится им к присяге на верность службы. Об этом он доносил в Общее управление башкирами.

Если итоги выборов вызывали недовольство и жалобы 1/5 общества, то Кантонный начальник в 2-х недельный срок изучал их и мог назначить новые выборы. Волостные старшины и сельские старосты за должностные преступления удалялись от должности, но «не иначе, как с утверждения Управления башкирами».

Назначение содержания выборным должностным лицам предоставлялось усмотрению самих обществ, от которых зависело их избрание. Общества также сами устанавливали содержание для должностных лиц, работающих по найму.

Должностные выборные лица на время службы освобождались от натуральных повинностей и телесных наказаний. Если они совершали мелкие должностные преступления и проступки, то Кантонный начальник подвергал их: выговору, штрафу до 5 руб. или аресту до 7 дней. Примечание к ст. 106 отмечало, что за важные должностные преступления и проступки Кантонный начальник отдавал выборных лиц под суд по общим законам Российской империи. Жалобы на несправедливость должностных лиц подавались Кантонному начальнику¹.

В рамках рассматриваемого документа излагались также «Правила об Особом управлении Башкирами»². Они указывали, что для приведения в действие «Положения о башкирах» и сближения их с общеимперскими условиями образуется особое «Управление башкирами», находящееся в подчинении Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору и в ведении Военного министерства.

«Особое Управление Башкир» представляли:

- 1) Кантонное управление;
- 2) Общее управление башкирами.

Кантонное управление составляли: Кантонный начальник с помощниками и Канцелярией.

При образовании кантонных управлений принималось за основание уездное разделение. Указывалось, что башкирские земли делились на 11 кантонных управлений: 1) Оренбургское; 2) Верхне-Уральское; 3) Троицкое; 4) Челябинское; 5) Красноуфимское; 6) Бирское; 7) Мензелинское; 8) Бугурусланское; 9) Белебеевское; 10) Уфимское; 11) Стерлитамакское.

«Общее управление башкирами» представляли: Заведующий башкирами, его помощник, советники и прочие чины по штату. Управление башкирами имело 4 отделения: 1) административно-распорядительное; 2) хозяйственное; 3) повинностей; 4) контрольное. В Управлении начальствовал Заведующий башкирами, а отделениями управляли Советники. Общее Присутствие Управления башкирами состояло из: Заведующего башкирами, его помощника, советников и 4 начальников отделений, а также «приглашаемых по нужде» землемеров, лесничих, докторов, архитекторов и др. При Управлении башкирами работали: чиновники особых поручений и стряпчие, архитектор и Строительные кондуктора, Старший доктор и его помощники, участковые врачи и их помощники, Старший ветеринарный лекарь, младшие ве-

¹ ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39622. С. 459

² Там же. С. 464–473

теринарные лекари, повивальные бабки, фельдшеры, оспопрививатели и др.

Примечание к ст. 9 указывало, что при Управлении башкирами могут быть межевые, лесные и иные чины. Заведующий башкирами назначался «высочайшими» указами, по представлению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. Помощник Заведующего башкирами – военным министром, по его же представлению. Все остальные чины Управления башкирами определялись, перемещались и увольнялись военным министром, а чины контрольные – Государственным контролёром. «Правила» предусматривали наблюдение за правильным оформлением метрических свидетельств у башкир – мусульман и «язычников».

К указанным выше документам прилагался штат Управления Башкирами¹. Заведовал им чиновник в гражданском («генеральском») чине IV класса – действительного статского советника с окладом содержания в 5000 руб./год. Его помощник состоял в чине V класса (статского советника), с окладом в 2400 руб. 4 советника были чинами VI класса (коллежскими советниками), с жалованьем в 1750 руб. каждому. Кантонных начальников было 11 чел., в VII классе (надворных советников), с окладами по 1450 руб. У них было 38 помощников, в IX классе (титulyрных советников) – по 430 руб. Всего в Управлении башкирами числилось 149 чел. и на их содержание выделялось 107.595 руб./год.

В декабре 1863 г. были учреждены новые знаки для должностных лиц волостного и сельского управления башкир, которые изготовлялись из светлой бронзы с надписями о должности: «волостной старшина», «помощник волостного старшины», «сельский староста». На оборотной стороне знаков было вензелевое изображение имени «Его Величества», с обозначением вокруг него даты «высочайше» утверждённого «Положения об

управлении башкирами», то есть: «14-го мая 1863 года». Знаки должны были носиться на особых бронзовых цепях. Волостные старшины носили их на шее, а другие выборные должностные лица – на груди. Расход на изготовление знаков относили на «мирские» средства волостных и сельских обществ башкир².

В мае 1865 г. император Александр II утвердил «Положение об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской»³. На основании этого документа все дела, ранее открывавшиеся в Оренбургском губернском правлении по делам башкир, передавались полностью в аналогичное Уфимское учреждение. Все ведомства, занимавшиеся башкирами, также открывались в новой губернии. Мы полагаем, что этот акт предварял передачу башкир под эгиду МВД и издание 2 июля того же года нового «Положения о башкирах».

Летом 1865 г. Государственный совет принял постановление о передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство, т. е. изъятие их из ведения военного министерства и подчинение Министерству внутренних дел. Документ указывал, что службы по управлению башкирами переводятся с военного на гражданское законодательство⁴. Одновременно с указанным постановлением законодатель принял новое «Башкирское положение», основу которого составлял закон от 14 мая 1863 г., содержание которого было дополнено Оренбургским генерал-губернатором, в связи с передачей башкир в ведение МВД⁵.

Принципиальных новаций в изменённом «Положении о башкирах» 1863 г. было немного. Пожалуй, важнейшим из них была отмена вышеприве-

¹ ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. Штаты и таблицы. № 39623. С. 99–100.

² ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. № 40416. С. 313–314.

³ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42058. С. 477–484.

⁴ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42282. С. 753–755.

⁵ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42282. С. 755–776.

дённых «Правил об особом управлении башкирами»¹. Раздел I излагал права башкир на все виды разрешённой деятельности. Раздел II свидетельствовал об устройстве сельских (деревенских) и волостных (юртовых) обществ и общественном их управлении. Он содержал те же нормы о сельских сходах и сельских старостах. Сходы решали многие вопросы, в том числе об удалении «порочных» башкир. Теми же были и положения о волостном управлении, о юртовых сходах, на которые избирались делегаты по одному от 25 хозяйств. Волостное правление так же состояло из волостного старшины, всех сельских старост, помощника волостного старшины и сборщиков податей там, где они были. Ничего нового не было в порядке назначения и увольнения должностных лиц управления сельскими башкирами. Статья 43 документа указывала, что сельский староста имел право наказывать башкир за маловажные проступки к общественным работам на 2 дня, денежному штрафу до 1 руб., аресту на срок не более 2 дней, а ст. 66 отмечала, что у волостных старшин право наказания башкир за маловажные проступки было таким же, как и у сельских старост².

Как известно, 1 января 1874 г. в царской России был принят новый документ об исполнении воинской повинности³. Император Александр II утвердил «Правила о порядке отбывания воинской повинности башкирами Оренбургского края»⁴. Закон указывал, что «Воинский устав» 1874 г. надо вводить полностью в Оренбургском крае, но башкирам разрешить служить с лошадьми, т. к. они способны к кавалерийской службе. Те из них, кто не хочет этого делать, должны служить на общих основаниях. Устанавли-

валось проведение жеребьёвки, на которую обязаны были являться все башкиры призывного возраста.

В новых условиях Александр II издал 21 июля 1875 г. «именной» указ о преобразовании Крымского и Башкирского эскадронов в дивизионы. В них предполагалось иметь по 2 эскадрона. Предполагалось один сформировать из имеющегося дивизиона, а второй – заново. Командирам дивизионов предоставлялись права полковых командиров. Крымский дивизион подчинили начальнику 13-й дивизии, а Башкирский – начальнику штаба Оренбургского военного округа на правах начальника дивизии. Обмундирование и снабжение дивизионов осуществлялось по нормам кавалерийских войск⁵.

В июле 1876 г. император утвердил Положение Военного совета об увеличении штата Башкирского дивизиона⁶. В него добавили 8 вольноопределяющихся со своими лошадьми, а также 2 хлебопёка и 2 кашевара. Кроме того, прибавлялось 16 строевых лошадей. Документ указывал, что башкирам будут выдавать за каждую утраченную (по разным причинам) лошадь по 60 руб.

В конце марта 1878 г. было издано временное «Положение о Башкирском конном полке»⁷. Оно отмечало, что Башкирский дивизион преобразовывался в Башкирский конный полк. Он формировался из новобранцев со своими лошадьми и выступал, как подразделение подготовки кавалеристов для военного времени.

Полк состоял из 4 эскадронов. В мирное время полк делился на: постоянный состав и переменный, в котором служили башкиры, отбывавшие воинскую повинность. Он по-прежнему подчинялся начальнику штаба Оренбургского военного округа на правах начальника дивизии.

¹ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42282. С. 769.

² Там же. С. 766

³ ПСЗРИ-II. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 52982. С. 1-2; ПСЗРИ-II. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 52983. С. 2-29

⁴ ПСЗРИ-II. Т. 49. Отд. 2. СПб., 1876. № 53712. С. 18-19

⁵ ПСЗРИ-II. Т. 50. Отд. 2. СПб., 1877. № 54927. С. 76-77; ПСЗРИ-II. Т. 51. Отд. 2. СПб., 1878. № 56249. С. 91-92

⁶ ПСЗРИ-II. Т. 51. Отд. 2. СПб., 1878. № 56249. С. 91-92.

⁷ ПСЗРИ-II. Т. 53. Отд. 1. СПб., 1880. № 58341. С. 210-211.

Башкиры, служившие в постоянном составе, получали казённых лошадей.

Одновременно был утверждён штат Башкирского конного полка¹. Его командиром назначался офицер в чине полковника. Штаб- и обер-офицеров в полку было 30 чел. Гражданских чинов военного ведомства 4 чел.: старший и младший врачи, ветеринарный врач и делопроизводитель по хозяйственной части. Нижних чинов строевых – 729 чел., нестроевых – 135 чел.

В начале мая 1878 г. был издан указ о добавлении в штат Башкирского полка 16 казённых строевых лошадей². В июле 1882 г. российский император Александр III упразднил Башкирский конный полк, с заменой его формированием в военное время Башкирской милиции³.

В апреле 1898 г. Николай II утвердил «Положение о размежевании башкирских дач»⁴. Документ был предназначен для приведения в известность и утверждения границ башкирских земель в Уфимской, Оренбургской, Пермской, Самарской и Вятской губерниях. Для выяснения этой проблемы создавались специальные комиссии. Её решение имело большое значение как для кочевых, так и оседлых башкир.

Заключение

Вышеизложенное свидетельствует о том, что отношения царизма с башкирами изначально были сложными. На про-

тяжении длительного времени башкиры восставали против чуждой им царской власти. Во многих случаях зачинщиками бунтов была башкирская родоплеменная верхушка, не желавшая делить ни с кем свою власть над кочевниками. Однако со временем бунтарский настрой башкир стал иссякать, и они смирились с российскими порядками.

Правительство проявляло терпимость к их многовековым традициям, издавало правовые акты, подтверждающие их права и обязанности. На башкир распространили воинскую повинность, из них формировали военные подразделения. Государственные «положения» об управлении башкирами определяли строй их повседневной жизни. В середине 1860-х гг. власть над ними была изъята из ведения военного министерства и передана под эгиду МВД, что облегчило адаптацию башкир в общеимперское правовое пространство и жизнь страны в полном объёме.

Безусловно, царское законодательство о башкирах на местах игнорировалось, нарушалось, искажалось и т. п., однако это не могло принизить роль Российского государства в их исторических судьбах. Дореволюционный опыт пребывания башкир в его составе, сотрудничество с русским и иными этносами, способствовали в дальнейшем их успешному развитию в рамках советской автономии и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аетбаев А. Р. Кантонная система управления башкир в Оренбургской губернии в первой половине XIX столетия по новым материалам ЦГИА РБ. Уфа: Башкирский государственный университет, 2008. 240 с.
2. Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ Башкирского государственного университета, 2016. 369 с.
3. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.) Уфа: Башкирский государственный университет, 2005. 228 с.

¹ ПСЗРИ-II. Т. 53. Отд. 3. СПб., 1880. Штаты и табели. № 58341. С. 172–175.

² ПСЗРИ-II. Т. 53. Отд. 1. СПб., 1880. № 58465. С. 312.

³ ПСЗРИ-III. Т. 2. СПб., 1886. № 1010. С. 359–360.

⁴ ПСЗРИ-III. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15278. С. 249–254.

4. Азнабаев Б. А., Джунджузов С. В. Складывание системы управления башкирами Оренбургского края в XVIII веке // Вестник Башкирского университета. 2014. № 2. С. 421–425.
5. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865). Уфа: Китап, 2005. 255 с.
6. Ишкулов Ф. А. Искужин Т. С., Гатауллина З. Ф. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 1996. 223 с.
7. Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа Уфа: Китап, 1998. 400 с.
8. Сахипова А. Ф. Местное самоуправление башкир: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2007. 210 с.
9. История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2009–2012.
10. Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / сост.: А. З. Асфандияров. Уфа: Китап, 2012. 480 с.
11. Кунафина И. Р. Судостроительство и судопроизводство у башкир в период кантонной системы управления // Вестник Башкирского университета. 2013. № 3. С. 821–825.
12. Самситдинов И. З. Территориальная организация башкир и особенности местного самоуправления в башкирском крае со второй половины XVI века до 1917 года // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 142–147.

REFERENCES

1. Aetbaev, A. R. (2008). *The Cantonal System of Bashkir Administration in the Orenburg Governorate in the First Half of the 19th Century Based on New Materials from the Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan*. Ufa: Bashkir State University Publ. (in Russ.).
2. Aznabaev, B. A. (2016). *Bashkir Society in the 17th – First Third of the 18th Century*. Ufa: Bashkir State University Publ. (in Russ.).
3. Aznabaev, B. A. (2005). *Integration of Bashkiria into the Administrative Structure of the Russian State (Second Half of the 16th – First Third of the 18th Centuries)*. Ufa: Bashkir State University Publ., (in Russ.).
4. Aznabaev, B. A., Dzhundzhuzov, S. V. (2014). Formation of the System of Bashkir Administration in the Orenburg Region in the 18th Century. In: *Bulletin of Bashkir University*, 2, 421–425. (In Russ.).
5. Asfandiyarov, A. Z. (2005). *Cantonal Administration in Bashkiria (1798–1865)*. Ufa: Kitap Publ. (in Russ.).
6. Ishkulov, F. A., Iskuzhin, T. S. & Gataullina, Z. F. (1996). *History of State and Law of Bashkortostan*. Ufa: Kitap Publ. (in Russ.).
7. Kuzeev, R. G. (1998). *Historical Ethnography of the Bashkir People*. Ufa: Kitap Publ. (in Russ.).
8. Sakhipova, A. F. (2007). *Local Self-Government of the Bashkirs: Historical and Legal Research: [dissertation]*. Ufa: Bashkir State University Publ. (in Russ.).
9. Kulsharipov, M. M., ed. (2009–2012). *History of the Bashkir People: in 7 vols*. Ufa: Gilem Publ. (in Russ.).
10. Asfandiyarov, A. Z., Rakhimov, R. N. & Khisamitdinova, F. G. (2012). *Documents and Materials on the History of the Bashkir People (1790–1912)*. Ufa: Kitap Publ. (in Russ.).
11. Kunafina, I. R. (2013). Judicial Organization and Legal Proceedings among the Bashkirs during the Cantonal System of Administration. In: *Bulletin of Bashkir University*, 3, 821–825 (in Russ.).
12. Samsitdinov, I. Z. (2015). Territorial Organization of the Bashkirs and Features of Local Self-Government in the Bashkir Region from the Second Half of the 16th Century to 1917. In: *Bulletin of Bashkir University*, 1, 142–147 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинов Пётр Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru; ORCID:

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr P. Litvinov (Yelets) – Dr. Sci. (History), Independent Researcher;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru; ORCID:

Научная статья

УДК 94:32:004(73)(470)(510)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-173-189

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ США, РОССИИ И КИТАЯ

Безрученко М. П., Ткачёва Т. О.

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: marina.telenga@gmail.com*

Поступила в редакцию 18.08.2025

После доработки 16.09.2025

Принята к публикации 26.10.2025

Аннотация

Цель. Выявление особенностей трактовки и реализации цифрового суверенитета в контексте национальных стратегий США, России и Китая, а также анализа влияния данных подходов на международные отношения и глобальное управление интернетом.

Процедуры и методы. Исследование опирается на концепцию фрейм-анализа для изучения научных публикаций и источников. Дополнительно применяется сравнительный анализ для сопоставления подходов к цифровому суверенитету в США, России и Китае с учётом исторических, культурных и политических особенностей. Качественный анализ текстов на русском, английском и китайском языках позволяет выявить ключевые нарративы и практики в данной области.

Результаты. Исследование демонстрирует доминирование США в цифровом пространстве. В свою очередь, Россия и Китай стремятся противостоять этой гегемонии. Россия фокусируется на защите национального сегмента интернета и снижении зависимости от западных технологий, в то время как Китай развивает автономную цифровую экосистему, опираясь на государственный контроль и культурно-историческую специфику.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование расширяет понимание трансформации классического понятия суверенитета в цифровую эпоху. Результаты исследования предоставляют инструментарий для анализа национальных стратегий цифрового суверенитета и их влияния на международные отношения.

Ключевые слова: цифровая гегемония, цифровой суверенитет, информационный суверенитет, золотой щит, РФ, КНР, США

Для цитирования:

Безрученко М. П., Ткачёва Т. О. Цифровой суверенитет в глобальной политике: сравнительный анализ стратегий США, России и Китая // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 173–189.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-173-189

Original research article

DIGITAL SOVEREIGNTY IN GLOBAL POLITICS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STRATEGIES OF THE USA, RUSSIA AND CHINA

M. Bezruchenko*, T. Tkachoyva

Kuban State University

Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: marina.telenga@gmail.com

Received 18.08.2025

Revised 16.09.2025

Accepted 26.10.2025

Abstract

Aim. The purpose of the study is to identify the specifics of the interpretation and implementation of digital sovereignty in the context of the national strategies of the United States, Russia and China, as well as to analyze the impact of these approaches on international relations and global Internet governance.

Methodology. The study relies on the concept of frame analysis to study scientific publications and sources. Additionally, comparative analysis is used to compare approaches to digital sovereignty in the United States, Russia and China, taking into account historical, cultural and political features. Qualitative analysis of texts in Russian, English and Chinese allows us to identify key narratives and practices in this area.

Results. The study demonstrates the dominance of the United States in the digital space. In turn, Russia and China seek to counter this hegemony. Russia focuses on protecting the national segment of the Internet and reducing dependence on Western technologies, while China is developing an autonomous digital ecosystem, relying on state control and cultural and historical specifics.

Research implications. The study expands the understanding of the transformation of the classical concept of sovereignty in the digital age. The results of the study provide tools for analyzing national digital sovereignty strategies and their impact on international relations.

Keywords: digital hegemony, digital sovereignty, information sovereignty, golden shield, Russian Federation, USA, PRC

For citation:

Bezruchenko, M. P. & Tkachoyva, T. O. (2025). Digital sovereignty in global politics: a comparative analysis of the strategies of the USA, Russia and China. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 173–189.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-173-189

Введение

Глобальная цифровизация формирует «новое измерение», актуализируя исследование изменений роли государства в международных отношениях. Суверенитет, веками остававшийся основополагающим принципом, теперь сталкивается с вызовами, требующими его переосмысления [1; 2]. Традиционно суверенитет рассматривался как верховная власть государства, ограниченная лишь внутренним законодательством, и символизировал независимость. Однако цифровая эра с её отсутствием физических границ, множественностью акторов, пересекающимися юрисдикциями и децентрализованным взаимодействием размывает привычные рамки. Это ставит перед государствами задачу трансформации понимания суверенитета применительно к цифровой реальности.

Дискуссия о суверенитете в цифровом пространстве получила новый импульс пять лет назад благодаря работам американских учёных: в 2020 и 2021 гг. были опубликованы работы М. Мюллера и К. Дж. Хеллера. Эти работы стали отправной точкой для активных дебатов о роли и природе суверенитета в условиях цифровых технологий. Результатом данных публикаций стало зарождение понятия «цифровой суверенитет».

Идея цифрового суверенитета сформировалась в результате многоуровневых дебатов – международных, национальных и внутригосударственных. Несмотря на появление множества качественных исследований, консенсус о содержании, масштабах и значении этой концепции, а также её связи с традиционным суверенитетом, пока не достигнут.

Цифровой суверенитет декларируется как отдельными государствами, так и международными организациями. Однако последние, будучи лишены атрибутов суверенности, сталкиваются с ограничениями в его реализации. На практике цифровой суверенитет формируется через нарративы, политические стратегии,

технологические практики и правовые механизмы, которые, в свою очередь, черпают легитимность из самой концепции.

Группа европейских учёных предлагает подход «недумающего» цифрового суверенитета, основанный на идее Им. Валлерстайна [3, р. 24]. Этот подход предполагает отказ от устоявшихся представлений для создания новых теоретических основ. Его цель — не замена существующих интерпретаций, а критический анализ через нетрадиционные призм. Подход децентрирует понятие суверенитета от классической Вестфальской модели, предлагая новые перспективы его понимания.

Кроме того, «недумающий» подход подчёркивает, что исследователи цифрового суверенитета не остаются нейтральными аналитиками. Их работа активно влияет на формирование политик и практик, использующих эту концепцию для легитимации. Таким образом, подход выводит эпистемологические вопросы в центр дискуссий о цифровом управлении, призывая к рефлексивному осмыслению структур и академических нарративов.

Важным следствием такого подхода является понимание того, что развитие цифрового суверенитета нельзя рассматривать изолированно. Этот процесс вплетён в глобальную борьбу за контроль над цифровым пространством, которая тесно связана с геополитическим соперничеством и стремлением к гегемонии, часто принимающем жёсткие и конфликтные формы.

Дополнительной трудностью для учёных становится рост цифровой дипломатии как составной части публичной дипломатии. Это явление усложняет анализ цифрового суверенитета, поскольку включает в себя как технологические, так и коммуникативные аспекты, влияющие на международные отношения и глобальное управление [4, с. 147].

В этой статье авторы исследуют вопрос о том, что можно подразумевать

под суверенитетом в контексте данных и цифровых пространств. В качестве основы для этого исследования мы выделяем три концепции суверенитета – российскую, американскую и китайскую.

Соединённые Штаты Америки закрепили за собой положение гегемона на цифровой арене: согласно докладу клуба «Валдай», представленному в 2021 г., 92% данных местных властей и национальных правительств, а также данных социальных сетей западного мира хранятся на серверах, принадлежащих США¹.

Правительства России и Китая хотят добиться цифрового суверенитета, чтобы обеспечить безопасность своих стран. Но они используют разные подходы: Россия старается достичь этой цели через дипломатию и внешнеполитические инициативы, а Китай применяет меры по фильтрации контента внутри своего сегмента интернета².

Таким образом, мы видим государства, стремящиеся установить цифровой суверенитет, ввиду разного позиционирования и преследования отличающихся результатов.

Методология проведённого исследования

Авторы в соответствии с концепцией фрейм анализа сформулировали стратегию поиска и исследования источниковой базы и академического материала, в которых упоминается об информационном суверенитете. Так, помимо вышеупомянутого термина, наша стратегия включает четыре родственных и показавшихся релевантными понятия: «цифро-

вой суверенитет», «киберсуверенитет», «суверенитет данных» и «виртуальный суверенитет». Оговоримся, что мы не останавливали своё внимание на пяти категориях цифрового суверенитета: суверенитет киберпространства, цифровой суверенитет государства и правительства, цифровой суверенитет коренных народов, цифровой суверенитет и общественные движения, а также личный цифровой суверенитет [5]. Более того, данная статья не претендует на исчерпывающий обзор всех опубликованных по обозначенной тематике статей.

В качестве исследовательской базы были использованы публикации на русском, английском и китайском языках. Подобный выбор объясняется составом нашей исследовательской группы и профессиональной специализацией авторов, а также сформулированной задачей работы. Материал включался в исследование, если в нём упоминалось понятие суверенитета в связи с цифровыми, например, данными, оцифровкой, информационно-коммуникационными технологиями или цифровыми инфраструктурами.

Обратим внимание, что оценка качества понятий или аргументов, которые встречались в исследовательском материале, не обозначалась в качестве результата. Мы попытались отобразить использование понятий и выявить отличия.

Цифровой суверенитет: теоретический аспект

Суверенитет как категория, связанная с цифровизацией, стала предметом научного интереса относительно недавно – данной теме посвящён ряд обзорных статей и дискуссионных статей последних лет. В них даются конкретные концепции понимания, что именно охватывает суверенитет в отношении цифровых технологий и сред.

Первыми на цифровой суверенитет обращают внимание американские исследователи. В 2020 г. вышла статья М. Мюллера, которая была посвящена вопросу

¹ Цифровой суверенитет // Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/tsifrovoy-suverenitet/> (дата обращения: 15.06.2025).

² Зиновьева Е., Яцзе Б. Практика цифрового суверенитета в России и КНР // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/praktika-tsifrovogo-suvereniteta-v-rossii-i-kr/> (дата обращения: 25.03.2025).

суверенитета в рамках сети Интернет [6, р. 784]. В следующей году была опубликована работа его коллеги К. Дж. Хеллера, в которой автор рассуждает о том, что такое суверенитет, и существует ли он в цифровом пространстве [7, р. 1444]. Именно с выхода этих трудов начинается дискуссия об исследуемом нами вопросе.

Данная тематика вызывает общемировой научный интерес в настоящий момент. Европейский научный сегмент, направленный на изучение цифрового суверенитета, принято делить на две группы [8, р. 2111]. Одно направление литературы рассматривает этот вопрос как политическую концепцию, пытаясь оценить его политическую полезность и нормативную желательность или картировать различных вариантов использования или понимания цифрового суверенитета [9].

Другое направление исследований фокусируется на политической роли или функции цифрового суверенитета, стремясь понять, что именно он «делает», т. е. как цифровой суверенитет влияет на политику в области цифровых технологий [10, р. 322]. Данное восприятие выражается в тезисе, что цифровой суверенитет – это не только нормативный проект, но и геополитический.

Британский учёный Л. Флориди исследует цифровой суверенитет через призму трансформации капитализма и демократии в информационную эпоху. Он отмечает, что данные принципиально отличаются от традиционных ресурсов, таких как нефть: они находятся преимущественно в частной собственности, контролируются рыночными силами и активно эксплуатируются транснациональными корпорациями.

По мнению Флориди, национальный суверенитет нуждается в дополнении наднациональными механизмами регулирования, которые становятся условием его реализации. Учёный подчёркивает важность гармонизации стандартов и улучшения координации между различ-

ными уровнями управления цифровым пространством для обеспечения равных прав участников [11, р. 25].

Коллектив соавторов из Германии отмечает, что «суверенитет данных обычно каким-то образом связан со значимым контролем, владением и другими претензиями на данные или инфраструктуры данных» [12, р. 141]. Их коллеги из Берлинского центра социальных наук Дж. Поле и Т. Тиль подчёркивают, что цифровой суверенитет «часто используется как сокращение для упорядоченной, ценностно-ориентированной, регулируемой и, следовательно, разумной и безопасной цифровой сферы» [13]. Далее учёные замечают, что он направлен на восстановление роли национального государства, включая национальную экономику и её граждан в качестве ключевых категорий в глобальном управлении цифровыми инфраструктурами и технологиями.

Эти два ключевых общих наблюдения приводят к следующему тезису: государство продолжает оставаться одним из значимых субъектов, которые декларируют и стремятся обеспечить формы суверенитета в цифровой сфере. Например, британский учёный К. Мартин детально рассматривает дискуссии о суверенитете государства в контексте использования цифровых инструментов частным сектором для гуманитарных целей [14]. Кроме основного аспекта контроля, субъекты связывают цифровой суверенитет с различными мерами и инструментами. Государства или наднациональные организации могут добиться контроля над цифровыми технологиями через усиление потенциала, инвестиции и регулирование. Эти подходы помогают им укреплять свою способность управлять и развивать цифровые технологии, что в конечном итоге способствует повышению уровня их цифрового суверенитета [8, р. 2112].

Научный сотрудник Центра цифровизации, демократии и инноваций Брюс-

сельской школы управления Й. Тумфарт отмечает, что страны Глобального Севера перешли от модели относительно нерегулируемого интернета к концепции цифрового суверенитета под влиянием ряда ключевых событий. Среди них: разоблачения Эдварда Сноудена в 2013 г., раскрывшие масштабы глобальной слежки со стороны США; скандал с Cambridge Analytica в 2016 г., связанный с использованием данных Facebook для манипулирования общественным мнением во время президентских выборов в США; Brexit, изменивший подходы к цифровой политике в Европе; а также кризис дезинформации, обострившийся во время пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. Эти события стали катализаторами усиления государственного контроля над цифровыми технологиями [15, р. 37].

В совместной статье Е. С. Зиновьевой и Б. Яцзе отмечается, что ключевые компоненты цифрового суверенитета включают развитие национальных поисковых систем и социальных сетей для снижения зависимости от зарубежных платформ, а также укрепление цифровой инфраструктуры национального сегмента интернета. Последнее подразумевает создание локализованных хранилищ данных и точек обмена трафиком, что обеспечивает большую автономность и безопасность информационной системы¹.

Китайский исследователь Ф. Биньсин выделил четыре основополагающих принципа цифрового суверенитета [16, р. 80]:

1. каждая страна должна самостоятельно регулировать и управлять своим национальным сегментом интернета;

2. государства обязаны обладать техническими и правовыми средствами для защиты своих цифровых ресурсов от внешних киберугроз;

3. необходимо обеспечить равные права всех стран на использование интернет-ресурсов без дискриминации или доминирования со стороны других государств;

4. иностранные акторы не должны контролировать корневые DNS-серверы, чтобы гарантировать независимость национальной цифровой инфраструктуры.

Е. Громова и Д. Брантес Феррейра выделяют четыре ключевых сегмента цифрового суверенитета: защиту данных, кибербезопасность, эффективное регулирование через эксперименты и создание благоприятных условий для развития технологий [17, р. 57]. При этом они подчёркивают, что последние два элемента не относятся к традиционным аспектам суверенитета, а роль стимулирующих мер особенно важна. По их мнению, государства должны активно продвигать цифровые технологии, используя специальные правовые режимы, такие как создание экономических зон или развитие государственно-частного партнёрства.

По мнению российских исследовательниц О. Устюжанцевой и Е. Поповой, в демократических государствах политика цифрового суверенитета формируется через многостороннее взаимодействие участников, что отражает ценности открытого общества. В авторитарных режимах, напротив, приоритет отдаётся централизованному контролю интернета, где ключевые полномочия находятся в руках государства [18, р. 77]. Это свидетельствует о том, что подходы к цифровому суверенитету определяются политической системой и распределением власти. В авторитарных странах концепция разрабатывается преимущественно государственными институтами без участия широкого круга заинтересованных сторон и практик совместного принятия решений.

Понятие цифрового суверенитета часто выступает как противовес доминированию США в управлении интернетом и влиянию транснациональных корпора-

¹ Зиновьева Е., Яцзе Б. Практика цифрового суверенитета в России и КНР // Российский совет по международным делам: [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.i/Pctua> (дата обращения: 14.03.2025).

ций (GAFAM: Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft). Современные исследования всё больше фокусируются на роли крупных технологических компаний, хотя государство остаётся одним из ключевых, но не единственным субъектом в цифровой сфере. Здесь также активно действуют частные компании, граждане, бизнес-структуры и другие заинтересованные стороны, формируя сложное взаимодействие, где права и полномочия всех участников взаимосвязаны.

Анализ литературы позволяет сделать важные выводы. Во-первых, цифровой суверенитет принципиально отличается от традиционного государственного суверенитета, так как обусловлен спецификой цифровой среды. Во-вторых, он не отменяет и не заменяет существующую концепцию суверенитета, а дополняет её в условиях цифровизации общества. Наконец, цифровой суверенитет порождает новые правовые, политические и научные дискуссии, требующие переосмысления классических подходов к пониманию суверенитета.

Рассмотрим более подробно, как формируются концепции цифрового суверенитета в США, России и Китая.

Цифровая гегемония: взгляд из Вашингтона

США занимают доминирующее положение в цифровом пространстве, и их мощь основывается исключительно на собственных технологических возможностях, включая скрытые усилия по установлению глобального цифрового контроля.

В Стратегии кибербезопасности правительство США прямо заявляет, что лидерство в цифровой сфере является ключевым элементом для поддержания глобальной гегемонии страны¹. На практике это утверждение находит подтверждение в действиях американских властей.

¹ National Cybersecurity Strategy. March 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/pReBa> (дата обращения: 25.06.2025).

Цифровое доминирование США можно описать через пять ключевых аспектов. Во-первых, это массовое наблюдение, которое позволяет США собирать и контролировать огромные объёмы глобальных данных. Во-вторых, продвижение концепции общественного достояния, которая помогает стране захватывать значительную долю на мировом цифровом рынке. В-третьих, навязывание односторонних действий, направленных на противодействие установлению многосторонних правил в киберпространстве. В-четвёртых, монополизация критической инфраструктуры интернета, что усиливает контроль над глобальной сетью в интересах США. И, наконец, в-пятых, милитаризация киберпространства, включая проведение наступательных киберопераций для продвижения своих стратегических интересов.

Каждый из этих аспектов отражает стремление США укрепить своё цифровое превосходство, часто в ущерб международному сотрудничеству и безопасности других стран.

Анализ этих аспектов показывает, как США ставят свои гегемонистские цели выше безопасности и развития глобального киберпространства, нанося значительный ущерб его стабильности и процветанию².

В стремлении обеспечить собственную безопасность, Вашингтон без колебаний жертвует кибербезопасностью других государств. Это не только подрывает национальную безопасность других стран, но и ослабляет общую экосистему глобальной кибербезопасности, заставляя весь мир платить высокую цену.

Кроме того, США игнорируют киберсуверенитет других стран, преднамеренно вторгаясь в их цифровое пространство

² Liu Xuanjia, Sun Guangya (Сунь Гуаня). The US digital hegemony: characteristics, objectives and implications [Цифровая Гегемония США: Особенности, Цели И Последствия]. State and Municipal Management Scholar Notes, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2024. Vol. 2. P. 297–301.

и нарушая его стабильность. Несмотря на международную критику, они продолжают политику массового наблюдения.

За этими усилиями стоят мощные мотивы: массовый сбор данных предоставляет США бесценную разведывательную информацию, которая служит основой для стратегического принятия решений на глобальном уровне. По данным СМИ, Агентство национальной безопасности США собирает огромные объёмы данных через онлайн-ресурсы и предоставляет их для ежедневных брифингов президента¹. На протяжении длительного времени киберразведка составляла более половины информации, представленной главе государства.

Таким образом, несмотря на глобальное осуждение, США продолжают действовать в одностороннем порядке, используя передовые технологии для поддержания своей системы глобального наблюдения и укрепления своего цифрового доминирования.

Информационный суверенитет: концепция Москвы

Согласно National Cyber Power Index 2022, подготовленному Центром Белфера при Гарвардской школе, Россия занимает третье место в мире по уровню кибервливания после США и Китая². Это подчёркивает важность информационных технологий в обеспечении национальной безопасности РФ. В российском дискурсе информационная сфера рассматривается как ключевой элемент суверенитета, что нашло отражение в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, принятой в 2016 г. Под информационной сферой понимается комплексная система, включающая информацию, инфраструктуру, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распро-

странение и использование информации, а также механизмы регулирования общественных отношений. Этот подход акцентирует внимание не только на технических, но и на социальных, правовых и организационных аспектах цифровизации³.

Термин «информационный суверенитет» активно используется в российской научной литературе, в отличие от западного аналога — «цифровой суверенитет». Среди пионеров исследования этой темы выделяются такие учёные, как М. М. Кучерявый и Н. Н. Федотов. Последний считается одним из первых популяризаторов термина, тогда как президент компании «Крибрум», член Совета при президенте по развитию гражданского общества и правам человека, член правления РОЦИТ И. С. Ашманов предложил одно из первых определений. Однако единое толкование феномена до сих пор отсутствует, что связано с его многоаспектностью и динамичным развитием [19].

В отличие от зарубежных исследователей, использующих термин «цифровой суверенитет», российская научная школа склоняется к термину «информационный суверенитет», считая его более точным. Однако в данной статье авторы используют оба термина как синонимы.

Учёные предлагают различные определения «информационного суверенитета» – от самых широких до узко направленных. Российский исследователь А. А. Ефремов под ним понимает право государства контролировать информацию, распространяемую на его территории [20, с. 207].

Уже упомянутый нами отечественный учёный М. М. Кучерявый, выявляя основные составляющие государственного суверенитета, экономический, идеологический, военный, дипломатический,

¹ Schaake, M. *The tech coup: How to save democracy from Silicon Valley*. Princeton University Press. 2024. P. 152.

² National Cyber Power Index 2022 / J. Voo, I. Hemani, D. Cassady [Электронный ресурс]. URL: <https://clcli/stcnd> (дата обращения: 14.07.2025).

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения: 07.06.2025).

юридический, предлагает добавить в структуру государственного суверенитета информационный суверенитет как ответ новым вызовам обеспечения национальной безопасности России [21, с. 11]. Информационный суверенитет он характеризует как «независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве» [22].

Кандидат политических наук, руководитель подразделения проблем информационной безопасности ЦМБ ИМЭМО РАН Н. Ромашкина рассматривает информационный суверенитет «как способность технологически и законодательно обеспечивать и защищать независимость государства и конституционные права граждан в информационном пространстве от внешних угроз, контролируя при этом происходящее в этом пространстве»¹.

Группа соавторов Московского государственного университета определяет информационный суверенитет как «эмергентное свойство современного государства как сложной системы» [23]. Это взаимодействие формируется за счёт сочетания технологических возможностей государства (таких как: развитие цифровой инфраструктуры и внедрение информационных технологий) с цифровыми компетенциями, навыками и способностями граждан, организаций и институтов в области эффективного использования цифровых ресурсов.

Таким образом, ключевым фактором становится не только наличие технологий, но и уровень подготовленности общества к их применению, что создаёт основу для устойчивого развития цифровой экосистемы.

Их коллега из Польши Ф. Брокиш, анализируя российский информационный суверенитет, отмечает, что он подразумевает использование отечественного IT-оборудования и оказание приоритетной поддержки российским IT-компаниям в сфере цифровых технологий. Особое внимание уделяется обеспечению безопасности национальной интернет-инфраструктуры и интернет-трафика, а также созданию национальной системы управления большими данными в рамках суверенного государства².

Если давать дальнейшую характеристику западному взгляду на случай России, то следует отметить, что такие исследователи, американские учёные Р. Смит и С. Отс, определяют подход к информационному суверенитету как «государственно-контролируемое повествование» [24, р. 287]. В силу авторитарной природы политической системы государство здесь характеризуется как отстранённое и деинституционализированное, стремящееся минимизировать точки взаимодействия с гражданским обществом.

Президент компании «Крибрум», член Совета при президенте по развитию гражданского общества и правам человека, член правления РОЦИТ И. С. Ашманов настаивает на необходимости цифрового суверенитета «потому что обычные виды суверенитета (политический, дипломатический, экономический, военный) сейчас под огромной угрозой из-за того, что у государства нет цифрового суверенитета, потому что цифровое пространство сейчас – это огромная дыра, через которую ломаются все остальные элементы суверенитета»³. По мнению И. С. Ашманова, цифровой суверенитет – это способность государства защищать своё информационное пространство и

¹ Ромашкина Н. Информационный суверенитет или почему России нужна стратегия информационной безопасности // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.i/yTpsa> (дата обращения: 06.08.2025).

² Brokeš F Russia's Sovereign Internet // Central European Financial Observer. 2018. September 24.

³ Ашманов И. Информационный суверенитет России: новая реальность // Россия навсегда: [сайт]. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/948/> (дата обращения: 15.05.2025).

самостоятельно определять информационную политику, не завися от внешних факторов. Он связывает этот феномен с необходимостью противостояния в информационной войне, особенно с США, и акцентирует внимание на разработке инструментов защиты и обеспечения безопасности информационного суверенитета.

В основе российской модели лежат два ключевых направления: «электронный щит» и «информационный щит». Первый направлен на снижение технологической зависимости от зарубежных решений. Он включает развитие отечественной аппаратной и программной базы, создание национальных систем (поисковые платформы, социальные сети, платёжные системы), импортозамещение микроэлектроники и внедрение криптографических средств защиты данных.

Однако реализация такого подхода остаётся уязвимой из-за недостаточной независимости в области цифровых технологий. В этой связи важно рассмотреть компоненты цифрового суверенитета, предложенные отечественным исследователем В. В. Бухариным:

- 1) собственная поисковая система для независимости в области поиска и обработки информации;
- 2) отечественные социальные сети для развития локального цифрового взаимодействия;
- 3) российскую операционную систему и программное обеспечение для снижения зависимости от зарубежных решений;
- 4) импортозамещение микроэлектроники для укрепления технологической независимости;
- 5) криптографические средства защиты информации для обеспечения безопасности данных;
- 6) глобальную навигационную систему для автономности в сфере геолокации;
- 7) национальную платёжную систему для поддержания финансовой независимости страны [19, с. 89].

Эти компоненты формируют основу цифровой инфраструктуры, способной противостоять внешним угрозам и обеспечивать устойчивое развитие государства в условиях глобальной цифровизации.

«Информационный щит» включает создание автономной интернет-инфраструктуры, контроль над медиасферой и распространением информации, разработку законодательной базы для защиты национальных интересов, а также продвижение государственной идеологии и противодействие внешним угрозам. Закон «О суверенном интернете», принятый в 2019 г., стал важным шагом в реализации этих подходов. Он предусматривает создание национальной системы маршрутизации трафика и централизованное управление критически важными элементами инфраструктуры¹.

В качестве контрмер по защите информационного суверенитета предлагается использовать так называемый «информационный меч», который представляет собой систему методов и линии поведения направленная на причинение ущерба информационному суверенитету противоборствующего государства. Они могут реализовываться в тех же плоскостях, что и стратегия «щита».

Несмотря на прогресс, Россия сталкивается с рядом трудностей. Ограниченный опыт высокотехнологичных компаний в разработке комплексных платформенных решений, зависимость от зарубежных технологий, особенно в области микроэлектроники, и необходимость более активного участия в международных дискуссиях о регулировании интернета остаются вызовами. Таким образом, информационный суверенитет становится ключевым элементом национальной безопасности, требующим комплексного подхода: технологического,

¹ Ашманов И. С. Информационный суверенитет. Лекция для специалистов ИТ [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-82197743_656994 (дата обращения: 20.07.2025).

правового и социального. Россия последовательно движется к снижению зависимости от западных технологий, однако полная реализация этой стратегии требует дальнейших усилий, включая развитие собственной индустрии и участие в международном диалоге.

Золотой щит: цифровая политика Пекина

Изначально термин «цифровой суверенитет» появился в китайском дискурсе на рубеже XXI в. как ответ на расширение цифровой мощи США. В этот период Соединённые Штаты активно продвигали свою «мягкую силу» через информационные технологии, рассматривая их как инструменты демократизации и либерализации общества.

Эта геостратегия, основанная на принципах децентрализации интернета и нетерриториальных сетей, была воспринята китайскими учёными как западный гегемонистский проект. Ярким примером такого доминирования стало влияние США на инфраструктуру управления интернетом, включая ключевую роль Корпорации по управлению именами и номерами в интернете. Именно в противовес этой модели Китай начал развивать собственную концепцию киберсуверенитета, подчёркивающую важность государственного контроля над цифровым пространством [25, p. 11].

Инспирированное дискуссиями Нового мирового информационного и коммуникационного порядка, китайское социотехническое представление о цифровом суверенитете, направленное на укрепление национального контроля над цифровыми технологиями, начало формироваться ещё в 1990-х гг. Этот подход изначально опирался на стремление Пекина минимизировать зависимость от зарубежных технологий и создать автономную цифровую экосистему, что заложило основу для современной стратегии технологического суверенитета страны [13; 26]. Данное представление определя-

ется пятью ключевыми культурными и политическими факторами.

Первым фактором выступает геополитический контекст. После распада СССР Китай стал рассматриваться как стратегический и экономический конкурент США. Защита от попыток изменения политического режима через цифровые средства стала ключевой задачей китайской политики.

Вторым элементом можно выделить культурно-историческую самосознательность. Китай позиционирует себя как постколониальное государство, чувствительно относясь к действиям западных стран, особенно США. Антиколониальная риторика усилилась в 1990-х гг., что совпало с восстановлением суверенитета над Гонконгом в 1997 г. и Макао в 1999 г. Эти процессы повлияли на формирование представлений о цифровом суверенитете.

Третьим фактором является специфика политической системы. В рамках социалистической модели чёткое разделение частного и государственного секторов отсутствует. Государство активно контролирует ключевые технологические направления, следуя марксистскому подходу к управлению экономикой и технологиями для обеспечения национальных интересов [27].

Особое значение имеет конфуцианство и его влияние на общество и государство. Конфуцианская традиция, возрождённая при Дэн Сяопине, играет важную роль в формировании государственной идеологии. Несмотря на официальный атеизм, общество нельзя назвать светским в западном смысле. Конфуцианство подчёркивает гармонию и коллективное благо, что интегрируется в современные подходы к управлению обществом и цифровым суверенитетом.

Последней, но не по значению, составляющей является универсалистское понимание государственности. Китайская концепция суверенитета уходит корнями в конфуцианскую и имперскую мысль, выражаемую через идею 天下

(Tianxia, «всё под небом»). Это целостное представление о государстве связывает культурные и политические вопросы, подчёркивая их взаимозависимость. Осторожная позиция Китая в отношении цифровой гегемонии США обусловлена восприятием доминирования западной культурной парадигмы в интернете, что усиливает стремление к технологическому и культурному суверенитету.

Ещё в 1990-е-начале 2000-х гг. китайские учёные рассматривали доминирование английского языка в интернете как угрозу национальной культурной идентичности. Эти опасения побудили правительство Китайской Народной Республики уже в 2000 г. внедрить доменные имена, записанные китайскими иероглифами [28].

Идеологическую основу цифрового суверенитета Китая можно проследить с 1996 года [27, р. 444], а ключевым моментом стало эссе Гун Вэньсяна из Школы международных отношений Пекинского университета, опубликованное в 1998 г. под названием «Информационный суверенитет» (信息主权) [28].

Гун Вэньсян ссылаясь на дискуссии о Новом мировом информационном и коммуникационном порядке, критикуя культурное господство США как угрозу глобальному информационному равновесию. Он призывал к созданию «справедливых, равноправных и взаимовыгодных форм коммуникации», противопоставляя концепцию «информационного суверенитета» западной модели «глобализации информации».

Это эссе стало важным шагом в формировании китайского подхода к цифровому суверенитету, подчёркивая необходимость защиты национальных интересов в условиях глобализации технологий.

В период правления Цзян Цзэминя Китай сделал значительные инвестиции, опираясь на концепцию «конкурентного преимущества позднего старта», чтобы вывести страну в лидеры в новейших и сложных отраслях информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [29,

р. 114]. Благодаря этой стратегии и масштабным вложениям Китай превратился в одну из ведущих экономик мира, заняв прочные позиции во многих секторах ИКТ.

В то время как на Западе интернет воспринимался как площадка для либерализации и продвижению прав и свобод человека и гражданина, китайское правительство воспринимало интернет иначе – прежде всего как инструмент для достижения экономических целей. В то же время оно стремилось предотвратить распространение американского понимания интернета, которое могло бы нанести ущерб существованию и легитимности Коммунистической партии Китая. Так, важным поворотным моментом в этой последовательной политики стало формирование системы, известной как «Великий китайский файрвол». Она призвана блокировать информацию по чувствительным для Китая темам — включая вопросы, связанные с тибетским и уйгурским вопросами, а также события июня 1989 г. [30, р. 444].

Один из самых простых способов контроля нежелательного контента — его полная блокировка. Именно эта логика легла в основу китайского «Проекта Золотого щита», который считается одной из самых сложных систем блокировки и фильтрации контента в мире. Проект был разработан в 1996 г., но официально запущен только лишь в 2006 г. Другими словами, «Проект Золотого щита» представляет собой технологическую реализацию законодательных норм, направленных на регулирование интернета [31, р. 171].

С момента полного запуска проекта «Золотой щит» в 2006 г. были заблокированы десятки веб-страниц, IP-адресов и URL-адресов, включая популярные социальные сети – Twitter, Facebook и Instagram¹.

¹ WhatsApp, Facebook и Instagram – принадлежат компании Meta Platforms Inc. (признана экстремистской организацией, и её деятельность запрещена на территории РФ). Реализация Facebook и Instagram на территории РФ запрещена».

Согласно исследованию 2020 г., развитие проекта можно разделить на четыре фазы. Первая фаза началась с блокировки определённых доменных имён и IP-адресов внутри страны. Система также использовалась для выявления нарушителей. Для этого китайские власти обязали все интернет-кафе установить одобренное шпионское программное обеспечение и регистрировать пользователей по удостоверениям личности. Это позволило государству контролировать активность в интернет-кафе и оперативно наказывать нарушителей [30, р. 446].

В этом контексте под руководством Си Цзиньпина Китай начал активно продвигать собственное видение киберсуверенитета. Это понятие основано на принципах государственного контроля, сосредоточено на роли государства и подчёркивает обязанности отдельных лиц, а не их права [29, р. 116]. Идея китайского «киберсуверенитета» получила новое развитие в Белой книге 2010 г. под названием «Интернет в Китае». В документе было чётко обозначено, что «на территории Китая интернет находится под суверенитетом Китая». Белая книга также подчёркивала, что все лица и организации, действующие в Китае, обязаны соблюдать местные законы и правила, регулирующие использование интернета.

Культурные элементы цифровой политики нельзя сводить лишь к ограничениям сверху. Они включают и продуктивные практики, возникающие снизу вверх. Одним из ярких примеров является развитие формы «цифрового национализма» в китайском обществе, где пользователи интернета осознанно поддерживают государственную повестку и участвуют в её распространении [31, р. 168].

На Будапештской конференции по киберпроблемам в 2012 г. Китай представил пять принципов международного сотрудничества в киберпространстве. Первый и ключевой принцип – суверенитет – был определён как право каждого государства самостоятельно формулиро-

вать свою политику и законодательство с учётом своей уникальной истории, традиций, культуры и языка [30, р. 462].

Этот подход подчёркивает важность уважения национальной специфики в регулировании интернета и противостоит универсализму, который часто ассоциируется с западными моделями управления киберпространством.

Заключение

Анализ показывает, что США укрепляют цифровое доминирование через 5 ключевых аспектов: массовый сбор данных, продвижение концепции общественного достояния, односторонние решения, контроль над критической интернет-инфраструктурой и милитаризацию киберпространства. Эти шаги, направленные на обеспечение глобальной гегемонии, подрывают международную кибербезопасность, игнорируют суверенитет других стран и ставят национальные интересы выше принципов многостороннего сотрудничества.

В России и Китае цифровой суверенитет рассматривается как элемент национальной безопасности, но подходы к его реализации различаются в зависимости от исторических, культурных и политических особенностей. Россия фокусируется на защите национального сегмента интернета и снижении зависимости от западных технологий. Закон «О суверенном интернете» направлен на создание автономной инфраструктуры и централизованное управление трафиком, однако слабая развитость высокотехнологичных компаний и необходимость участия в международных дискуссиях остаются вызовами.

Китайская модель основана на государственном контроле и создании автономной цифровой экосистемы. Через систему «Золотого щита» страна блокирует западные сервисы, развивает собственные платформы и продвигает идеологию коллективного блага. Особую роль играет «цифровой национализм», усиливающий

лояльность граждан. Культурно-историческая специфика и технологическое импортозамещение поддерживают эту стратегию.

Общие тенденции включают восприятие цифрового суверенитета как инструмента противодействия доминированию США и западных технологических корпораций. Обе страны стремятся к созданию автономных цифровых экосистем, снижению зависимости от зарубежных решений и укреплению национальной безопасности. При этом культурные и идеологические факторы, особенно в Китае, играют ключевую роль в легитимации государственной стратегии.

На глобальном уровне подходы России и Китая ставят под сомнение универсальные модели управления интернетом, предлагаемые западными странами. Эти государства выступают за многосторонний подход, учитывающий национальные особенности, но их усилия могут усугубить фрагментацию интернета и создать новые барьеры для международного сотрудничества. Таким образом, цифровой суверенитет становится не только технической, но и политической категорией, отражающей стремление государств сохранить контроль над своим цифровым будущим в условиях глобализации и технологической конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kissinger H. *World Order*. Penguin, 2014. 432 p.
2. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda / P. C. Verhoef, T. Broekhuizen, Y. Bart, A. Bhattacharya, et al. // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 122. Pp. 889–901.
3. Pohle J., Nanni R., Santaniello M. *Unthinking Digital Sovereignty: A Critical Reflection on Origins, Objectives, and Practices* // *Policy & Internet*. 2024. Vol. 16. № 3. P. 666–671. DOI: 10.1002/poi3.437
4. Кривохиж С. В., Теленьга М. П. Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 143–163. DOI: 10.21638/spbu06.2024.203
5. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // *Вестник международных организаций*. 2020. № 15. С. 48–69.
6. Mueller M. L. *Against Sovereignty in Cyberspace* // *International Studies Review*. 2020. № 22. P. 779–801. DOI: 10.1093/isr/viz044
7. Heller K. J. *In Defense of Pure Sovereignty in Cyberspace* // *International Law Studies*. 2024. № 97. P. 1432–1499.
8. Digital sovereignty – Rhetoric and reality / G. Falkner, S. Heidebrecht, A. Obendiek, T. Seidl // *Journal of European Public Policy*. 2024. № 31. P. 2099–2120. DOI: 10.1080/13501763.2024.2358984
9. Obendiek A. *Take back control? Digital sovereignty and a vision for Europe* // *Hertie School – Jacques Delors Center*. 2023. P. 341–345. DOI: 10.1080/13501763.2024.2358984
10. Digital sovereignty: From narrative to policy? / D. Broeders, R. Csernatoni, K. Irion, M. Kaminska, et al. 2022. 18 p.
11. Floridi L. *The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU* // *Philos Technol*. 2020. № 33. P. 369–378. DOI: 10.1007/s13347-020-00423-6
12. Data sovereignty: A review / P. Hummel, M. Braun, M. Tretter, P. Dabrock // *Big Data & Society*. 2021. № 8. DOI: 10.1177/2053951720982012
13. Pohle J., Thiel T. *Digital sovereignty* // *Internet Policy Review*. 2020. № 9. DOI: 10.14763/2020.4.1532
14. Martin C. *Geopolitics and Digital Sovereignty*. In: *Perspectives on Digital Humanism*. Springer, Cham / Werthner H., et al., eds. Springer, 2023. P. 227–231. DOI: 10.1007/978-3-030-86144-5_30
15. Thumfart J. *The norm development of digital sovereignty between China, Russia, the EU and the US: From the late 1990s to the Covid-crisis 2020/21 as catalytic event* // *Data Protection and Privacy: Enforcing Rights in a Changing World* / D. Hallinan, et al., eds. Hart Publishing, 2021. P. 1–44.
16. *Binxing F. Cyberspace Sovereignty*. Springer Singapore, 2018. 521 p.
17. Gromova E., Brantes Ferreira D. *On the Way to BRICS+ Digital Sovereignty: Opportunities and Challenges of a New Era* // *BRICS Law Journal*. 2024. № 11. P. 54–69. DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-3-54-69

18. Ustyuzhantseva O., Popova E. *Shaping Digital Sovereignty in Russia: Actors and Debates // Problems of Post-Communism*. 2024. № 72. P. 76–87. DOI: 10.1080/10758216.2024.2346202
19. Бухарин В. В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6. С. 76–91.
20. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.
21. Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 11–12.
22. Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. 345–348.
23. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологических трансформаций: содержание и особенности / С. В. Володенков, А. С. Воронов, Л. С. Леонтьева, М. Сухарева // Polylogos. 2021. № 5. DOI: 10.18254/S258770110014073-2
24. SMYTH R., OATES S. MIND THE GAPS: MEDIA USE AND MASS ACTION IN RUSSIA // EUROPE-ASIA STUDIES. 2015. № 67. P. 285–305. DOI: 10.1080/09668136.2014.1002682
25. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // Digital Society. 2025. № 4. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4
26. Cong W., Thumfart J. A Chinese Precursor to the Digital Sovereignty Debate: Digital Anti-Colonialism and Authoritarianism from the Post-Cold War Era to the Tunis Agenda // *Global Studies Quarterly*. 2022. Vol. 2. Iss. 4. P. 1–13. DOI: 10.1093/isagsq/ksac059
27. Zeng J., Stevens T., Chen Y. China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of "Internet Sovereignty" // *Politics and Policy*. 2017. № 45. P. 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202
28. Creemers R. China's Conception of Cyber Sovereignty: Rhetoric and Realization // *Governing Cyberspace: Behaviour, Power and Diplomacy* / D. Broeders, B. Berg, eds. London: Rowman & Littlefield, 2020. P. 107–142. DOI: 10.1007/978-3-319-60405-3
29. The Golden Shield Project of China: A Decade Later An in-depth study of the Great Firewall / S. Chandel, J. Zang, Y. Yu, J. Sun, Zhipen Zhang // *International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery*. 2020. P. 111–119. DOI: 10.1109/CyberC.2019.00027
30. Zeng J., Tim S., Yaru C. China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of "Internet Sovereignty" // *Politics and Policy*. 2017. № 45. P. 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202
31. Schneider F. A. China's digital nationalism // *The Routledge handbook of nationalism in East and Southeast Asia* / Z. Lu, ed. New York: Routledge, 2023. P. 167–180. DOI: 10.4324/9781003111450-14

REFERENCES

1. Kissinger, H. (2014). *World Order*. Penguin.
2. Verhoef, P. C., Broekhuizen, T., Bart, Y., Bhattacharya, A., et al. (2021) Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda. In: *Journal of Business Research*, 122, 889–901.
3. Pohle, J., Nanni, R. & Santaniello, M. (2024). Unthinking Digital Sovereignty: A Critical Reflection on Origins, Objectives, and Practices. In: *Policy & Internet*, 16-3, 666–671. DOI: 10.1002/poi3.437
4. Krivokhizh, S. V. & Telenga, M. P. (2024). Transformation of digital diplomacy in the face of new challenges: a look from Washington and Beijing. In: *Bulletin of St. Petersburg University. International relations*, 17-2, 143–163. DOI: 10.21638/spbu06.2024.203 (in Russ.).
5. Couture, S. & Toupin, S. (2020). What does the concept of "sovereignty" mean in the digital world? In: *Bulletin of International Organizations*, 15, 48–69 (in Russ.).
6. Mueller, M. L. (2020). Against Sovereignty in Cyberspace. In: *International Studies Review*, 22, 779–801. DOI: 10.1093/isr/viz044
7. Heller, K. J. (2024). In Defense of Pure Sovereignty in Cyberspace. In: *International Law Studies*, 97, 1432–1499.
8. Falkner, G., Heidebrecht, S., Obendiek, A. & Seidl, T. (2024). Digital sovereignty – Rhetoric and reality. In: *Journal of European Public Policy*, 31, 2099–2120. DOI: 10.1080/13501763.2024.2358984
9. Obendiek, A. (2023). Take back control? Digital sovereignty and a vision for Europe. In: *Hertie School – Jacques Delors Center*, 341–345. DOI: 10.1080/13501763.2024.2358984

10. Broeders, D., Csernaton, R., Irion, K., Kaminska, M., et al. (2022). *Digital sovereignty: From narrative to policy?*
11. Floridi, L. (2020). The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. In: *Philos Technol*, 33, 369–378. DOI: 10.1007/s13347-020-00423-6
12. Hummel, P., Braun, M., Tretter, M. & Dabrock, P. (2021). Data sovereignty: A review. In: *Big Data & Society*, 8. DOI: 10.1177/2053951720982012
13. Pohle, J. & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. In: *Internet Policy Review*, 9. DOI: 10.14763/2020.4.1532
14. Martin, C. (2023). Geopolitics and Digital Sovereignty. In: Werthner H., et al., eds. *Perspectives on Digital Humanism*. Springer, Cham. Springer, 227–231. DOI: 10.1007/978-3-030-86144-5_30
15. Thumfart, J. (2021). The norm development of digital sovereignty between China, Russia, the EU and the US: From the late 1990s to the Covid-crisis 2020/21 as catalytic event. In: Hallinan D., et al., eds. *Data Protection and Privacy: Enforcing Rights in a Changing World*. Hart Publishing, 1–44.
16. Binxing, F. (2018). *Cyberspace Sovereignty*. Springer Singapore.
17. Gromova E. & Brantes Ferreira D. (2024). On the Way to BRICS+ Digital Sovereignty: Opportunities and Challenges of a New Era. In: *BRICS Law Journal*, 11, 54–69. DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-3-54-69
18. Ustyuzhantseva, O. & Popova, E. (2024). *Shaping Digital Sovereignty in Russia: Actors and Debates*. In: *Problems of Post-Communism*, 72, 76–87. DOI: 10.1080/10758216.2024.2346202
19. Bukharin, V. V. (2016). Components of the digital sovereignty of the Russian Federation as the technical basis of information security. In: *Bulletin of MGIMO University*, 6, 76–91 (in Russ.).
20. Efremov, A. A. (2017). Formation of the concept of information sovereignty of the state. In: *Law: Journal of the Higher School of Economics*, 1, 201–215 (in Russ.).
21. Kucheryav, M. M. (2015). State policy of information sovereignty of Russia in the context of the modern global world. In: *Management consulting*, 2, 11–12 (in Russ.).
22. Zorina, E. G. (2017). Information sovereignty of the modern state and the main tools for its provision. In: *Izvestia Saratov University. Series: Sociology. Political science*, 17-3, 345–348 (in Russ.).
23. Volodenkov, S. V., Voronov, A. S., Leontyeva, L. S. & Sukhareva, M. (2021). Digital sovereignty of the modern state in conditions of technological transformations: content and features. In: *Polylogos*, 5. DOI: 10.18254/S258770110014073-2 (in Russ.).
24. SMYTH, R. & OATES, S. (2015). MIND THE GAPS: MEDIA USE AND MASS ACTION IN RUSSIA. In: *EUROPE-ASIA STUDIES*, 67, 285–305. DOI: 10.1080/09668136.2014.1002682
25. Pierucci, F. (2025). Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace. In: *Digital Society*, 4. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4
26. Cong, W. & Thumfart, J. (2022). A Chinese Precursor to the Digital Sovereignty Debate: Digital Anti-Colonialism and Authoritarianism from the Post-Cold War Era to the Tunis Agenda. In: *Global Studies Quarterly*, 2-4, 1–13. DOI: 10.1093/isagsq/ksac059
27. Zeng, J., Stevens, T. & Chen, Y. (2017). China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of "Internet Sovereignty". In: *Politics and Policy*, 45, 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202
28. Creemers, R. (2020). China's Conception of Cyber Sovereignty: Rhetoric and Realization. In: Broeders, D., Berg, B., eds. *Governing Cyberspace: Behaviour, Power and Diplomacy*. London: Rowman & Littlefield, 107–142. DOI: 10.1007/978-3-319-60405-3
29. Chandel, S., Zang, J., Yu, Y., Sun, J., Zhang Zhipen (2020). The Golden Shield Project of China: A Decade Later An in-depth study of the Great Firewall. In: *International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery*, 111–119. DOI: 10.1109/CyberC.2019.00027
30. Zeng, J., Tim, S. & Yaru, C. (2017). China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of "Internet Sovereignty". In: *Politics and Policy*. 2017. № 45. P. 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202
31. Schneider, F. A. (2023). China's digital nationalism. In: Lu, Z., ed. *The Routledge handbook of nationalism in East and Southeast Asia*. New York: Routledge, 167–180. DOI: 10.4324/9781003111450-14

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Безрученко Марина Павловна (г. Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета;

e-mail: marina.telenga@gmail.com; ORCID: 0009-0006-2221-5792;

Ткачёва Татьяна Олеговна (г. Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета;

e-mail: totkacheva2002@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina P. Bezruchenko (Krasnodar) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University;

e-mail: marina.telenga@gmail.com; ORCID: 0009-0006-2221-5792;

Tatyana O. Tkacheva (Krasnodar) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University;

e-mail: totkacheva2002@gmail.com

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025. № 5

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 12, уч.-изд. л. 14,25.

Подписано в печать: 22.12.2025 г. Дата выхода в свет: 29.12.2025 г. Заказ № 2025/12-32.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А